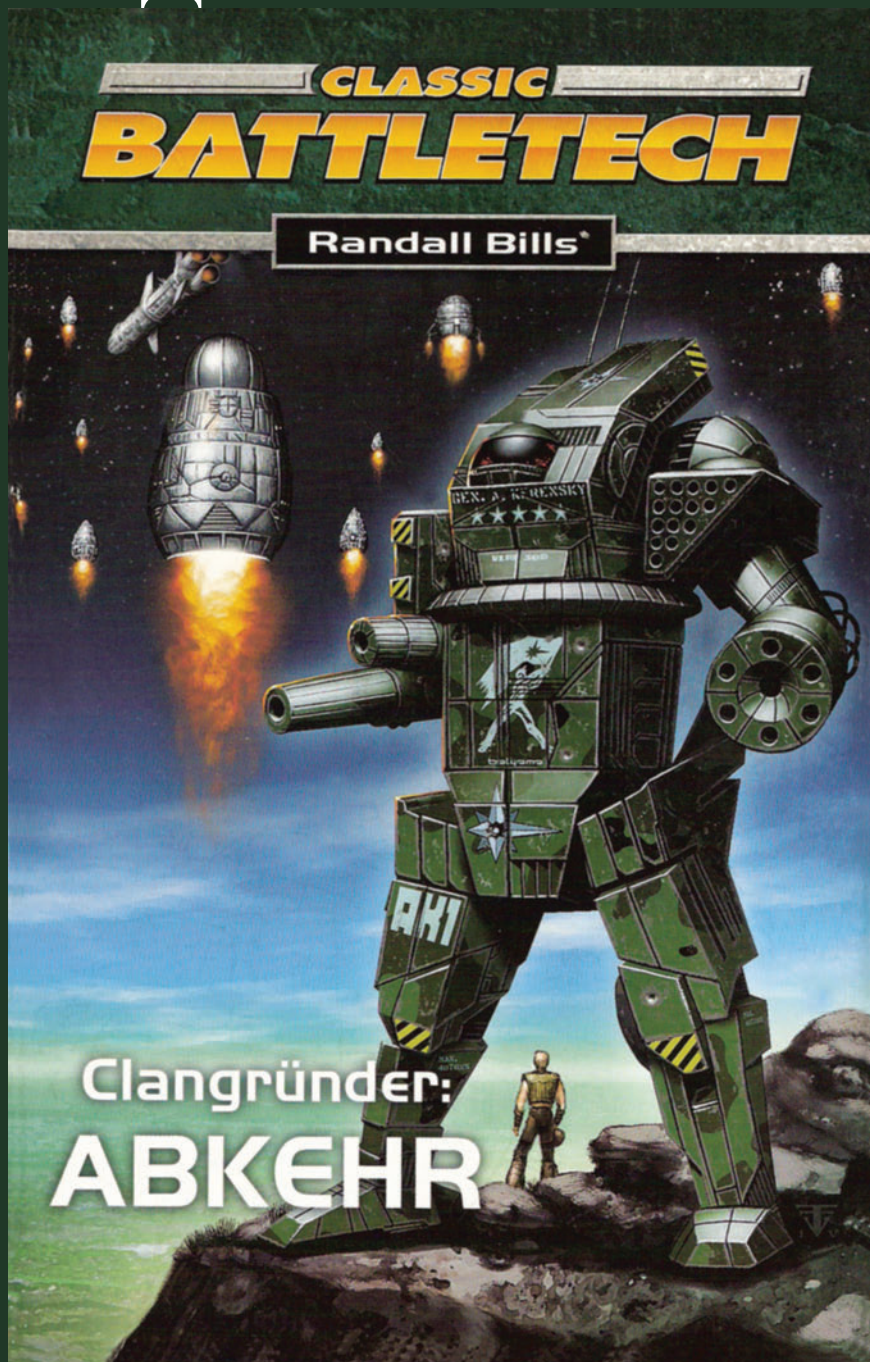

БИБЛИОТЕКА *BATTLETECH*

Рэндалл Н.Биллс

ИСХОД

Battletech book series

Randall N.Bills

Copyright © 2004

Перевод с немецкого издания «Clangränder: Abkehr» Борис «Эрфарот» Немировский

Под редакцией Катарины Альтнер 2006 г.

Библиотека Battletech © 2006 www.btbooks.nm.ru

Форум: <http://www.classicbattletech.ru/phpBB2/index.html>

Форматирование текста, корректура, вёрстка, редактирование: *Леонид Шагидуллин aka Leonid*

Посвящение переводчика:

Моей жене Кате, любительнице «Унесённых ветром» и Франсуазы Саган, за то, что она не только не подняла на смех мое увлечение переводами из «какой-то там фантастики», но и поддержала меня в этом безумном начинании.

Благодарности переводчика:

Leonid'y Леониду Шагидуллину и всей «Библиотеке БТ» - за то, что это есть на свете. Без Лени я бы даже не взялся за перевод.

DejaVu Андрею Помникову - за постоянную поддержку, выраженную в виде шпыняния шилом под хвост на тему: «Ну когдаааа же я прочту следующие главы?». Не будь тебя - я бы все еще переводил, в год по чайной ложке.

LawGiver'py Алексею Бирюлину - отдельное спасибо за Пушкина. «О, сколько нам открытий чудных...» и все такое.

Благодарности издателя:

Членам форума ClassicBattletech.ru, участвовавшим в обсуждении книги.

Внимание!

Эта электронная книга не предназначена для коммерческого использования! Приобретите лицензию у правообладателей: FanPro™ и WizKids Games™.

Проект «Библиотека Battletech» является некоммерческим, создан с целью исправления русских текстов и переводов. При размещении данной книги на каком-либо ресурсе, просим указывать ссылку на страницу «Библиотеки Battletech».

Настоятельно рекомендуем Вам читать эту книгу при разрешении монитора не ниже 1024x768 пикселей, с частотой смены кадров для ЭЛТ монитора не менее 85 Гц. Не забывайте делать перерывы каждый час не менее чем на 10 минут. Несоблюдение данной рекомендации может повлечь ухудшение зрения и головные боли.

Оптимальным представляется чтение с экрана ЖК-монитора с диагональю не менее 17". Лучше всего, если он имеет функцию Pivot (поворот экрана на 90 градусов в портретную ориентацию).

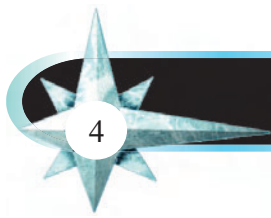

Рэндалл Биллс. Основатели кланов I: Исход

Пролог.....	5	Глава 16.....	77
Глава 1.....	12	Глава 17.....	82
Глава 2.....	18	Глава 18.....	88
Глава 3.....	22	Глава 19.....	92
Глава 4.....	28	Глава 20.....	96
Глава 5.....	32	Глава 21.....	102
Глава 6.....	36	Глава 22.....	106
Глава 7.....	41	Глава 23.....	110
Глава 8.....	46	Глава 24.....	115
Глава 9.....	49	Глава 25.....	118
Глава 10.....	52	Глава 26.....	123
Глава 11.....	56	Глава 27.....	128
Глава 12.....	61	Глава 28.....	131
Глава 13.....	64	Глава 29.....	135
Глава 14.....	68	Эпилог	139
Глава 15.....	73		

Глоссарий

Карты	143
Словарь	145

Основатели кланов: Исход Рэндалл Н. Биллс

Андрей Керенский стоит на мостике «Гордости Маккенны», рядом с ним – великий генерал, герой, провидец Александр Керенский – его отец. Звёздная Лига распалась и гигантский флот Керенского покидает Внутреннюю сферу. У него есть Мечта: возродить Звёздную Лигу в изгнании.

Однако коррупцию и зависть, разрушившие Звёздную Лигу, так просто не изжить. Между генералом Керенским, Андреем и его старшим братом Николаем возникают неразрешимые конфликты. Когда разражается новая война, Николай пытается спасти тех, кто остались верны Мечте его отца. Дело, которое невозможно совершить без его брата Андрея.

Моему сыну Брину Кевину Биллсу

БЛАГОДАРНОСТЬ

Моим первым читателям: Хербу Бису, Дэвиду Мак-Каллоху, Джеффу Моргану, Ойстейну Твидтену, а особенно – Лорену Коулмену и Джейсону Харди.

Лорену, который всегда наставлял меня на путь истинный, и Хейзел, которая нас в этом поддерживала.

Саре и Кристофу Никам, за быстро заключенную дружбу и помощь в несении факела вперед.

Вернеру Фуксу за великолепные разговоры о музыке и за предоставленный шанс написать эту трилогию.

В конце концов, моей жене Таре и детям – Брину Кевину, Риане Николь и Бэби-Икс: спасибо вам за то, что вы мне так часто давали возможность отключиться от реальности.

ПРОЛОГ

*«Гордость Маккенны», линкор класса «Маккенна»
Надирная прыжковая точка, Новый Самарканд
Префектура Бенджамен, Синдикат Драконов
5 ноября 2784 года*

Гайчин. Грязные гайчин и их корабли. Раймонд Сайнце презрительно поджал губы. На какое-то мгновение его настоящие чувства изменили черты его лица, прежде чем он снова взял себя в руки и изобразил на лице нейтральное выражение примерного офицера Куриты – бесстрастный благородный дворянин дома Куриты, хороший дипломат.

Он едва не улыбнулся. Как бы посмеялась его мать, представив себе, что её пятый отпрыск пробует себя в качестве дипломатического представителя дома Куриты – несмотря на его неуклюжесть и наперекор укоризненным взглядам супруга. Раймонд старался изо всех сил, однако ему не удалось избежать этих мыслей.

Во всем виноваты гайчин и его отвращение к ним оправдано. Когда шаттл неожиданно вошел в тень, поглотившую солнечный свет, как будто кто-то щелкнул выключателем, страх Раймонда снова стал медленно овладевать им. На мониторе фронтального обзора прыжковые паруса собравшегося флота закрывали собой свет звёзд.

Что они тут делают?

Орбитальный шаттл сбросил скорость и начал разворот на сто восемьдесят градусов. Желудок Раймонда, казалось, перевернулся в попытке стряхнуть с живота затянутый до отказа страховочный ремень, удерживавший его в кресле. Потом – успокоительное воздействие микрогравитации, дающей власть и контроль над корабельной средой. Брат Раймонда счел бы его назначение на «Надежду Чиро», космическую станцию класса «Олимп», пощечиной, ссылкой блудного сына в стоячее болото. Но Раймонда это больше не беспокоило. Он получил то, что хотел – улетел так далеко от своей семьи и её влияния, как это только было возможно. Позже, несмотря на новую родину в глубинах космоса и многолетнюю учебу, сделавшую из него водителя боевого меха, это влияние его настигло.

Темно-карие глаза Раймонда, казавшиеся всем при первом знакомстве черными, поблескивали от многократной тяжести, вызванной искусственной гравитацией. Пилот врубил обратную тягу, чтобы затормозить шаттл. Раймонд едва не сделал пилоту замечание, но тут ему стало ясно, что его подчиненный, скорее всего, напуган так же, как он сам. Космонавт просто хотел поскорее выполнить это задание. В конце концов, потребовались *всего лишь* три недели, чтобы добиться аудиенции у генерала.

Губы Раймонда искривились в презрительной усмешке, но он взял под контроль свою мимику. Он ни за что не назовет его генералом. Этот человек не являлся уроженцем Синдиката, так что Раймонд никогда не отдаст ему положенных почестей. *Никогда.*

В течение нескольких минут шаттл продолжал торможение. Потом послышался глухой звон замёрзших причальных скоб, сотрясший челнок подобно буддистскому гонгу. Раймонд постарался отбросить прочь опасения, пока выбирался из кресла и поднимался на ноги. Когда магнитные подошвы его сапог нашли опору, он отправился, ступая осторожно и пробуя каждый шаг, к люку на носу корабля. Никакой неуверенности перед гайчин! Раймонд пригладил правой рукой волосы на голове – *только не торопиться!* – и одернул обеими руками безукоризненный белый мундир парадной униформы. Он поправил несколько медалей с левой стороны груди – если те значки, которые удостоверяли его принадлежность к команде «Надежды Чиро», вообще можно было назвать медалями. Затем он проверил, как сидят на нем чёрные галифе – под

правильным ли углом нависают они над высокими, по колено, красными сапогами. Это были, конечно, магнитные сапоги, однако в остальном их внешний вид соответствовал до мельчайших деталей той модели, которую носили обычные пехотинцы.

Идеальный офицер Куриты.

Уголки губ Раймонда вновь приподнялись в усмешке. Световой зайчик, отраженный пряжкой ремня от значка, обозначающего принадлежность к дому Куриты, ослепил его, и улыбка исчезла с его лица. *Я сделаю это. Я представляю Дом Куриты. Этот флот захватчиков сильнее всего, что мы можем ему противопоставить, и он висит прямо перед моей станцией. В моей системе. В моей зоне ответственности. Все, что я сделаю или скажу, может определить судьбу Дракона.* Впервые за многие годы он почувствовал, как постоянная его спутница, скука, оказалась смыта прочь волной страха. Поток мыслей о том, что может случиться, если он потерпит неудачу.

Раймонд выпрямился и постарался выглядеть настолько высоким, насколько позволяли ему его метр шестьдесят. Потом, как только шлюз открылся, Раймонд вступил на борт «Гордости Маккенны», флагманского корабля всего этого могучего флота.

На другой стороне шлюза его ожидали два космических гвардейца сил обороны Звёздной Лиги. Их каштановые с чёрным униформы резко выделялись на фоне серо-стального коридора, который простирался за их спинами далеко за пределы поля зрения Раймонда. Оснащенные визорами шлемы и опасно выглядящие игольные винтовки придавали гвардейцам вид безликих роботов, эдаких солдат огромного государства насекомых. *А в сердце гнезда – королева. Или, в данном случае – король.*

Один из двух бойцов выступил вперед и, прежде чем Раймонд смог воспротивиться, вытащил из нагрудного кармана маленький электронный прибор, с помощью которого просканировал его сверху донизу. Ровное свечение диода на боку устройства показало солдатам, что Раймонд безоружен. Несмотря на то, что он мог возмутиться подобным нарушением этикета – конечно, как участник переговоров, он никогда не позволил бы себе вооружиться! – Раймонд решил проявить сдержанность. После всего, что гвардейцам пришлось пережить, он не мог поставить им осторожность в вину. Наверное, он сам поступил бы точно так же. *Охранять генерала во что бы то ни стало.*

Все трое отправились в путь, ступая типичными осторожными шагами, которых требует передвижение в магнитных сапогах в условиях микрогравитации. Ощущение пребывания среди насекомых усилилось. Радуга из различных красок и оттенков оживляла в общем незаметные серые тона коридора – униформы разных родов войск СОЗЛ. Лиственно-зелёные и коричневые с золотом мундиры пехотинцев, зелёные и белые – аэрокосмических пилотов, отделанные двумя оттенками зелёного, с коричнево-золотыми обшлагами формы танкистов, вечные охряно-каштаново-серые одеяния космического флота (частично разбавленные белым цветом у техников и офицеров) и постоянно встречающиеся каштаново-чёрные френчи космических гвардейцев. Сборище различных солдат, объединенных одной целью.

Что-то здесь не так. Раймонд чувствовал это. Весь корабль был буквально пронизан этим ощущением, словно межпланетные двигатели в недрах металлической бестии вдруг пробудились к жизни. В то время, как они всё глубже забирались в лабиринт коридоров корабля, Раймонд не мог избавиться от ощущения неправильности происходящего, так что волосы у него на затылке встали дыбом. *Чистая энергия* – сконцентрированная и готовая к использованию. Раймонд ненавидел своего брата за то, что тот постоянно уличал его в использовании методов *грязевых прыгунов* – этим сленговым прозвищем водители боевых мехов называли пехотинцев – однако во время тренировок он был обучен также и абордажным маневрам. Поэтому его не покидало чувство того, что некая военная операция приближается к своему апогею.

Они готовятся к атаке? Я прилетел слишком поздно? Буду ли я застрелен в тот самый момент, когда стану наблюдать, как Новый Самарканд сотрут в порошок прямо с орбиты и отравы этих гайчин распространится по телу Синдиката? Пришли ли они затем, чтобы уничтожить величайшую звёздную империю Внутренней Сферы? Обычно Раймонд оставлял

подобные истеричные размышления на долю своих подчиненных – и моему брату – но здесь и сейчас, именно в этот момент, он был настоящим офицером Куриты. Со всем высокомерием по отношению к иным нациям, включая разрушенную Звёздную Лигу и её витающие в облаках СОЗЛ.

Они находились в пути почти пятьдесят минут, и за это время Раймонд понял две вещи. Во-первых, они явно избрали самый длинный путь к мостику. Он досконально изучал корабли класса «Маккенна». Однако, даже если из-за гигантских размеров требовалось некоторое время, чтобы пройти почти полтора километра через всё судно, его шаттл пришвартовался в центральной части корабля, так что они должны были вообще-то уже достичь мостика. Во-вторых, в пути они видели уже более двух тысяч людей – это количество многократно превышает нормальный состав команды, даже если считать вместе с экипажами аэрокосмических истребителей и шаттлов... а ведь видели они лишь часть огромного корабля!

Что это всё значит? Они хотели, чтобы я всё это увидел? Или это их не интересует, и генерал просто желает меня задержать? Собственно, подобные маневры не вписывались в образ генерала, по крайней мере, судя по тому, что Раймонд о нем читал.

Их путешествие по внутренностям корабля затянулось ещё на бесконечные полчаса. Показная молчаливость его сопровождающих – им почти что удалось переставлять бесшумно даже свои тяжёлые магнитные сапоги – постепенно стала выводить Раймонда из равновесия. *Опять увертки? Опять загадки для посредника?* Нет, так быть не может.

В конце концов, Раймонд начал узнавать некоторые коридоры. Он запомнил их, когда рассматривал чертежи недостроенного боевого корабля, добытые секретной службой. В какой-то момент они прошли по коридору, не столь часто пересекавшемуся другими, после чего свернули в своеобразную главную артерию движения. Она была заполнена членами экипажа, спешившими нескончаемым потоком к своим целям. С правой стороны двигались те, кто спешил на мостик, слева – те, кто уходил с него.

Вот оно, сердце. И вот он, мозг. Кислород – внутрь, углекислый газ – наружу. Потоки крови, наполненные красными тельцами-человечками, и все несут информацию либо кислород в нервный центр огромного существа. Такая картинка подходила к тому, что Раймонд читал в биографии генерала, как нитка к игольному ушку. Человек безграничного терпения. Человек, которому удалось сформировать и сохранить в боевом состоянии величайшие и эффективнейшие вооруженные силы в истории. Человек, который при этом всегда готов прислушаться к самому последнему из своих солдат. Маска высокомерия, надетая Раймондом, на какой-то момент пошла трещинами, когда он почувствовал, как сухие чернильные строчки, напечатанные на бумаге, вдруг стали отражаться в реальности... Что за человек!

Он покачал головой, когда они вклинились в людской поток. *Он был и есть просто человек. Просто всего лишь ещё один гайчин.*

Когда они достигли мостика, Раймонд облизнул губы – во рту остался вкус, словно от пыльной тряпки пополам с шариками от моли. Горло внезапно пересохло и он сглотнул. Не от страха – *естественно, нет!* – а только из-за долгой ходьбы. Если уж привык пользоваться лифтами и парить в невесомости, то расстояния, отмеренные ногами по твердой поверхности, растут неизмеримо.

Перед ним, словно амфитеатр с множеством уходящих вниз концентрических круговых уступов, раскинулся командирский мостик. В центре, на самом дне помещения, возвышался огромный голотанк. Десятки людей занимали свои посты по всему мостику. Раймонд заметил, что потоки информации более распределялись по офицерам и техникам на различных уровнях, нежели доходили до центра.

Прямо как в муравейнике. Только... кто же это в него палку-то засунул?

Чтобы немного успокоиться, Раймонд более минуты блуждал глазами по мостику, однако наконец не выдержал. Его взгляд был притянут к центру, словно мотылёк к огню, когда он в конце концов потерпел поражение в душевной борьбе с самим собой.

Худощавый, бритоголовый человек внизу выглядел довольно скромно. Согласно мифам – а также той пропаганде, которую собственное правительство Раймонда распространяло в пос-

ледние недели, с того момента, как армада кораблей начала материализовываться над Новым Самаркандом – судя по всему, генерал был примерно трехметровым гигантом, чьи глаза излучали лазерные лучи, а борода пылала огнем. Кроме того, у него должен был быть длинный, чёрный, раздвоенный язык. Но вместо всего этого Раймонд увидел спокойного мужчину в униформе командующего генерала СОЗЛ, который общался с высокопоставленным офицером – судя по знакам различия, адмиралом – и несколькими солдатами.

Раймонд терпеливо ожидал, пока один из сопровождавших его гвардейцев осторожно пробирался к голотанку через рабочую суету мостика. В течение нескольких минут гвардеец ждал, чтобы на него обратили внимание. С ним не заговаривали ни генерал, ни адмирал. Третий их собеседник был высок, выглядел в своем мундире commodora несколько исхудавшим и общался ещё с одним солдатом, который привлек внимание Раймонда. *Я его знаю?* Гвардеец обменялся несколькими словами с офицером и указал на посетителя. Адмирал и Александр Керенский обернулись и поглядели на куритянина – впрочем, с различными выражениями на лицах: первый, скорее, с отвращением, второй – со спокойным ожиданием.

По кивку commodora, второй гвардеец сопровождал Раймонда к просторной, словно бы вынесенной в иной мир, площадке в центре мостика. Щёлканье клавиш, тихие разговоры и лёгкое гудение электрогенераторов смешивались в огромном помещении, как различные течения безбрежного океана. Раймонд обратил внимание на кое-какие особенности, которые постарался запомнить. *Может оказаться важным.*

Когда он приблизился к голотанку, то понял, что ни один из членов команды при его появлении на мостике не прервал работы. Он явился сюда, как самый высокопоставленный дворянин Синдиката и как представитель на переговорах, однако, похоже, мог с тем же успехом быть самым незначительным техом. При виде такой исполнительности плечи Раймонда передернулись. *Что за муравьиная точность, что за увлеченность своим делом. Здесь явно ведётся военная операция, нет никаких сомнений.* Делая последние шаги к голотанку, он попытался совладать со своим беспокойством. Неожиданно он наткнулся взглядом на генерала. Подавив замешательство, Раймонд взялся вновь играть роль посланника: отстраненная вежливость, которую он, каким бы ни был растерянным, впитал с детства от своего отца.

– Сицуресимасита, Сайнце-сан. – Раймонд обомлел от удивления – Александр Керенский начал разговор на беглом японском, с небольшим акцентом, но зато с идеальной интонацией. Генерал сделал даже больше – его слова сопровождались элегантным движением, обозначившим уважительный поклон. *Ну конечно же. Все те годы, что он колошматил толпы наших воинов на поле боя, да ещё и только что провалившиеся переговоры на Люсьене...* Несмотря на то, что он был выбит из колеи прямой манерой генерала – особенно, если учесть пристрастие людей Синдиката к многочасовой бесцельной болтовне, предваряющей разговор о деле – Раймонду удалось сохранить на лице невозмутимость. Он так же уважительно поклонился и ответил:

– Мне очень жаль отвлекать вас от важнейших задач, связанных с вашей работой.

Мягкий, гипнотизирующий голос генерала полнился теплом, отражавшимся в его небесно-голубых глазах:

– Я уверен – вы хотите знать, почему мой флот находится в вашей системе.

Даже прямое попадание в голову из ППЧ не смутило бы Раймонда так, как это сделали слова генерала. Да он неделями пытался выяснить именно это! А теперь генерал так дружелюбно, без околичностей, заговаривает об этом, словно для него всё само собой разумеется. Ирония момента привела Раймонда на грань обморока. Он ненавидел тупо таращиться на собеседника, однако здесь и сейчас ничего не мог поделать: он попросту не знал, как ему следует реагировать. От генерала можно было ожидать всего: увёрток, болтовни и широчайшего арсенала обычных дипломатических уловок. Всего – только не того, что генерал с ходу возьмет быка за рога.

Маленькие морщинки в уголках глаз Александра углубились, а губы изобразили мимолетную улыбку. Любого другого Раймонд заподозрил бы в бессовестном нарушении протокола – и в оскорблении его чести, требующего сатисфакции, даже если в нормальных условиях такое бесстыдство подлежало бы игнорированию. Однако генералу удалось включить в круг

этой иронии и себя. Всё выглядело так, будто он смеялся над общей ситуацией – то есть, и над собственной неуклюжестью, оставившей в неведении Раймонда и дом Куриты. Словно он забыл упомянуть, зачем его флот вот уже неделями заслоняет небо Нового Самарканда так, что за тысячами прыжковых парусов не видно даже солнца.

– Я в самом деле должен извиниться. Я слишком хорошо знаю, что заставил немало вытерпеть вашу замечательную нацию. Тем не менее, мои советники нарисовали мне точную картину того, что случилось бы, если бы наши намерения стали известны слишком рано – картину, которую я не мог оставить без внимания.

Керенский кивнул Раймонду и полуобернулся к голотанку. Короткий взгляд – куритянин не мог сказать, был ли он первым человеком, не принадлежащим к СОЗЛ, который увидел эту сцену – показал Раймонду систему Нового Самарканда и примерно две тысячи прыжковых и боевых кораблей, прибывших сюда за последние недели. Несмотря на мимолетность видения, офицер Дракона сразу заметил, что в эту схему что-то не вписывалось. Общий вид отличался от того, который он несколько часов назад изучал на «Надежде Чиро».

В конце концов, как только ему удалось пошевелить языком, Раймонд с трудом смог спросить:

– Почему вы здесь?

– А, так значит, вы можете разговаривать? – Раймонд повернулся на новый голос. Молодой человек, – тот самый, которого он, казалось, знал прежде – в униформе мехвоина СОЗЛ, подошел на шаг ближе к нему и остановился. Голубые глаза – осколки льда на тёмном лице – несколько раз осмотрели Раймонда сверху донизу.

Раймонд ответил взглядом на взгляд, однако на этот раз ему не удалось скрыть своей неприязни. *Кто это? Мы что, с ним уже встречались?*

– Николай, разве так разговаривают с дипломатом, представляющим великий дом? – спросил генерал. Раймонд был готов сам себе вклеить пощечину. Голубые глаза, светлые волосы, большой нос, который не спутаешь ни с каким иным. Он должен был сразу узнать старшего сына генерала, его первенца.

– Если бы они выказывали тебе побольше уважения, быть может, я был бы более в настроении ответить тем же.

Даже если голос, казалось, обладал таким же тембром, что и отцовский, ему не хватало того тепла, которое звучало в словах генерала. *Исчезло со временем, проведенном на Терре во время бунта Амариса?*

Несмотря на осуждающий взгляд, которым Александр наградил своего сына, Николай казался ничуть не уязвленным. Раймонд мог себе представить, что такой взгляд мог бы заставить любого солдата СОЗЛ рухнуть на пол и умолять о милосердии и справедливой каре. *Но выдерживать такие взгляды от собственного отца?* Это нечто иное. Раймонду всё это было знакомо из собственного опыта и этот холод напомнил ему его старших братьев. Иногда Раймонд сам использовал подобные методы, если не знал, как ему поступить иначе. Но что-то подсказало ему, что Николай был другим. Раймонд не видел в нем ничего, кроме холода.

– Пожалуйста, простите моему сыну необдуманные слова.

– Не стоит об этом говорить.

Генерал кивнул, услышав этот дипломатический оборот, о котором нельзя было с точностью сказать, что именно он означал.

– Но вы хотите знать, почему мы здесь.

– Хай.

– Добро. – сказал генерал, оглянувшись и охватив взглядом весь мостик. В этот момент он походил на отца, с гордостью, хотя и долей грусти глядящего на своих отпрысков. В его глазах проскочила искра сочувствия, словно он смотрел на своих детей, отправляющихся в неизвестность. В конце концов, он вновь повернулся к Раймонду.

– Мы выступаем.

К этому известию Раймонд оказался не готов.

– Выступаете? Я не совсем понимаю.

Генерал выглядел удивленным. *Как будто он не может объяснить получше.*

– Мы выступаем.

Жестом генерал пригласил Раймонда к голотанку. Без колебаний офицер Куриты встал возле него. Неожиданно Раймонд понял, что его смущало ранее: более половины радарных отметок, которые он видел из рубки «Надежды Чиро», исчезли. Даже пока он пытался окинуть взглядом всё пространство голотанка, несколько кораблей засветились, когда уровень энергии их двигателей достиг максимума. После этого исчезли и они. Раймонд оценил невероятно короткие расстояния между кораблями во время прыжка и невольно втянул воздух. Ещё дюжина точек засияла и исчезла. *И еще.* Увеличивающаяся скорость исхода закружила ему голову и он медленно обернулся к генералу.

– Во время освобождения Терры мы были вынуждены стать экспертами в вопросах пиратских прыжковых точек и сокращенных расстояний безопасности, – сказал генерал. Горькая улыбка затуманила его лицо. – У нас не было выбора.

Раймонд попытался успокоиться. *Куда они направляются? В различные точки вторжения в пределах Синдиката? На Люсьен, столичный мир?* Он попытался проглотить застрявший в глотке ком. Гаснущие в голотанке сигналы слишком отчетливо напоминали ему о том, сколько миров может «погасить» этот флот. *Так же легко, как затушить пальцами свечу.*

Похоже, лицо Раймонда при этих ужасных мыслях страшно исказилось, так как Николай вдруг саркастически расхохотался и заявил:

– Точь в точь, как и другие благородные дворяне великих домов. Вечно заняты сами собой, вечно перепуганы тем, что могут оказаться на мушке. Вы себя считаете пупом Вселенной.

– Николай! – перебил его генерал.

– Нет, отец, я не замолчу. Он ничего не знает о наших намерениях, но заранее уверен, что мы охотимся на его драгоценный Синдикат. Их высокомерие такое же, как у их сюзеренов. Разве это не именно то, что разрушило Звёздную Лигу и привело нас к этому решению?

Его разозленный голос гремел над мостиком и окружающие звуки на мгновение затихли, но сразу стали слышны вновь. Голубые глаза Николая источали одновременно лёд и пламя, когда он уставился на Раймонда.

– И чем же Звёздная Лига отличается от Великих Домов? – напряженный разговор прервал новый голос. Все глаза повернулись к молодому человеку, чьи белёсые волосы и узкие тёмно-голубые глаза, кажущиеся почти фиолетовыми, создавали впечатления какой-то бесполости. *Опять пацан?* Станным образом Раймонд немедленно идентифицировал новоприбывшего как ещё одного Керенского, хотя Николай был больше похож на Александра – только на несколько десятков лет моложе. Сходство заключалось в голосе: не таком тёплом, как у отца, но и не таком ледяном, как у брата. *И глаза молодого человека.* Нетипичным был только нос. *Может, он больше похож на мать?*

– Андрей, пожалуйста, не начинай снова эту ерунду, – пробормотал Николай и в каждом его слове сквозило презрение.

– Разве Звёздная Лига не была такой же самовлюбленной, как любой из домов? Так же торопящейся себя защитить?

– Конечно, Лига должна была себя защищать. Она объединяла высокомерных, нетерпеливых правителей домов. Но они были готовы к тому, чтобы в любую секунду так же отбросить Лигу, как они её поддерживали. Они её уничтожили!

Раймонд поворачивал голову от одного брата к другому, пока пытался разобраться в дискуссии. Несмотря на то, что слова каждого, казалось, исходили из сердца, братья не были особо взвинчены и спор этот не был затеян спонтанно. После бесчисленных политических и идеологических дразг с собственной родней, Раймонд сообразил, что оба брата уже довольно давно отдалились друг от друга.

Ещё одно неожиданное открытие поразило Раймонда: Андрей, хотя и верил в то, о чем говорил, но, похоже, явился сюда лишь для того, чтобы сыграть роль «адвоката дьявола» и вызвать

ненависть и презрение брата на себя. *Может быть, чтобы проявить и успокоить чувства Николая?*

Словесная перепалка между Николаем и Андреем продолжалась ещё несколько минут. Их взгляды на мгновение встретились и между ними проскочила какая-то искра. *Чувство товарищества?* После всего, что произошло, к Раймонду пришло понимание бунтарства Николая так же, как и понимание Андреевой роли «вечно второго», вынужденного искать свое место. Раймонду эта сцена показалась такой же нереальной, как сами эти всё ещё могучие остатки СОЗЛ – да, он не мог отрицать, в данной ситуации он испытывал к обоим нечто сродни дружеским чувствам.

– Парни, – прервал генерал своих сыновей. Несмотря на то, что он не повышал голоса, вмешательство отца заставило обоих немедленно замолчать. Одно слово, за которым стоял авторитет командующего генерала, повелевающего миллионами людских жизней, человека, руководившего величайшими битвами в истории и победившего в них. Раймонд знал – эта команда заставила бы тут же заткнуться и его самого.

– Вы ведете себя неподобающе и неразумно, особенно в присутствии нашего гостя.

– Он скоро сам всё поймет, отец. – ответил Николай, с трудом подавив гнев, и отступил на несколько шагов назад, пока не остался стоять один. Лицо его обладало тяжёлыми чертами человека, привыкшего к одиночеству.

– Я прошу прощения за это поведение, Сайнце-сан.

– Не стоит об этом говорить, – когда заученная фраза сорвалась с его губ, Раймонд задумался о том, что сейчас сказал Николай. *Что он имел в виду?* Он бросил на Николая взгляд, но тут же повернулся к генералу и поднял брови.

Генерал тяжело кивнул, когда звук колокола пронёсся по кораблю. Словно поднимая на плечах гигантский груз, Александр Керенский взглянул Раймонду в глаза и этот взгляд на мгновение захватил его.

– Мы выступаем, Сайнце-сан.

– *Хай.* Вы покидаете Синдикат. Курсом на дом Дэвиона?

– Нет, курсом на безопасность. Я опасаюсь, что великие дома стоят на пороге страшной войны, по сравнению с которой бои за освобождение Терры покажутся Золотым веком.

Несмотря на напряженность положения, Раймонда тронули слова генерала: боль, которая их сопровождала, омыла его сознание. В голосе генерала звучало разочарование, а страх, искаживший его лицо, дал Раймонду возможность пережить падение Звёздной Лиги чувствами Керенского. Труд и гордость всей его жизни – разбиты и затоптаны теми, кто не в состоянии различить даже жемчужину в собственных руках.

– Эта армия не должна оставаться во Внутренней Сфере. Владыкам великих домов нельзя давать доступ к такому разрушительному потенциалу. Мы пересечём границы Внутренней Сферы и уйдем глубоко в пространство Периферии. Мы надеемся найти новую родину, где сможем переждать поднимающуюся бурю.

Слова генерала оказали страшное воздействие на Раймонда. Они, казалось, привели в движение многотонные стальные плиты под его ногами и заглушили все звуки. Снова прозвучал гонг, предвещающий прыжок – все вокруг Раймонда, казалось, застыло в шоке. Он попытался заговорить:

– Вы уходите?

Но это же было совершенно невозможно... *Герой, идол Внутренней Сферы... бежит?* Несмотря на то, что Раймонд испытывал презрение и раньше, теперь оно разрослось до чудовищных размеров. *Генерал предоставляет Внутреннюю Сферу её судьбе? Как он мог докатиться до такого?*

– Да. – Керенский сделал паузу и лицо его исказила горечь. – Я не мог больше отвечать отказом на ваши бесчисленные просьбы об аудиенции, не подвергаясь опасности подтолкнуть вас к необдуманной реакции. Но мы должны выдерживать наше расписание, а оно не позволяет нам никаких отсрочек – даже для того, чтобы вы смогли безопасно вернуться. Мне причиняет стра-

дания тот факт, что всё так далеко зашло, Сайнце-сан, но вам придется сопровождать нас.

В первый момент разум Раймонда попросту отказался воспринять значение слов генерала. Он спросил себя – не подводят ли его знания англика Звёздной Лиги? В это время гонг вновь прозвучал по всему боевому кораблю. В отличие от тридцатиминутного обратного отсчета, применявшегося на каждом прыжковом судне, которое до сих пор посещал Раймонд, на «Гордости Маккенны» прошло едва ли пять минут. Вокруг него члены команды искали, за что ухватиться, некоторые закрыли глаза.

Мы стали экспертами... Слова генерала перекатывались в мозгу Раймонда, как шары в лототроне. И один из этих стальных шаров собрался разбить его сознание.

Ужас охватил его, когда он осознал истинное значение этих слов. Быстрый взгляд на голо-танк лишь усилил его панику, так как оставшаяся дюжина сигналов ярко засияла, когда корабли активировали двигатели Керни-Футиды и пробили дыру в пространстве, чтобы отправиться в систему, удаленную на тридцать световых лет.

Ненависть и обвинения заставили трепетать его веки, когда он натолкнулся на усталый, решительный взгляд генерала.

– Право не требует никаких объяснений, – сказал Керенский и слова его растянулись до бесконечности, пока не заполнили собой всю Вселенную...

...и на всё вокруг снизошла тьма.

1

«Гордость Маккенны», линкор класса «Маккенна»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

17 июня 2785 года

Андрей попытался заставить себя принять вертикальное положение. Пот покрывал его, словно вторая кожа, тело ощущалось холодным, тяжеловесным и неухоженным. Андрей втянул воздух – воспоминания о ночном кошмаре жгли его изнутри и витали над отверстиями антигравитационной сети. Он вскочил, как только смог, наконец, освободиться – только для того, чтобы обнаружить, что неожиданное движение отправило его в неконтролируемый полет по воздуху. Андрей задержался и заизвивался, словно выброшенная на берег рыба, его тело завертелось в попытках обрести опору. Рукой он сильно стукнулся о стену каюты и волна боли пронзила его. Он ухитрился ухватиться отбитыми пальцами за угол кровати. Запутавшийся, немного испуганный и всё ещё витающий в неощутимом пространстве между сном и явью – между желанием использовать вторую руку и реальным движением – Андрей забыл свой страшный сон, который заставил его так резко пробудиться.

– Ты уже усвоил, что должен привыкнуть просыпаться так, чтобы не разгромить ненароком каюту?

Зажёгся свет и темнота мгновенно рассеялась. Андрей повернулся к яркому источнику, сориентировавшись подобно цветку с первыми солнечными лучами нового дня, и короткая, но сильная волна головокружения ударила по нему. Он висел почти что вниз головой в пространстве, цепляясь рукой за кровать, причём мотался в воздухе туда-сюда, словно привязанный воздушный шарик на лёгком ветру.

Несмотря на то, что ориентировке в условиях микрогравитации можно было выучиться, человеческий мозг всё-таки, после тысяч лет эволюции, привык устанавливать привычные пространственные связи. Вверху и внизу, справа и слева. Так что, если кто-нибудь из товарищей торчал перед койкой, как сейчас, и глядел на кого-нибудь через плечо *снизу вверх*, в то время, как сам этот кто-нибудь висел вниз головой – разум, независимо от степени акклиматизации, срывался в старые рамки отпечатанных на генетическом уровне представлений. Андрей отбросил их, прочтя литанию, которой его научил Уиндхэм Хаттиб, и глуповато ухмыльнулся.

– Извини, Уиндхэм. Я не хотел прерывать твою молитву.

Он подтянулся настолько, что смог ухватиться другой рукой за кровать, напрягся и утвердился на полу каюты движением, похожим на эволюции закрывающегося складного ножа.

– Не переживай. Я всё равно только что закончил.

Пока Андрей маневрировал, пытаясь принять сидячее положение на койке и убедиться при этом, что ноги его прочно утвердились на полу, Уиндхэм начал облачаться в ризы для утреннего богослужения. Божий человек улыбнулся Андрею.

– Что, помогла молитва? – что-то в лице Андрея должно было выдать его.

– Ответ утвердительный. – как всегда, эта формулировка, казалось, позабавила Уиндхэма. Священник никогда не спрашивал, почему Андрей использовал такое необычное словосочетание, так что это оставалось его тайной.

Несмотря на то, что Уиндхэм был на семь лет старше него, в душе оба, казалось, принадлежали к одному и тому же поколению. Тёмные глаза и густые, чёрные волосы Уиндхэма – не говоря уже об окладистой бороде священника, которую Андрей никогда не согласился бы носить – не оставляли при всем при том сомнений, что они не были братьями.

Как всегда, Андрей восхитился осторожной, собранной концентрацией, с которой облачался Уиндхэм. Сначала подрясник, потом ряса и плащ, чьи длинные концы спереди и сзади доставали до пола. Завершал композицию пояс, который удерживал всю конструкцию вместе. Даже в той вдумчивости, с которой Уиндхэм одевался, можно было распознать его преданность своему делу. Это, конечно, всё внешние признаки, однако они многое говорили о характере священника. Однажды он рассказал Андрею, что его ряса – на самом деле лишь урезанная версия полного одеяния, которое священник намеревался, однако, надеть на себя лишь тогда, когда будет возведен первый новый храм. Тем не менее, Андрей был поражен.

Уиндхэм поднял глаза и заметил, что Андрей наблюдает за ним.

– Ты не имеешь ничего против того, чтобы принять участие в богослужении? Нас бы тогда впервые оказалось больше тридцати человек.

Как всегда, его голос наполняло некое мирное тепло. Андрею хотелось, чтобы однажды его собственный голос зазвучал так же... но не теперь.

– Тридцать! Вас становится все больше и больше.

– Это так. Нас, может, и мало, но мы сильны. Ты не ответил на мой вопрос.

Их взгляды встретились – один сверкал глазами, другой потешался.

– Не сегодня. Но не переставай меня спрашивать.

– Ты же знаешь, я не перестану этого делать никогда.

– Я этого и не ожидал.

– Доброго тебе дня.

– Спасибо, тебе также. – Уиндхэм в развевающемся одеянии покинул каюту, оставив за собой небольшое ароматное облачко, зашекотавшее нос. Андрей стал готовиться к смене.

Несмотря на то, что он чувствовал запах своего немытого тела ещё с прошлых выходных, в том секторе, где располагалась его квартира, душевой день был по расписанию только завтра.

Удивительно, насколько нюх приспособился к постоянно регенерируемому воздуху. Он пару раз потянул руку – мускулы немедленно начали жаловаться на неласковое обращение. Потом он осторожно поднялся, чтобы не потерять снова контакт с поверхностью, и поднял койку. Под ней располагались его личные пожитки. Он вытащил чистую униформу, свежее белье и носки. Затем он запихал использованную одежду в коробку возле кровати, оделся и принялся возиться с туфлями на магнитных подошвах. Он исполнил немногие возможные в таких условиях гигиенические процедуры, убедился, что койка заправлена хорошо даже согласно строгим критериям его отца, и вышел из каюты.

Может быть, он сможет выкроить сегодня немного времени на симуляторе. Андрей знал: если ему придется ещё хоть один-единственный раз выслушивать бесконечные монологи старого доброго Якоби о преимуществах комбинированной тактики – он слетит с катушек.

В третью смену коридоры не были и наполовину так переполнены, как во время первой и, тем более, второй рабочей фазы. Первые шесть месяцев Андрей работал в первой смене, потом, однако, решил, что такого количества людей в узком закрытом пространстве он больше не выдержит. Не то, чтобы он не ценил общества – нет, он не торчал в одиноких, тёмных уголках, как, например, его брат Николай. И он знал, что количество жизненного пространства на «Гордости Маккенны» по сравнению с переполненностью на остальных тысяче трехстах сорока девяти прыжковых кораблях выглядит едва ли не райскими просторами. При этом об условиях, царящих на тридцати судах класса «Потемкин», которые одни только несли на себе пятьдесят семь посадочных кораблей, он старался вообще не думать. *Не говоря уже о положении на трехстах семидесяти боевых кораблях.* Нет, Андрей просто хотел проводить больше времени в одиночестве – немногие спокойные моменты, помогавшие ему привыкнуть к новой жизни.

Это также отдаляло его от политических дрызг и интриг на борту – по крайней мере, пока что. Конечно, все, кто последовал за Мечтой генерала, сделали это добровольно. Однако многих солдат изматывало это, казалось бы, бесконечное путешествие, которое месяц за месяцем уводило их все дальше от исследованных областей Вселенной... и первые неурядицы не заставили себя ждать.

А ещё и гражданские... им-то куда хуже приходится.

– Ну что, кадет, отправился в столовку? – Андрей едва не схватил инфаркт. Майору Джес Коул вечно удавалось бесшумно подкрасться сзади, хотя Андрей двигался не так чтобы уж очень медленно. Он безуспешно попытался определить – не пролетела ли она весь коридор по воздуху: подобное было запрещено, так как даже в эти часы нельзя было предугадать, не выйдет ли кто-нибудь из-за угла. В любом случае, в данный момент офицер пехоты двигалась пешком.

Очевидно, именно это и было причиной, почему она была в такой замечательной физической форме: рельефно выделяющиеся мускулы, мундир идеально подчеркивает линии тела. Бирюзовые глаза и огненно-рыжие волосы, которые сама Джес называла «что-то вроде красного», завершали картину. Андрей был горд тем, что мог называть её своим другом.

– Утвердительно. А потом – учиться.

– Ты с твоим «утвердительно», – заявила она и скроила самую серьёзную мину – это всегда вынуждало Андрея улыбаться. Она ответила улыбкой.

– Ты всегда так серьёзно разговариваешь.

Он пожал плечами, как всегда, неуверенный, каким образом ему реагировать на подобное замечание. Сам Андрей не считал себя слишком серьёзным, так почему другие должны о нём так думать? Его пожатие плеч было связано не только с вопросом, но и с ним самим. *Если уж я не понимаю собственного брата, как мне прикажете понимать других людей?*

– В Якоби можно просто влюбиться. Как там его лекции? Какие-нибудь улучшения есть? – продолжила она беседу.

Андрей снова пожал плечами, на этот раз смущенно. Вообще-то, о своих учителях не говорят плохо, независимо от неестественной атмосферы кадетского класса. Эти курсы были предназначены для людей вроде него, которые, хотя и получили достаточный опыт на симуляторах,

но до окончания войны с узурпатором не были записаны ни в одну из академий СОЗЛ. «Может быть, мы и вступаем в неисследованные области пространства. Но молодые люди всё ещё обязаны получить образование. Вы все ещё должны сначала побыть кадетами. Вы нуждаетесь в порядке в вашей жизни. И вы, кадеты, научитесь порядку». Андрей почти услышал гулкий голос Якоби, словно он раздавался в коридоре – и поэтому не смог скрыть улыбку.

– Ты слыхал о встрече? – спросила она, в очередной раз на собственный лад бессвязно меняя тему.

– О какой встрече?

– На «Гермесе».

Несмотря на все старания, Андрею не удалось удержать вздох и лёгкий запах зубной пасты защекотал его нос. Её «дружеский тычок» в плечо, которым она – как это часто случалось – отреагировала, отозвался вовсе не дружеской болью.

– Я ненавижу, когда ты вместо ответа вот так вот многозначительно сопишь.

– Что я делаю?

– Ты отлично знаешь, о чем я говорю.

– Нет, не знаю.

Она снова подняла сжатый кулак, Андрей в ответ также поднял руки. Онемевшее плечо напомнило ему о последнем «дружеском тычке». Пол Харроуэй, однокаютник, однажды назвал так эти короткие, неожиданные и тяжёлые проявления приязни, и это застряло у Андрея в памяти.

– Ты засопел.

Он едва не засопел снова, однако одумался.

– Утвердительно.

Джес полагала, что он всегда использует эту формулировку, однако это было не совсем так. Сейчас ему просто хотелось развеять её раздражение и вернуть на лицо улыбку вместо того, чтобы огрести ещё один «дружеский тычок».

– Я приношу свои глубочайшие извинения. Я в самом деле засопел.

Они вошли из коридора в столовую – собственно, это были несколько соединенных друг с другом помещений, расположенных вокруг камбуза. В целом, это отделение втиснулось между двумя большими отсеками – межпланетных двигателей и систем Керни-Футиды.

В первом помещении находились около двух дюжин людей, в прилегающем Андрей различил ещё шестерых.

Они подошли к раздаточной стойке, около которой в это время не было большой очереди, и взяли складные пластиковые коробки с магнитными пластинками на дне. Затем они начали наполнять их различной едой со стойки.

– Так что насчет встречи? – не отставала Джес.

Андрей надеялся, что она оставит эту тему. Не получилось.

– Ладно, какая там ещё встреча?

Как всегда, не в силах сдержаться, она затараторила:

– Несколько офицеров с «Гермеса» и кое-кто с других кораблей организовали встречу, чтобы выслушать гражданских, которым хотелось бы узнать, куда ведёт это путешествие. Куда мы летим, в конце концов. Похоже, что туда соберётся очень много народу.

Они нашли свободный стол и сели. Холодный металл скамейки заставил Андрея вздрогнуть. Они принялись за завтрак. Кое-кто на борту начал уже жаловаться на еду, как будто это могло что-либо изменить, однако Андрею было наплевать. Он запихивал пищу в рот, жевал и глотал, не вникая, что ест – совершал простой процесс питания.

Андрей уже принялся за третье блюдо, а они не обменялись и словом. Джес пихнула его. Андрей попытался изобразить ужасную сосредоточенность на еде, но её взгляд не допускал дальнейшего молчания. Джес знала его уже достаточно хорошо, чтобы быть в курсе, как он относится к принятию пищи. Андрей попытался отчистить языком с зубов то, что повар, кажется, называл «тушёными фруктами», и ответил:

– Майор...

На этот раз её реакцией стал удар локтем по ребрам. Андрей согнулся и закашлялся. *И всё это не прекращая есть.* Джес закончила завтрак, пока он осторожно разгибался.

– По-моему, я тебе уже как минимум один раз говорила, что меня зовут Джес. По крайней мере, когда мы вдвоем.

– Хмм, да. Раз или два.

Андрей потёр ребра и осторожно согнулся. Он до сих пор не мог понять, что она в нём такого нашла. Тот факт, что женщина-офицер общается с кадетом, вызывал подозрения. Прошло ещё несколько секунд.

– Ну?

– Ты хочешь меня опять ударить?

– Обязательно. Если ты меня опять назовешь майором, когда вокруг никого нет.

– Я постараюсь это запомнить, – пробормотал он, выскребая остатки трапезы из судка.

– Да уж, пожалуйста. Так что насчет встречи?

– Ты просто беспощадна.

– Это все говорят.

Он не смог сдержать ухмылку. её мягкий голос контрастировал с адским ударом, который она ему только что отвесила – «дружеский тычок» или нет. Она встретила его взгляд ослепительной улыбкой.

Лицо Андрея потемнело от нехорошего предчувствия, когда он вспомнил о теме их разговора. Он ощутил себя очень неудобно.

– Джес, эта встреча... – он сделал паузу и опустил голову, не зная, как высказаться. Как он может выразить сомнение и недоверие? Его посетила новая мысль и он перешел в атаку: – Почему ты хочешь, чтобы я туда отправился?

Тёмно-голубой цвет наткнулся на аквамарин, когда они на мгновение посмотрели друг другу в глаза. Андрей почти физически чувствовал их конфликт. Потом что-то изменилось в её лице – *отговорка?* – и она начала говорить.

– Я тебе до сих пор не лгала и не намерена этого делать теперь.

– Я это ценю, – он попытался убрать иронию из голоса, однако не мог сказать, насколько ему это удалось. Как минимум, она не вlepila ему на этот раз «дружеский тычок».

– Я хочу, чтобы ты пошел туда, потому что ты Андрей Керенский.

Он рассчитывал на этот неизбежный ответ и готовился к нему. И все равно, слова Джес были для него, как будто бы «Атлас» врезал ему апперкот левой – массивный, металлический кулак, управляемый сотней тонн миомеров и активаторов. Как минимум, боль казалась сравнимой.

Андрей сухо сглотнул – его горло сдавили глубоко спрятанные, подавленные чувства. Его желудок восстал, делая бессмысленным только что проглоченный завтрак. Вряд ли он почувствует хоть какой-нибудь аппетит до конца дня. Джес осторожно коснулась его руки и глаза Андрея снова стали воспринимать окружающее. Сочувствие на её лице вызывало почти что большую боль, чем удар «Атласа». Он заставил себя говорить:

– Почему вы не пригласили принять участие самого генерала?

– Ты знаешь, что из этого ничего не получится. Никто не оспаривает то, что генерал сделал для нас. Почти все на флоте ему до сих пор бесконечно благодарны. Но даже несмотря на его знаменитую способность выслушивать, мы должны иметь возможность говорить открыто. Чтобы понять, какому делу мы себя в конце концов посвятили.

– Вообще-то, уж как-то слишком поздно вы спохватились, ты не находишь? – Он поерзал, так как угол скамейки ощутимо давил сквозь тонкую униформу. Привстав, он одернул брюки и снова сел.

Джес отрицательно покачала головой и зелёный огонь заплескался в её глазах:

– Нет, не поздно. Мы не говорим о бунте, это не имеет ничего общего с бунтом. Мы просто хотим знать, куда мы летим. Как выглядит план путешествия. Да, может быть, речь идет о военной операции, но с нами, как-никак, летят несколько миллионов гражданских, которые хотя

и присоединились к генералу *добровольно*, однако отправились с нами *по его призыву*. – Она сделала паузу, оглянулась и увидела нескольких гражданских, о которых только что говорила. Первые результаты новых правил, позволяющих путешественникам перелетать с корабля на корабль для обмена персоналом, а также новыми идеями и новой энергией. *И для поддержки единой связи между сообществами кораблей*. – Ещё до того, как мы покинули Внутреннюю Сферу, эта операция потеряла исключительно военный характер.

Она была во многом права, но Андрей не пожелал этого замечать. *Вечный адвокат дьявола...*

– Почему же тогда не Николай? Если генерал не может, то Николай, я уверен, с удовольствием принял бы участие. – Он давно уже перестал удивляться тому, что всегда говорит о некоем безымянном «генерале», когда речь шла о его собственном отце. *Ведь для СОЗЛ существует только один-единственный генерал.*

– Это было бы ещё хуже, чем если бы явился сам генерал.

– Что ты хочешь этим сказать? – Андрей автоматически собрался защищать брата, но в этот момент ему стало ясно, что имеет в виду Джес. Тем не менее, он продолжил: – Он бы позволил высказаться любому.

– Да, это уж точно. И на каждого, кто осмелился бы открыть рот, он глядел бы, словно в уме уже составляет расстрельные списки. – Она выглядела недовольной, словно ей было жаль говорить ему такие вещи, несмотря на их дружбу. – Это сводит людей с ума, Андрей.

Как раз об этом он и подумал.

– Он хороший человек, Джес. – Это было правдой, несмотря на собственные рассуждения Андрея. – И из него получится хороший командир.

– В первом я не сомневаюсь, а вот во втором – да. Но здесь не стоит вопрос «или – или», Андрей. Он бы не подошел. Ты – да. Ты – один из сыновей Керенского. Они бы не боялись говорить в твоём присутствии.

Короткая, презрительная усмешка появилась на его губах, прежде чем он смог сдержать её:

– Они не признают меня только потому, что я его сын. Большинство из них даже не смогут отличить меня от Амариса.

Удар Джес последовал молниеносно. Перед глазами Андрея промелькнула голубая искра и он услышал эхо пощечины. Тянувшая боль, распространившаяся от его быстро покрасневшей щеки, вернула ему ощущение реальности. Застыв на секунду, не в силах пошевелить даже пальцем, он мог лишь глядеть на Джес, пока она поднималась со скамьи.

– Ты никогда больше не будешь упоминать этого имени в моем присутствии, Андрей Керенский. Если у тебя есть хоть капля мозгов в черепе, ты больше никогда не назовешь этого имени. – Злость в её голосе не дала Андрею дышать ещё целую секунду. Наконец, он возмущенно втянул воздух.

– Если ты на что-нибудь будешь закрывать глаза, это ничего не изменит. Нельзя изменить прошлое, нельзя от него спрятаться – это только увеличит вероятность того, что оно повторится.

На этот раз уже Джес не сдержала смеси саркастической усмешки и грустной улыбки. В её глазах, однако, не наблюдалось никаких дружеских чувств.

– Опять какой-нибудь мёртвый русский философ твоего отца?

– Нет. Ты знаешь, что они мне не нравятся. Всё, что я сказал – это моё собственное. Нельзя запретить использование имени Амариса только потому, что он так поступил. Это лишь подтолкнёт таких же, как он, поступать точно так же.

Она посмотрела на Андрея так, словно в самом деле пыталась понять, к чему он ведёт. Однако потом он увидел, что её чувства опять возобладали над логикой. *Погребены под многолетними тяжёлыми боями на фронте и залиты кровью слишком многих боевых товарищей.*

– Несмотря на это, я прошу тебя не упоминать этого имени в моем присутствии.

Андрей потер всё ещё отрывающуюся болью щеку и попытался несколько разрядить напряжение:

– Да уж точно не стану.

Джес подняла руку и осторожно погладила его по щеке.

– Мне очень жаль. Но ты иногда доводишь меня просто до белого каления. Ты недооцениваешь себя. Может быть, ты и живёшь в тени гигантов, но однажды ты сам станешь гигантом, веришь ты в это или нет.

На какое-то мгновение она полностью открылась, словно её чувства оказались сильнее, чем он думал. Но окошко захлопнулось так же быстро, как было открыто, и Андрей спрашивал себя, заметил ли он вообще что-нибудь или просто подумал, что заметил.

– У тебя есть много друзей, Андрей. И это *твои* друзья. Не Андрея Керенского, а просто Андрея. И всё-таки я думаю, что эта встреча – правильное дело, и я бы была рада тебя там увидеть. Через десять дней на «Гермесе».

Она встала, не проронив больше ни слова, взяла свой поднос и направилась к трюмам. Андрей отпихнул свою коробку от себя с таким звуком, словно бы кто-то провел ногтем по металлической пластине, и сложил руки перед собой, после чего опустил на них голову. *Стану ли я когда-нибудь чем-то ещё, кроме Керенского?*

Он знал, что его отец и Николай рассердятся, если он отправится на эту встречу. Он ведь и в третью смену-то перешел добровольно, чтобы избежать подобных ситуаций. А теперь эта тень появилась снова, чтобы достать и поглотить его. Он опять почувствовал интенсивность их эмоций.

Десять дней?

Может, он и в самом деле придёт.

2

«Гордость Маккенны», линкор класса «Маккенна»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

23 июня 2785 года

Бег в самом деле успокаивал. В вопросах тренировки Андрей не обладал дисциплинированностью своего брата, однако он, тем не менее, всегда получал удовольствие от усталости, поднимающейся в теле до тех пор, пока не заболят мускулы. Он чувствовал, как его руки ходят по бокам туда-сюда, в такт стаккато, которое выбивали его шаги на почти пустом гравидеке. Пот, пропитавший его светлые локоны так, что те прилипли ко лбу, ощущался, как что-то свежее и чистое. Иногда он чувствовал лёгкое жжение, когда одна из солёных капель попадала в уголки глаз. Его тело всё ещё предпринимало попытки привыкнуть к почти неизменному состоянию невесомости. Наверное, именно поэтому даже давление гравитации ощущалось приятно, даже если оно приносило дополнительную нагрузку.

Андрей полагал, что тренинг и секс имеют нечто общее – хотя его последний сексуальный опыт состоялся почти год назад. *Может быть, Николай именно поэтому столько тренируется?*

Андрей немного засмутился, но не удержался от смеха – если уж над кем-то потешаешься, делай это в его присутствии, несмотря на возможные последствия. Его смех отразился множеством голосов на семидесятипятиметровом, постоянно вращающемся колесе гравидека, словно кто-то засмеялся вместе с ним.

– И что же именно послужило причиной такого веселья, братишка?

Андрей споткнулся и едва не полетел на пол, когда вдруг в самом деле получил ответ. Его испугал не столько глубокий тембр голоса Николая, сколько командные нотки его отца, которые все чаще звучали в разговоре его брата.

Ещё одна черта, которую мы с ним никогда не разделим.

Андрей ухитрился удержаться и вновь войти в ритм только с помощью почти акробатического прыжка, сев в воздухе на шпагат. Он бросил взгляд назад и увидел своего худощавого, мускулистого брата, который быстро его нагонял.

– Я просто наслаждаюсь тренировкой. – Он попытался заставить свой голос звучать подчеркнуто ровно, однако попытка провалилась.

– Надеюсь, я не помешал.

Конечно, ты помешал. Обычно ты тренируешься во время второй смены – именно поэтому я хотел быть приписанным к третьей.

– Ни в коем случае. Я просто не ожидал кого-то встретить, тем более – кого-то из знакомых.

– На этот раз Андрею удалось взять голос под контроль.

– Я не мог уснуть.

– В самом деле? Тебя выбил из колеи переход в другую смену? – Андрей был рад поменять тему разговора.

Николай догнал его и братья побежали рядом. Примерно одинаковый рост и похожее телосложение заставляли их неосознанно подбирать единый ритм.

– Нет. Я перешел уже давно, около месяца назад.

Андрей знал, что причины ночных кошмаров Николая лежат в прошлом, на годы назад, во времена оккупации Терры и происходивших тогда страшных событиях. Эта тема до сих пор была табу и никто не смел напоминать Николаю об этом. Если уж он сам об этом теперь заговорил...

– Ты был у врача?

Николай засмеялся – тяжело, горько.

– Когда это врачи помогали?

На это Андрей ответа не знал. У него было слишком много собственных тяжёлых воспоминаний о том времени.

Спокойное, тренированное дыхание сопровождало размеренные звуки бегущих ног. Минута за минутой пролетали над постоянно вертящимся кругом гравидека. Молчание затягивалось, а Андрей всё ещё не представлял, что же ему сказать. То, что Николай внезапно почувствовал потребность довериться брату, вселяло неуверенность. Прошли уже годы с тех пор, как они могли говорить друг с другом вот так. Андрей глубоко вдохнул носом, вбирая в себя побольше кислорода, и, наконец, ответил – он должен был это сделать. В конце концов, Николай пришел именно к нему.

– Как ты думаешь, в чем причина? – Андрей не стал задавать первый же вопрос, пришедший ему на ум. *Что мне сделать, чтобы помочь тебе?* Их последняя крупная ссора началась именно из-за этой простой фразы. Готовность помочь. Николай не нуждался ни в чьей помощи – по крайней мере, сам он так полагал. И меньше всего – в помощи младшего брата.

– Я сам не уверен. Это место... Исход... Нарастающее напряжение на некоторых кораблях – как среди офицеров, так и среди гражданских... Черт возьми, да кто ж знает!

Сердце Андрея немедленно подпрыгнуло до самого горла так, что на какой-то момент он остановился. Выброс адреналина, вызванный словами Николая, заставил пульсировать жилку на левом виске.

– Я знаю, что ты только что перешел во вторую смену, но как насчет третьей? – Андрей

ненавидел сам себя за это предложение. Опасение, что Николай его примет, пугало его. Но в данный момент куда лучше было говорить о чем угодно, только не о «волнениях». *Самое главное – уйти от этого разговора.* Тем не менее, росток страха был посеян и принялся быстро расти. Вместе со страхом взросло ещё одно подленькое семечко – недоверие. *Зачем Николай вообще тут?*

– Я не уверен, братишка. Может быть, мне стоило бы попробовать.

Невзирая на то, что Андрей знал, какая дикая буря должна была бушевать за этими холодными голубыми глазами, движения Николая по-прежнему выглядели совершенно размеренно. *Как у машины.* Точнейшая одинаковость плавных жестов была почти невыносимой – казалось, разум и речь были оторваны от тела. *Очень запутывает.*

– Ну, а ты чем занимался в последнее время? – спросил Николай.

Цветок недоверия взметнулся рывком на несколько сантиметров, при этом на нём образовалась куча новых бутонов. Краем глаза Андрей засек, что Николай всё так же, как и до сих пор, передвигается все тем же размеренным, машиноподобным шагом, словно в трансе. Глаза его остро поблескивали, а голос брата звучал так, словно исходил от сидящего в засаде со взведенным ружьем охотника. Андрей подобрался:

– Выживанием. Я прохожу кадетское обучение и одновременно пытаюсь стать техником.

– Одна из неплохих идей отца. Попытка дать дело всем. На тот случай, если мы найдем себе место.

– Утвердительно. – В конце концов, Андрею удалось проникнуть за фасад невозмутимости Николая. *Воспоминания о прошлом.*

– Я слышал, ты делаешь успехи, – продолжил Николай, – Очень, очень хорошо.

– Отец научил нас всегда учиться. Его первый урок. – *Ты не упомянул кадетское образование ни единым словом. Тебя так разочаровали мои воинские таланты?*

В отличие от Николая, Андрей ощущал первые признаки истощения. Его уколы заставляли его лицо кривиться каждые несколько шагов, а по всему телу медленно разливалась усталость.

– Конечно. Но ты был избран ведущими техниками, чтобы принять участие в обучении вместе с другими товарищами по путешествию. Я горжусь тобой.

Андрей чуть не споткнулся снова – так непривычно звучали слова Николая.

– Это выставляет нас в выгодном свете.

Он делит с одними то, что забирает у других. Лёгкие Андрея сжались и он резко остановился. *Никогда от него простого доброго слова не услышишь. Никогда Андрей, всегда – Андрей Керенский.* «Это выставляет нас в выгодном свете. Отца. Меня...». Он, кряхтя, согнулся, и пот на его лице помог скрыть горечь, которая странным образом делала его чужим самому себе.

Андрей провел рукой по лбу, одновременно стирая пот и горечь, и снова принял нейтральное выражение лица, которое в течении долгих лет оттренировал до совершенства. *Единственная защита от безразличия отца и морозного холода моего брата.*

Николай медленно вернулся назад. Он остановился, лишь немного посапывая. Андрей попытался уговорить себя, что он, в конце концов, тренировался почти на полчаса дольше, но это не слишком улучшило его настроение.

– То, что мы делаем, возвращается к нам. К отцу. – Глубина глаз Николая, казалось, пыталась поглотить Андрея, он чувствовал себя прозрачным и неспособным на связные мысли.

– Ты явился сюда в такое время, чтобы сообщить мне об этом? Я отлично знаю, что за моими действиями наблюдают. Ты сам это знаешь лучше других.

– Я знаю это, брат. Именно поэтому я счел необходимым прийти сюда. Ты знаешь, что твои действия влекут за собой последствия. Я бы сказал, большие, чем действия любого другого человека в Армаде. – На губах Николая проявилась улыбка, однако зачихала на полпути вверх, к глазам.

Андрей попытался отвлечься. Он открыл для своего раздражения новое направление, при-

нявшись за упражнения на растяжку. Он сел на пол с разведенными ногами, склонился сначала к левому колену, потом вперед, потом – к правому колену. Это занятие его немного успокоило и позволило отвести глаза, не выдерживая более взгляда брата.

Раз, два, три, раз, два, три. Андрей выдерживал ритм семь раз подряд, пока Николай не прервал его:

– Ты не можешь защитить меня!

Андрей ощутил замешательство, сбитый с толку совершенно неожиданной, почти бесстыдной провокацией.

– О чем ты говоришь?

– Об Исходе. Он не выживет без отца. Без одного из Керенских.

Андрей уже ничего не понимал. *К чему он ведёт?* Однако выражение лица Николая позволяло сделать лишь один вывод: его брат сам не в состоянии определить четкую линию. Несколько мгновений Андрей желал ответить на этот неожиданный взрыв, однако осознал, что это неминуемо приведёт лишь к очередной ссоре. Нравилось ему или нет направление, которое принял разговор, но его брат, как-никак, пришел именно к нему. В первый раз за слишком многие, слишком долгие годы. Андрею хотелось бы побороться за этот шанс.

– Мне кажется, ты заходишь слишком далеко, Николай, – сказал он, наконец. Его мускулы уже напряглись до бесчувствия. Тем не менее, он продолжал растягивать их упражнениями. *Тянем-потянем...* Это каждый раз развлекало его. *Перед тренировкой – это после тренировки – это перед тренировкой...* Его голос звучал из-за этого напряженно.

– Да неужто? Они просто развернутся назад. Нет, ещё лучше – они попросту полетят без всякой цели, как-нибудь. Мне кажется, ты переоцениваешь влияние отца, – голос Николая звучал теперь взволнованно.

Между ними установилось мертвое молчание, нарушаемое лишь гудением сломанной люминисцентной трубки, постоянно пытающейся набрать полную мощность. В конце концов, до Андрея, казалось, дошли слова брата, он поднял голову и увидел, как Николай буравит его ледяным взглядом. Ему удалось не отвести глаза и он вспомнил слова Джес: «Он сводит людей с ума». *Мой собственный брат, и так же он наводит на меня страх.*

– Ты не должен так говорить. – Андрей отвел глаза таким образом, чтобы Николай больше их не видел, и снова подумал о Джес, о её отвращении при одном лишь упоминании имени Амариса.

– Ты что, тоже отступился? – презрение, звучащее в словах Николая, прошибло мысли Андрея насквозь, словно шар из винтовки Гаусса – броню. Когда он вновь взглянул на Николая, то поразились жесткости взгляда брата. *Слишком старый для своего возраста.* Андрей, казалось, увидел, что шторма, сотрясающие его брата, поднялись к самой поверхности. Вот-вот вырвутся наружу, словно ждут, чтобы он что-нибудь сказал или сделал, что даст выход урагану.

– О чём ты говоришь? – Андрей немедленно взялся вновь изображать безразличность – косяком, который он носил часто. Он давал ощущение безопасности и силы, несмотря на страх, который он всё ещё чувствовал.

– Должна состояться встреча. Встреча тех, кто отступился от нашего отца. Тех, кто поднялся против генерала. Против *мечты*.

Ростки недоверия мгновенно превратились в зазубренные шипы, больно вонзившиеся в плоть Андрея. *Он знает. Николай всё знает.* Не только о встрече, но и о приглашении. Он тайком глубоко вдохнул, испуганно готовясь к новым мыслям. *Если знает Николай, то знает и отец!*

Андрей едва не потерял окончательно с таким трудом восстановленное самообладание. Почти нечеловеческим усилием ему удалось сохранить его. *В безопасных объятиях безразличия.*

– Да, я слышал об этом. – Попытка отрицать сделала бы только хуже. – Но не кажется ли тебе, что ты несколько преувеличиваешь? Я имею в виду – ты их в самом деле считаешь предателями? Я слышал, они хотят просто поговорить. Попытаться договориться с гражданскими, которые не могут привыкнуть к военной организации их жизни.

Глаза Николая казались неподвижными, несмотря на то, что он покачал головой. *Словно дырки в реальности. Проход в иное измерение.*

– Ты наивен, Андрей. Мой младший брат... – провоцирующий тон был так же заморожен, как и взгляд, брошенный Николаем на Андрея. – Они отступились, а ты должен внимательно следить за собой. Все что ты делаешь, возвращается к нам. Всегда помни об этом.

Он сводит людей с ума.

Андрей растерялся. Николай возвышался над ним, словно «Атлас» – железный гигант, холодный и беспощадный. В следующую секунду показалось, будто арктическая тундра засияла под слепящими лучами солнца – по лицу Николая заметалась быстрая, как ветер, улыбка:

– Пожалуй, мне стоит подумать о твоём предложении и перейти в третью смену. Может помочь справиться с бессонницей.

Не проронив больше ни слова, Николай исчез. *Так же неожиданно, как всегда.* Андрей встал со вздохом облегчения и попробовал расслабить перетянутые мускулы. Подумав об иронии момента, он недоверчиво потряс головой и принялся за новую серию упражнений. Если он сейчас прервётся, его ждет нешуточная боль в мускулатуре.

Слова Николая всё ещё звучали в голове и развязывали мысли, которые ранее казались Андрею безнадежно спутанными меж собой. *Николай нарочно явился сказать мне, что я не должен туда ходить.* Хотя эта мысль и наполняла Андрея страхом того, что он может подвести отца – а если честно, отца *или* брата – он должен был принять решение. И сдержать его.

Он осознавал последствия своих действий и, несмотря на возможное разочарование, он принимал свои собственные решения. Он поклялся никогда не прятаться от последствий своих поступков.

3

«Гермес», боевой корабль класса «Потемкин»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

27 июня 2785 года

Вонь была везде. Несмотря на то, что Андрей пытался сопротивляться постоянному импульсу, ему пришлось несколько раз тереть нос – и снова он чувствовал отвратительную чесотку. Он бросил взгляд направо, на мгновение ухватив глазами профиль Джес. Она выглядела совершенно невозмутимо. *У неё что, нос отсох?*

Он повел глазами, стараясь охватить всю картину. Взгляд зацепился за Уиндхэма, который также рассматривал Андрея. Его друг пытался сделать вид, что вони не существует, однако глаза выдавали его. Похоже, Уиндхэм никак не мог в это поверить. *Неудивительно, что люди рассержены.*

Короткий перелет с «Гордости Маккенны» на «Гермес» прошел без происшествий. Несмот-

ря на то, что Джес и Уиндхэм вновь обменялись несколькими острыми выпадами насчет организованной религии, Бога и значения судьбы, их дружба была видна каждому – наперекор столь различным мировоззрениям. Андрей в дебаты не вмешивался. Ему подобные дискуссии не казались настолько важными, чтобы вновь и вновь их вести. После нескольких случаев, когда ему приходилось попеременно играть адвоката дьявола для каждой из сторон, эти игры ему наскучили.

Когда они достигли «Гермеса» и отправились в путь сквозь сбивающую с толку мешанину коридоров и лифтов, на Андрея вдруг снизошло озарение. Теперь он знал, что имела в виду Джес.

Видел ли Николай, что тут творится? А отец?

Наконец, они добрались до цели. Трюм посадочного корабля класса «Мул» был переделан до неузнаваемости. Перед отлетом из Внутренней Сферы все трюмы, предназначенные для того, чтобы приютить гражданских, были снабжены крошечными, быстро оборудованными квартирками. Готовые пластиковые коробки, которые можно было собирать, словно детские игрушки, стояли казавшимися бесконечными рядами друг на друге.

Сперва ещё делались попытки размещать членов семей военнослужащих того или иного полка поблизости друг от друга – в осознании того, что добровольцы-уроженцы одних и тех же миров также стараются группироваться рядом. Такая сортировка происходила даже в пределах национальностей. Однако вскоре ясные линии и четкие разграничения отошли в прошлое и разные части смешались друг с другом. Люди также оказались перемешаны меж собой, придавленные тяжким грузом Исхода. Появились иерархии, соседство, маленькие очаги власти – наперекор усилиям членов экипажа по поддержке порядка. Проявился новый порядок, который, похоже, понимали только гражданские на борту кораблей.

Даже небольшие посадочные корабли, гроздьями висящие, словно фрукты на деревьях, на осях боевых и прыжковых судов, пытались отгородить себя от остальной армады. Конфликт проявился совсем недавно, когда гражданские с «Инфинити Рич», «Триптих Солилог» и «Джулия Оффспринг» вместе с людьми с «Гермеса» объявили эмбарго пассажирам «Адзурра Соль». При этом, насколько Андрей в своей добровольной изоляции в третьей смене мог понять из случайных слухов, речь шла всего лишь о каком-то высокомерном словесном оскорблении.

А ещё и эта вонь.

В это короткое мгновение, в этом в прямом смысле слова вопиющем положении, в котором оказались тысячи людей, вынужденных отчаянно бороться за свою жизнь, несмотря на то, что они путешествовали неизвестно куда, за этот короткий вдох, отягощенный запахами слишком многих человеческих тел, сконцентрированных в слишком малом пространстве, не имеющих возможности хотя бы иногда нормально почистить свои обиталища – Андрей понял, насколько хороша жизнь у команды «Гордости Маккенны», если сравнивать её с тем, что он увидел. Насколько хорошо ему самому. Почему люди желали этой встречи. *Почему они нуждались в этой встрече.*

В этот короткий момент Андрей понял, что его решение прилететь сюда было правильным. *Я сделал верный выбор.*

– Ну как, рад сюда попасть? – спросила Джес.

Андрей поглядел на неё и понял, что она внимательно за ним наблюдает. Неужели его чувства можно так легко понять? Или он просто не смог в достаточной мере скрыть отвращение, которое заставляло его нос сходить с ума? Неожиданно Андрей устыдился. Как будто он эдакий благородный дворянин, отправившийся «в народ», чтобы осудить этих людей – неважно, какие добрые намерения привели его сюда.

– Да. Совершенно верно.

– Что? Никакого «утвердительно»? – её улыбка была наполнена теплом, как всегда.

– Я полагаю, «утвердительно» он придерживает для вполне определенных случаев. Или просто хочет нас посердить. – включился в разговор Уиндхэм и улыбнулся Джес через голову Андрея.

Между ними что-то есть? Его изумило, что он никогда об этом не задумывался. Андрей ещё во время их первой религиозной дискуссии спросил у Уиндхэма насчет обета безбрачия – вопрос послужил причиной дикого хохота. Он пожал плечами, слишком занятый, чтобы заняться своими подозрениями вплотную.

– Я полагаю, ваше преподобие, что вы правы.

– Естественно, я прав.

– Потому что ты – Божий человек или потому что ты себе в бороду запихал ладан?

– Слушайте, прекратите вы, оба, а? – вмешался Андрей и ему удалось не дать проявиться на своем лице тому удовольствию, которое он получал от их вечных пикировок. – Люди могут вас услышать и обидеться на ваши шуточки. «Гордецы с «Гордости» и все такое, вы же знаете.

Андрей все-таки усмехнулся, когда Джес сморщила нос в ответ на его замечание. Этот афоризм, появившийся несколько недель назад, распространился по команде со скоростью вирусной инфекции и, как обычно, каждый отрицал, что это он его придумал. Джес поклялась найти автора, ухватить его за штаны и познакомить с ближайшим воздушным шлюзом. Андрей долго и от души смеялся над её шуткой, надеясь, что это всего лишь шутка. *От Джес всего можно ожидать.*

– О великий Андрей, веди же нас вперед! – ответил высокопарно Уиндхэм и его слова сопровождались прыскающим хихиканьем Джес.

Несколько лиц повернулись к ним, на них отразилось раздражение этим, неуместным в виду серьезности встречи, весельем. Андрей поднял руку, показывая, что чувствует себя соответственно моменту.

– Ну классно. Святой отец и майор непобедимых СОЗЛ... – Андрей сокрушенно покачал головой – И эти двое должны служить мне примером? – Оба упомянутых персонажа попытались принять серьезные выражения лиц. Они в самом деле попытались сделать это. Но блеск в их глазах давал понять, что они попросту лгут.

По пещероподобному залу собраний прокатился звук, призывающий всех к порядку. Андрей кивком дал понять, что готов двигаться дальше и последовал в кильватере за Джес, сопровождаемый Уиндхэмом. Они медленно пробивались сквозь узкие переулочки, на короткое время появляющиеся в людской массе, к центру зала. Андрею несколько раз наступили на ноги, так как одновременно с ним ещё несколько человек старались пробиться в ту же сторону.

Он вдруг почувствовал себя внутри овечьей отары, однако подавил в себе желание громко заблеять. Отказаться от такой проказы было несложно, бросив один лишь короткий взгляд на бесчисленные хмурые лица, окружающие его. Звук сотен магнитных подков, шаркающих по полу, напоминал звук ножа, который точат о мокрый камень. Такое сравнение заставило Андрея передернуться – он едва ли не физически почувствовал те кинжалы, которые метали в него глаза людей.

Они медленно, но верно продвигались вперед. *Личинки, ползущие сквозь переполненные ходы муравейника.* Запертые между готовыми стенными блоками, едва ли не до бесконечности громоздящимися друг на друга до самого потолка. Скучная серость пластика почти до отказа заполняла пол, стены и потолок, так что от простого взгляда на него кружилась голова. *Отвратительные люди-личинки, сформированные в колонию.*

Андрея снова прошиб пот, когда он осознал, как быстро этот искаженный кошмар превратился в реальность и как долго они ещё могут находиться в полете. Наконец, они достигли главного зала собраний, уже совершенно заполненного бесчисленными людьми. Через верхние этажи пластиковых спальных кабин народ перебирался на потолок, напоминая бельё, вывешенное для просушки. Море цветов, яркие одежды, развеваемые ветром на слепящем солнце...

Человеческая привычка. Они точно так же могли висеть в воздухе где-нибудь в этом зале, но даже после целого года в таких условиях большинство из них предпочитало ощущать под ногами твердый пол – неважно, где верх, а где низ. Сколько времени понадобилось Андрею, чтобы избавиться от этого чувства?

Это кто там, Раймонд Сайнце? Одинокó стоящий человек сверху выглядел, как против своей воли находящийся на борту куритянин. За прошедший год Андрей не обменялся с Драконом и дюжиной слов, тем не менее, он испытывал к этому человеку необъяснимую симпатию. *Должно быть, прилетел другим шаттлом.*

– Я ещё раз напоминаю всем вам, что здесь уже собралось больше людей, чем мы в состоянии разместить, – громкий, усиленный электроникой голос прервал всепоглощающее бормотание. Толпа утихла. – Мы настроили громкоговорители таким образом, что их будет слышно и снаружи, в большей части корабля. Я должен вас снова попросить быть потише.

Примерно в двадцати метрах от того места, где находился Андрей, располагался квадратный подиум три на три метра. На нем стояли и сидели полдюжины людей. Стоящий рядом оратор, как можно было увидеть, был высоким человеком с бледной кожей, зачесанными назад волосами и лицом, немного тронутым шрамами от перенесенной в детстве ветрянки. Он, похоже, терпеливо ждал.

Человек развернулся и Андрей прищурился, пытаясь рассмотреть знаки различия на его кителе. Он ожидал увидеть здесь Густава Серилика, командира «Триптиха», посадочного корабля, на борту которого они в данный момент находились. Андрей собрал об этом человеке немного информации, когда решил принять участие во встрече.

Три адмиральские звезды на плечах человека, однако, меняли все. Когда подобную встречу организует капитан посадочного корабля, чтобы дать возможность людям излить свое недовольство – это одно дело. Но если командир боевого судна вмешивается лично... Хотя Андрей и развеял первые сомнения, тем не менее, теперь слова Николая вернулись к нему с удвоенной силой и вновь начали преследовать его. Новое открытие невозможно было задавить – оно давило на сознание тяжело и с ужасающей интенсивностью. Дурные предчувствия своими ледяными прикосновениями заставили Андрея покрыться гусиной кожей. Сознывая, что многие, кто стоит рядом, слышат его, Андрей обратился к Джес:

– Это не Густав.

Она повернулась к нему с раздражением на лице:

– Конечно же, нет.

Андрей сконцентрировался и попытался пролистать в памяти бесконечный список командиров. По сравнению с капитанами бесчисленных прыжковых и посадочных кораблей, избранные командующие высокого ранга представляли собой на боевых судах закрытое сообщество.

– Адмирал Роберт Николлс.

Она кивнула. Угадал. Андрей вновь повернулся к сцене, когда адмирал продолжил речь:

– Граждане! Женщины и мужчины – и, конечно, дети – Исхода! За последние полгода вам пришлось немало вынести. Великая мечта, быть частью которой мы почитаем за привилегию, ещё сильна в вас. Это можно видеть. – Он сделал паузу, во время которой обшаривал взглядом толпу, словно поисковым прожектором меха. *Он старается привлечь людей, дать им силу, могущество. Одна-единственная хорошая формулировка – и они проглотят всё, что он им пожелает скормить.* Андрей достаточно часто наблюдал за своим отцом, чтобы знать, как умелый оратор демонстрирует свои таланты.

– И все же, несмотря на нашу общую мечту, я знаю, что некоторые из вас – многие из вас – вынуждены бороться с серьезными проблемами и до сих пор встречали лишь глухое молчание. – И снова адмирал сделал паузу в удобный момент, давая возможность услышать со всех сторон одобрительное бормотание толпы. Он успокаивающе поднял руку. *Идеально срежиссировано.*

– Генерал долго вел нас и ноша его тяжелее, чем мы можем себе представить. Без него мы бы не были сегодня здесь. Я, так же, как и мы все, знаю, что он сделал для нас. Как далеко мы продвинулись с его помощью. Я склоняюсь в почтении перед делами, которые он свершил, чтобы защитить нас.

Слова звучали искренне для Андрея. Они звучали именно так, как этого следовало ожидать от адмирала СОЗЛ, говорящего о своем командире.

Однако над этими словами нависла тень его брата. Невзирая на судорожные попытки Андрея не следовать этому потоку мыслей, Николай в его голове открывал истинное значение сказанного, показывал иные возможности для толкования.

Адмирал пытался создать дистанцию между генералом и простыми людьми, собравшимися здесь. Он поднимал Керенского на бесконечно высокий постамент, на котором тот становился недоступным для обычных гражданских. Мать с больным ребенком, которая ничего не может сделать, чтобы облегчить его страдания; мужчина, который попросту не может привыкнуть к давящей тесноте своего жилища; молодые люди, вынужденные бороться за то, чтобы отыскать себе хоть какое-то занятие.

Как далеко мы продвинулись с его помощью... Эта фраза сверкала на фоне сказанного, словно перегретый мех на экране инфракрасного локатора. Она возлагала на генерала персональную ответственность за каждый из бесчисленных световых лет, за всё расстояние, пройденное ими до сих пор в глубине Периферии. *За неизвестность, из которой, быть может, нет возврата.*

– Так как генерал, *должно быть*, настолько занят работой над нашей основной целью, что у него нет на нас времени, я и моя команда решили организовать эту встречу самостоятельно. Мы надеемся, что сможем таким образом помочь найти решение некоторых проблем.

Андрей недоверчиво потряс головой. Одним-единственным лёгким акцентом адмирал смог посеять в слушателях сомнение в том, имеет ли генерал вообще эту самую цель. *У кого такие мысли уже имелись – тот будет чувствовать, что нашёл им подтверждение. У кого их не было – тому эту идею подкинули только что.*

Он окинул глазами зал. Взгляды почти всех собравшихся были неотрывно устремлены к адмиралу. Бесстрастные лица, не показывающие своих истинных чувств.

И снова Андрей почувствовал на границе своего сознания дыхание Николая. Он сокрушенно качнул головой. *Я схожу с ума.*

Тем временем адмирал сел и передал микрофон одному из людей, стоявших в длинной очереди к подиуму. Мужчина снял шляпу и неуверенно повертел её в руках. Его глаза несколько раз блеснули в свете прожекторов и казалось, в них отражается желание толпы самой быть услышанной. На какой-то момент установилась тишина. Лицо человека слегка покраснело, он напрягся.

Адмирал плавным движением встал и ступил на сцену к поднявшемуся на неё гражданскому. Он дружески прикоснулся к его плечу, склонился, словно желая сказать ему что-то доверительное, и официально пожал ему правую руку. С отеческим кивком адмирал вновь похлопал его по плечу, указал сначала на микрофон, потом на ожидающую человеческую массу, и в конце концов вновь скользнул на свое место. *Как масло по воде.*

В голове Андрея прозвучал голос Николая: *Тактика затягивания времени.*

– Меня зовут Оливер Стэнтон, – начал человек дрожащим голосом, который, однако, после обмена взглядами с адмиралом заметно укрепился. Некоторые зрители выкрикивали слова поддержки.

– Я с «Триптиха», трюм А, секция С, третий блок. Я понимаю, что мы должны рационализировать питание. Но вы понимаете, у меня есть жена. И трое детей. Мы не были подготовлены ко всему этому... По крайней мере, по-настоящему не были. И я знаю, что генерал, должно быть, очень занят и все такое, но мне кажется, что пищевые рационы... несправедливые. Вы знаете, о чем я. Все, что я хочу сказать – так это то, что я просто не верю, что «Триптих» получает равную долю с другими. Я видел другие корабли. Другие трюмы. Там, похоже, никто не голодает. – Его слова привели толпу в какое-то звенящее напряжение.

Андрей попытался сопротивляться подступающим мыслям. Но как он ни старался, это ему не удалось. Может быть, у этих людей есть на что пожаловаться. Но то, как развивается эта встреча... *Фарс?* Невозможно выдвигать обвинения таким образом и ожидать, что подобное собрание в одиночку в состоянии что-либо решить. Обычно сначала создаются рабочие группы, которые обсуждают и упорядочивают отдельные критические точки. Потом гражданским дают

возможность создать собственные комиссии и комитеты, которые организованно их представляют. Создаются группы, координирующие совместные усилия. Проблемы распределяются по степени приоритета и предпринимаются попытки обработать список задач сверху донизу.

Методично. По совести.

Из всего, чему когда-либо обучал его отец, систематический образ решения проблем был тем, что Андрей более всего ценил.

То же, что происходило здесь, было ничем иным, как плохо инсценированным шоу. Несмотря на то, что он сопротивлялся такому представлению, первоначальные сомнения в этом быстро исчезли. Когда следующий человек поднялся на сцену и начал изливать свои жалобы, в то время как адмирал и его ординарцы внимательно слушали – некоторые даже преувеличенно старательно колотили пальцами по клавишам своих записных книжек – Андрей больше не выдержал. В его желудке забурлила кислота и стала подниматься к горлу.

Он бросил на Джес замученный взгляд, однако обнаружил, что на неё события подействовали завораживающе. Боль, которую в этот момент ощутил Андрей, оказалась хуже всего остального. Он повернулся влево, поглядел на Уиндхэма, который отстраненно наблюдал за происходящим. К облегчению Андрея, Уиндхэм демонстрировал всем совершенно ничего не выражающее лицо. Обычно это означало, что его гложат какие-то сомнения. *И что ему это всё совершенно не по вкусу.*

Андрей пробился сквозь толпу и встал с Уиндхэмом плечом к плечу. Он склонил голову к священнику и поднял руку, чтобы ещё более скрыть шепот:

– Мне надо отсюда уматывать.

Уиндхэм взглядом показал, что все понял.

Несмотря на то, что невозможно было с уверенностью сказать, находится ли адмирал Николлс и его офицеры на пути к открытому бунту, Андрей более чем отчетливо почувствовал, что ему здесь делать нечего. Адмирал мастерски играл на чувствах толпы. *Но к чему это всё ведет?*

Андрей провел руками по лицу в попытке оттолкнуть от себя пугающее ощущение грядущих неприятностей. Не получилось. Одно было ясно: адмирал принялся за собственную игру и Андрею не хотелось быть в неё втянутым ни под каким видом. Адмирал сделал свой выбор. Гражданские – ещё нет. По крайней мере, он на это надеялся. Ни в коем случае он не желал стать гирькой на этих весах.

Друзья стали незаметно продвигаться к выходу, оставив за спинами Джес. Она, похоже, настолько была увлечена происходящим, что вообще не заметила их отступления. Обратный путь сквозь множество людей, сконцентрированное между ними и выходом, вызвал злобные, шипящие комментарии и острые взгляды. Куда ни кинь взгляд, были видны только люди.

– Андрей Керенский? – Адмирал выкрикнул это достаточно громко, чтобы все услышали его и без микрофона. Его слова разорвали воздух подобно шрапнели и обратили поспешное отступление в ничто. Какую-то секунду Андрей желал попросту сбежать – кинуться вперед, растолкать тех, кто заслонял ему путь наружу. Однако он понимал, что уже поздно. Вряд ли он смог бы совершить такой подвиг с магнитными подошвами и уж во всяком случае, не с таким количеством народа. Тем не менее, все мускулы его напряглись и отозвались волной жара, словно тело желало отключить разум и волю и попросту убежать.

Андрей медленно повернулся к тому месту, с которого совсем недавно внимал оратору. Его сердце словно ухватили ледяные пальцы: Джес исчезла.

Он был обманут.

«Гермес», боевой корабль класса «Потемкин»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

27 июня 2785 года

Андрея осторожно, но крепко взяли за руку. При попытке освободиться он чуть не сломал себе кисть и только тогда сообразил, что удерживает его Уиндхэм. *Он понимает меня. Он знает, что это все для меня значит – быть использованным вот так запросто.*

В тот же момент Андрей понял: он не может попросту сбежать, не потеряв при этом лица. Он развернулся в сторону подиума и увидел то, что и ожидал: адмирал положил руку на плечо очередного гражданского и требовательно глядел в его сторону.

Более тысячи глаз уставились на Андрея. Он физически чувствовал тяжесть вопрошающих взглядов, невысказанных желаний, жадности... *Теперь, когда они увидели в своей среде одного из Керенских.*

– Андрей, какая замечательная неожиданность, что вы нашли для нас время! – И снова невидимыми руками слова адмирала формировали человеческую массу.

Ну да, неожиданность. Только вот голос твой звучит совершенно не удивленно. На таком расстоянии ты бы меня нипочем не узнал.

Вид пустого пространства там, где недавно стояла она – где недавно стояла Джес – приносил боль.

– Я уверен, что генерал приказал вам прибыть сюда вместо себя, не так ли? Чтобы выслушать этих людей?

Интересно, они замечают, как ненавязчиво он продолжает унижать генерала? – Андрей медленно направился к подиуму, словно беспомощная муха, запутавшаяся в адмиральских сетях. Когда он приблизился к сцене, сил ему придавала лишь мысль об Уиндхэме – тепло его дружбы помогало подготовиться к тому, что предстояло.

Толпа расступалась перед Андреем почти испуганно, стараясь не прикасаться к нему. Тысячетонный космический крейсер, без труда прокладывающий путь сквозь вечную тишину пространства. Если бы он только мог чувствовать себя таким же могучим и невозмутимым! *Уж скорее – дырявая шлюпка со сломанной мачтой и пробоинами ниже ватерлинии.*

Многие месяцы ему удавалось избегать общественного внимания, прячась в одиночестве третьей смены. Теперь Андрей чувствовал себя неуютно под пристальными взглядами стольких людей. Их присутствие грозило задушить его. Он глубоко вздохнул, достиг подиума и едва не споткнулся, поднимаясь на него. Удар об острую стальную кромку вызвал волну боли, поднимающуюся в мозг от щиколотки.

Андрей прикусил язык, чтобы не взвыть во весь голос, однако двойная боль помогла ему сконцентрироваться. словно эта боль была противоположным полюсом давлению, под которым он очутился. *Я должен это сделать.* Он должен сделать это для своего отца – независимо от того, что об этом подумает Николай. Достигнув середины помоста, он ещё раз сглотнул и заговорил:

– Я прилетел сегодня сюда по просьбе одной... – голос Андрея сорвался, прежде чем он смог взять его под контроль, – Одна девушка попросила меня прилететь. Она сказала, я должен быть здесь и встретиться с вами, с гражданами. Чтобы послушать о ваших заботах и проблемах. Я получил такую возможность и я обещаю вам, что передам генералу обо всем, что видел. Передам моему отцу. *Это должно вернуть отцу большую часть человечности в их глазах. А адмирала ввергнуть в смертельный ужас, словно генерал собственной персоной стоит у него за спиной.*

Неожиданно адмирал оказался перед ним. Андрей был на полторы головы ниже, так что адмиралу легко удалось обнять его рукой за плечи с наигранной доверительностью.

– Я не могу выразить, насколько я рад, Андрей. Рад, что один из Керенских прилетел сюда. Осознание того, что Керенский *наконец-то* взялся помочь нам, согревает мне сердце. Я уверен, что говорю от имени всех, кто здесь собрался: мы бесконечно благодарны вам за ваше решение поддержать наши требования.

Андрей скорчился от голоса адмирала, словно от горячего железа. Он попытался заглянуть ему в глаза – он просто не мог поверить, что адмирал – несмотря на лучшие намерения – ухитрился так извратить его слова. Андрей набрал воздух, чтобы выпалить злобный ответ – ему хотелось сорвать с адмирала его дешёвую маску. Однако когда его слуха достигло первое бормотание слушателей, Андрей запнулся. Он огляделся вокруг: вокруг можно было видеть море благодарных лиц. Лиц, осененных надеждой. Лиц, наполненных таким внутренним величием, что ему захотелось кричать. Он не имел никакого права разрушать их благодарность. *Заключен в свинцовые цепи и прикован к палубе.*

Андрей бросил ледяной взгляд на адмирала. Невзирая на его настоящие намерения, его использовали лишь для того, чтобы придать этой встрече ложную видимость одобрения со стороны генерала. Хуже того – если бы он попытался откреститься от сказанного, последствия могли бы оказаться непредсказуемыми. Это могло привести даже к насильственным действиям.

Андрей почти ожидал увидеть фанатичный блеск в адмиральских глазах – триумфальные огоньки победителя. Вместо этого тот бросил на него едва ли не отеческий взгляд. *Так, будто он мною совершенно доволен.* Андрея охватила неуверенность, делая его беззащитным. *Он что, в самом деле верит в то, что делает? Или это тоже – только маска?*

Пока он мучился над этими вопросами, где-то в толпе чьи-то руки соединились в первом неуверенном хлопке. Этот звук был немедленно поддержан окружающими и в скором времени волны аплодисментов и приветственных кликов сомкнулись над Андреем. Ему перехватило горло и дыхание превратилось в лёгкий шепот.

* * *

– Это было весьма неожиданно, – голос Раймонда Сайнце был исполнен иронией. Его ломаный англик Звёздной Лиги создавал между ним и собеседником почти непреодолимую дистанцию.

Уиндхэм нервно ёрзал на своем месте рядом с Андреем с тех пор, как шаттл лег на обратный курс к «Гордости Маккенны». Андрей успокаивающе положил руку на его запястье. *Может быть, я проиграл сейчас важнейшую битву в моей жизни. Проиграл?* Ситуация была катастрофической. *И все-таки, я должен сам справляться со своими конфликтами.* Воевать с иронией было бесполезно. Держаться независимо означало – попросту игнорировать куритянина.

Отсек наполняло гудение двигателей шаттла и даже сквозь обитые сиденья, к которым они были привязаны, ощущалась легкая вибрация могучей машины. Андрей откинулся назад, склонил голову набок и почувствовал, как на него надвигается прабабушка всех головных болей на свете. *Такое разочарование...* Страшный груз, сваленный на его плечи только что завершившейся встречей. Вопросы, метавшиеся в его голове, словно стараясь пробуравить череп насквозь. *Слишком много, слишком много.*

На какой-то момент взгляд Андрея расфокусировался и глаза его наполнили слёзы. Он ненавидел себя за эту слабость. Его переполняло ощущение полной беспомощности перед ситуацией. *Слишком молод, чтоб понять, слишком стар, чтобы ясно видеть. Николай никогда не загнал бы сам себя в такое положение.* Когда он понял это, его самооценка упала до нуля.

– Я должен признаться, молодой Керенский, я долго раздумывал над тем, как отплатить генералу за его, ах, ну скажем так, *навязчивое приглашение.* Но то, что произошло сегодня? Эта история? Мне бы и во сне не приснилось, что его собственный сын ударит его в спину! Нет, такое представление было... слишком заманчивым.

Эти слова сами по себе было тяжело вынести, но тон, которым они были произнесены, уязвил Андрея до глубины души. Он мигнул и посмотрел на единственного кроме себя и Уиндхэма пассажира отсека, стараясь не думать об исчезновении Джес. О том, что она не вернулась на борт шаттла, чтобы лететь обратно вместе с ним...

Раймонд Сайнце.

Он был примерно одного роста с Андреем, однако старше. Азиатские черты лица и военная прическа заставляли его выглядеть почти что нереальным. *Так же, как и всех иных офицеров Синдиката, с которыми я до сих пор встречался. Нет, не совсем.*

Солдатская униформа Дома Куриты, раньше блиставшая белым и красным, износилась из-за ежедневного использования и потеряла свой вид. Вдоль швов во многих местах проглядывали нитки, словно маленькие черви, старающиеся сбежать из шерстяной тюрьмы. Похоже, Дракон никогда не снимал своего облачения. *Как религиозный символ.* Андрей слышал, что офицер Куриты несколько раз ссорился с товарищами по каюте. Раймонд Сайнце до поздней ночи оставался на ногах, чтобы почистить униформу вне своей очереди на стирку.

Да, такое увидишь не каждый день. Куритянин в изношенной униформе. Андрей глянул Дракону прямо в глаза. *Он выглядит таким же потрёпанным, как его одежда.*

Сам того не желая, Андрей ответил:

– Мне кажется, что за все время нашего совместного пребывания на борту мы обменялись не более, чем полудесятком слов. Что дает вам право считать, что вы можете судить о том, что я делаю? – Не самая оптимальная контратака, но все же лучше, чем ничего, в данных обстоятельствах.

– А что мне ещё надо знать, кроме того, чему стал сегодня свидетелем? Вы поддержали открыто бунтующего адмирала! – Сайнце пожал плечами.

Андрею показалось, что он услышал некоторое сомнение в голосе Дракона.

– В Синдикате подобные люди были бы казнены за бунт. – Раймонд слабо улыбнулся. С самого начала его принудительного участия в Исходе его губы вообще не принимали иных очертаний. – Точно так же, как те, кто им помогают. Вы уверены, что вам ясны последствия ваших действий? – Куритянин склонил голову, словно и в самом деле ожидал ответа на свой риторический вопрос.

Андрей почувствовал, что его застали врасплох. Слышать из уст этого одинокого человека слова собственного брата было тяжело.

– Я не думаю, что у вас есть право осуждать Андрея, – Уиндхэм, увидев, как Андрей буквально проваливается в свое кресло, словно ища защиты в объятиях синтетической обивки, в конце концов вмешался в разговор.

Раймонд, похоже, не очень-то хотел выслушивать замечания от Уиндхэма – он продолжил:

– Может быть, я неправ? Докажите, что я неправ.

– Я как раз хотел это сделать. Только...

– *Что «только»?* – прервал Раймонд. Его голос стал ещё более резким. – *Что именно вы пытались сотворить? Уничтожить собственного отца?* – Слова колотили по Андрею, как очереди из автопушки, уничтожая все, что он мог сказать в свое оправдание. Он чувствовал себя ранимым и беззащитным.

– Нет, ни в коем случае.

– Что тогда?

– Я хотел помочь! – теперь уже и Андрей вышел из себя, его «я» восставало против обвинений. *Это же просто бред!* Вся эта злоба, все эти моральные нападки озлобленного старика... Слова Андрея прозвучали в тесноте отсека куда громче, чем ему того хотелось.

– Я хотел только помочь, – повторил он тише. Он ушел в себя, словно эти слова были достаточным объяснением, как будто он должен был повторять их снова и снова, пока не растворится в них.

– Значит, вы хотели помочь, – Раймонд говорил медленно, как будто проверяя каждое слово на вкус.

Андрей почувствовали ненавистные укусы слёз под опущенными веками – теперь, когда его злость прошла. Он попытался бороться. Он не позволит себе расплакаться, только не здесь. Может быть, позже, в своей каюте, но только может быть... если останется один на один с Уиндхэмом. Андрей спрашивал себя, чувствовал ли Уиндхэм себя когда-нибудь вот так или он всегда находил утешение в своем Боге. Вот бы спросить у него...

– Черт побери, оставь его в конце концов в покое! – вмешался Уиндхэм. Андрей изумился этой вспышке. Это был первый раз, когда он слышал, как Уиндхэм чертыхается, пусть и весьма выдержанно – учитывая корабельные стандарты.

На этот раз куритянин обратил внимание на Уиндхэма.

– А почему я должен? Я уверен, что его отец тоже не оставит его в покое. И адмирал со своими сторонниками – в любом случае. А гражданские – уж никак. Он придал им легитимности – неважно, что он, собственно, хотел сделать.

– Я только хотел помочь, – в третий раз пробормотал Андрей. Он чувствовал себя перегоревшим. Хуже того – он чувствовал себя использованным. Вопреки лучшим намерениям. Слова Николая молотом били по нему гораздо более болезненно и точно, чем любые реплики Раймонда. При этом не имел ни малейшего значения тот факт, что адмирал заманил его в ловушку, переврав все, что он говорил. Потому что Андрей полез в эту ловушку по своей воле, несмотря на предупреждения своего брата.

К чему это приведёт? Этот вопрос прогремел в его голове, словно сигнал тревоги, не позволив прорваться ни одной ясной мысли.

– Итак, вы хотели помочь, – повторенные слова Раймонда едва прорвались сквозь завесу жалости к себе, окружавшую Андрея. Опять он почувствовал себя задетым тоном этого человека.

На полпути шаттл развернулся и неожиданно наступившая невесомость дала о себе знать. Потом сила тяжести вновь восстановилась, когда двигатель опять заработал и корабль начал торможение. Ощущение было, словно вторая, тяжёлая кожа вдавливала всех в сиденья.

Андрею наконец-то удалось взять себя в руки. Он снова смог отделять внешнее от внутреннего, восстановив таким образом важнейший защитный барьер. Он смог подумать о последствиях сегодняшних событий. В этот момент он ещё раз пообещал себе, что сам будет отвечать за последствия своих действий, неважно, какими они будут. *Я буду смотреть правде в глаза.*

Андрей перевел взгляд на Раймонда.

– И что, если они в самом деле пытаются бунтовать?

Он почувствовал, как рядом с ним застыл Уиндхэм. Раймонд изумленно поднял брови, как будто приветствуя этот вопрос.

– Тогда вы будете приговорены к смерти, вместе с бунтовщиками.

– Если бы речь шла об обычной военной операции – тогда да, наверное. Но то, что здесь творится, нормальным не назовешь, – сказал Андрей, бессознательно повторяя формулировку Джес. Он выпрямился, стараясь освободиться от свинцового груза, все ещё давившего на плечи. Ему едва удалось перебороть шок и чувство вины, вызванные происшествием на «Гермесе».

– Вы сами были там. Вам не кажется, что у этих людей есть все основания, чтобы вести себя именно так?

– Для бунта не бывает хороших оснований. Никогда.

Слова повисли в воздухе и Андрей попытался прочесть ответ в глазах куритянина. *Он в самом деле так думает или мне это только кажется?*

– Вы не можете отрицать, что сами все это видели.

Раймонд помедлил, не согласный сам с собой.

– Нет, я не могу отрицать того, что видел.

Ну вот, опять. *Что это? Сочувствие? К положению людей с «Гермеса» или ко мне? С ним просто невозможно быть ни в чем уверенным. Николая – и то понять проще.*

Тем не менее, Андрей ощутил некую связь между ними. Он не мог бы ответить, что это за связь, да и не хотел делать никаких поспешных выводов. Тем более, после катастрофических

результатов встречи. Однако, может статься, что он нашел в Раймонде родственную душу. Человека, которому можно доверять.

— Тогда я знаю, что мне делать.

— Хай.

Опять этот взгляд.

Может быть, это даже новый друг.

5

«Гордость Маккенны», линкор класса «Маккенна»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

15 июля 2785 года

Несмотря на решимость Андрея, прошло более двух недель, пока он набрался смелости нанести визит своему отцу. Сначала он пытался рационально обосновать эту отсрочку. Он уговорил себя, что сначала нужно найти Джес и поговорить с ней. *Выяснить, в самом ли деле она злоупотребила моим доверием или это все можно объяснить стечением обстоятельств.* В это он вообще-то совершенно не верил, однако цеплялся за надежду, как утопающий за соломинку.

За лихорадочными поисками Джес, за надеждой её, наконец, отыскать, поговорить с ней, быстро миновала неделя. Конечно же, много времени занимали и ежедневные обязанности на борту корабля. Словно ночные воры, крали они у Андрея столь нужные ему часы. Занятому на курсах техников и в кадетских классах, ему слишком часто приходилось урывать время между двумя сменами, отведенное на сон. Даже после столь длительного пребывания на борту организм требовал нормального ритма смены дня и ночи. Если не обращать на это внимания, можно было впасть в состояние, похожее на своеобразную зимнюю спячку.

Этим утром Андрей проснулся и встряхнулся, словно мокрый пёс, который пытается вытрясти воду из шерсти. *Вода кошмара, темная и таящая угрозу...*

Магнитные подошвы разносили по коридору кликающее эхо. Сейчас, когда он наконец-то направился к офису своего отца, Андрей больше не мог отрицать очевидное. *Я не хочу показываться отцу на глаза. Как я ему объясню, что произошло?*

Андрею было ясно, что генерал уже знал о том, что случилось на «Гермесе» — так же, как и Николай. «Информация бывает важнее, чем полк мехов. Информация делает полк сильнее бригады. Без неё целый корпус может оказаться в одно мгновение уничтоженным».

Андрей всегда осознавал значение отцовского афоризма. Генерал постоянно получал подробнейшую информацию о том, что творилось на флоте. *Но тогда почему он ничего не знал о надвигающейся буре? Понимает ли он вообще, насколько близко, угрожающе близко адмирал Николлс — и, наверное, другие — подошли к тому, чтобы начать восстание?*

Тишина, разлившаяся в мыслях Андрея, родилась из того же источника, что и решение не избегать более конфронтации с отцом. *Почему они меня не забрали и не допросили?* Похоже, отцу не требовалось присутствие его отпрыска. Андрей несколько раз обсуждал этот вопрос с Уиндхэмом и Раймондом – вот и ещё одна порочащая связь, которая за последние дни укрепились между ними – но оба были так же сбиты с толку, как и он сам. Николай вообще не появлялся на глаза (не то, чтобы он от этого сильно огорчился), но Андрей рассчитывал быть доставленным к генералу немедленно после возвращения с «Гермеса» – вполне возможно, что и под конвоем. Почему на него столько времени не обращают внимания? В этом не было никакого смысла.

Проклятье, куда к чертовой бабушке могла запропасться Джес?

Эти мысли кружились в его голове, словно стервятник над трупом. Разум Андрея разбивался на части – как если бы этот самый стервятник тянул внутренности своей жертвы ввысь, желая сварить их на солнце. Но и в ином смысле его невесёлые думы были сходны с этой картинкой: отвратительные, распухшие и все время торчащие перед внутренним взором кишки-обрывки мыслей. Джес не только сыграла с ним явно подлую шутку. Она ещё и попросту сбежала после этого.

Он дошел даже до того, что связался с «Гермесом», но не узнал ничего нового. На каждом из кораблей находилось несколько тысяч человек, так что Джес не составило труда скрыться, словно той самой иголке в стогу сена. *Но почему? Зачем ей прятаться от меня – это же смешно!* Или настоящее восстание началось только теперь, а Джес исчезла, потому что ей была отведена в нем иная роль?

Андрея прошиб холодный пот.

Он достиг входа в офис отца, громко постучал – выругался, ссадив костяшки пальцев о металлическую поверхность. Через мгновение дверь открылась и Андрей оказался перед генералом. Великим генералом.

Перед своим отцом.

Спокойные голубые глаза встретили нервный взгляд Андрея. Он нырнул на миг в их глубину, однако не нашел в ней ничего. Генерал учил его читать в душах других людей, но к нему самому эту технику применить Андрею никогда не удавалось. То же самое относилось и к Николаю. *Наверное, он слишком похож на нашего отца.*

– Андрей. Я уже задавался вопросом, когда же ты изволишь пожаловать, – генерал указал на стул, обошел письменный стол и занял свое место за ним. Стол был завален бесчисленными распечатками, прижатыми к столешнице маленькими микростатическими грузиками, чтобы при малейшем прикосновении они не стали болтаться туда-сюда по воздуху. Андрей знал, что использование отцом этой устаревшей формы документации – не говоря уже о горах бумаг, накопившихся здесь с течением времени – имело свои причины. *Отец предпочитает держать доклады в руках.*

Два тихо гудящих компьютерных терминала завершали интерьер рабочего места. На заднем плане можно было услышать негромкую классическую музыку, которая должна была обеспечить приятный климат во время работы.

Никакой торопливости, никакой спешки. Только не мой отец.

– Я постою, сэр.

– Как пожелаешь, – генерал повернулся к мониторам и один за другим отключил их. Успокаивающее гуденье умолкло, словно музыкант оторвал губы от своей флейты – механические инструменты, которые, казалось, лишь ждут того момента, когда их хозяин вновь включится в концерт.

– Похоже, в последнее время ты был сильно занят.

– Я в самом деле думал, что могу помочь, – Андрей мигнул. Это звучало смехотворно. Он столько времени потратил на то, чтобы подобрать какие-то оправдания, а теперь вот не смог выдавить из себя ничего лучшего. Андрей уставился прямо перед собой – он не мог глядеть генералу в глаза.

– Я знаю.

Андрей почувствовал, что генерал хотел ещё что-то добавить. Так, словно бы последнее слово фразы он проглотил. *Сынок?* Он сжался.

Он – мой отец.

Но только не сейчас. Это не семейный разговор. Сейчас в кабинете присутствуют только генерал и лейтенант, превысивший свои полномочия.

– К сожалению, это ничего не меняет в происходящем. Ситуация от этого не изменилась.

Озабоченное пожатие плеч едва не заставило Андрея оторвать глаза от стены за спиной у генерала, но он пересилил этот импульс. Достаточно тяжело было заставить себя просто прийти сюда. Андрей не был уверен в том, что его ожидало. Он не смог бы вынести встречу с обвиняющим взглядом или, ещё хуже, увидеть разочарование в отцовских глазах.

– Что происходит?

– Ничего слишком уж драматичного, насколько я могу судить, – можно было услышать тихий шелест бумаги, когда генерал стал рыться в распечатках. Он взял в руки несколько докладов. – После *встречи* адмирал Николлс предпринял несколько структурных перемен. Офицеры на некоторое время были переведены на половинный рацион, чтобы немного уменьшить проблемы гражданских на борту его корабля.

Андрей инстинктом понимал, что именно думает его отец о встрече. Он сам был такого же мнения. Это собрание было ничем иным, как инсценировкой, призванной оказать поддержку планам адмирала. *Но восстание?* Этого попросту не могло быть.

– Почему, сэр?

– Почему? Хм, и в самом деле – почему бы? «Действительность есть продукт избирательно-го восприятия».

Мысленно Андрей попытался молниеносно пролистать список любимых цитат своего отца. Это не дало никаких результатов. Как он это ненавидел – вот Николай, казалось, помнил все эти знаменитые изречения наизусть. Как Андрей ни старался, этой фразы он вспомнить не мог. Так что ему ничего не оставалось, как и далее буравить взглядом дыры в стене каюты и готовиться к неминуемым поучениям.

– Впрочем, в данном случае я не верю в то, что адмирал работает на свой страх и риск. Он встретился с несколькими другими командирами и я подозреваю, что они – из тех капитанов, что дергают за ниточки. Один из них координирует весь спектакль.

Удивленный отсутствием мягкого укора в отношении своего знания истории, Андрей взглянул на генерала. Тот, однако, как раз углубился в очередной доклад. Андрей прокашлялся, неуверенный – раздумывал ли генерал вслух или ожидал от него ответа.

– Но, сэр, – начал он осторожно. Он вознамерился, несмотря на те манипуляции, которым его подверг адмирал, выложить отцу проблемы людей на кораблях. До какого-то определенно-го момента он даже понимал гражданских. Он видел, как они живут в труднейших условиях, мог частично понять их раздражение. Андрей снова устался в стенку за генеральской спиной. Общение с ней казалось ему более простым делом.

– Я был там, сэр. Я видел условия, в которых они существуют. Их опасения оправданы.

– Конечно же, оправданы.

– Что? – И снова Андрей не выдержал и посмотрел на генерала.

– Ясное дело, оправданы, – генерал медленно провел рукой по униформе, одновременно с осторожностью возвращая доклад обратно на стол. Он откинулся в кресле.

– У них у всех – куча проблем, – продолжил он и указал на ворох бумаг на столешнице. – «Гермес» – не единичный случай. Все корабли борются с проблемами. Мы стараемся свершить то, что до нас никто даже не пытался сделать. И похоже, наше сообщество проявляет признаки развала.

Генерал покачал головой и взял новый лист бумаги.

– «Ностальгия» докладывает о забастовке некоторых техников. Они недовольны бесконечными сверхурочными, которые им приходится отрабатывать, чтобы удержать на ходу систему жизнеобеспечения.

И снова – очередной лист.

– «Рыцарский герб» сообщает, что многие гражданские отлынивают от обучения – а также о том, что там отмечено необычно большое количество самоубийств.

Этот листок ещё не до конца улегся на стол, а генерал уже схватил следующий.

– «Джеймстаун Вояджер» вынужден бороться с граффити и проявлениями вандализма. Они докладывают даже о случае явного саботажа.

Генерал поднял глаза на Андрея.

– Иногда мне кажется, что мы будем вот так вот носиться в пустоте ещё тысячи лет.

Отчаяние Андрея возрастало с каждым новым сообщением. Он сообразил, что, учитывая высоту бумажных завалов на столе, ему привелось увидеть лишь верхушку айсберга. В одно мгновение он представил себе количество проблем, которое на них свалилось. Впервые он почувствовал неимоверно тяжкий груз шести миллионов судеб, давивший на этот кабинет. На генерала.

На моего отца.

Их взгляды встретились и генерал задумчиво кивнул.

– Теперь ты начал это понимать, Андрей. Всё, что только может, все больше и больше выходит из колеи. И я не знаю, что мне с этим со всем делать.

Андрей потерял дар речи. Он мешком свалился на предложенный ему стул – хуже, пожалуй, и быть не могло. В конце концов он смог выговорить:

– Если все так плохо, почему ты им ничего не сказал?

– А что я им должен был сказать? – ответил его отец – *вот теперь опять его отец* – после того, как они ненадолго отставили в сторону разницу в воинских званиях. – Что корабли на ладан дышат? Что нам, тем не менее, все равно придется ещё много месяцев провести в космосе? Что сумасшествие и самоубийства настигают все большее количество жертв? Что весь флот стоит на грани развала?

– Нет, – Андрей потряс головой в попытке отыскать выход. *Хоть какой-нибудь выход.* Он знал – его отец был провидцем, каким ему никогда не стать. *Если мой отец не видит выхода, как я могу знать, что делать дальше?*

– Нет. В самом деле нет.

– А что, если... – начал Андрей. Он не имел ни малейшего понятия, как завершить фразу, наклонился вперед и оперся о столешницу. Прикосновение простой гладкой поверхности могло ему не показать, что за буря бушевала у него внутри.

– Что? Мне следовало всем рассказать, как все замечательно у нас идет? «Чем хуже врежешься, тем крепче станешь»?

– Николас Камерон, – выпалил Андрей, как из пистолета, словно его разум ждал лишь возможности отыгаться за недавний конфуз.

На лице генерала отразилась усталая, но довольная улыбка.

– В истории Звёздной Лиги ты всегда отличался замечательной успеваемостью. Только...

– Только в русской истории я не силен, я знаю, – неловкая пауза возникла прежде, чем Андрей заговорил вновь. Ему казалось, что он должен подождать, пока не развеется дым. Словно ему надо было дать время, чтобы неприятное ощущение от неудобной темы рассосалось. – Но что ты можешь ещё предпринять?

– То, что в моих силах. Одна из причин, почему мы начали ротацию персонала и затеяли курсы обучения для гражданских – это необходимость дать понять каждому – особенно гражданским – что у любого корабля есть свои проблемы. Мы хотели дать людям чувство общности, которое позволило бы нам выдержать все это.

– А что же насчет боевых судов? Люди на «Гордости Маккенны» живут гораздо лучше, чем на том же «Гермесе».

– Я знаю, сынок. Я последовал советам некоторых офицеров, которые полагают, что генерал должен всегда находиться несколько выше тех, кем командует. Что нужно выглядеть вождем, чтобы быть им. В этот имидж входит и необходимость держать на флагмане чуть поменьше гражданского населения.

Отец медленно покачивал головой из стороны в сторону, словно сожалел об этом решении, каким бы оно ни было необходимым.

– Русский мужик всегда задним умом силен. Я приказал с первого августа изменить тот порядок, который существовал до сих пор.

В помещении разлилась тишина, пронизанная ощущением предстоящих решений и их возможных последствий. Судьбы миллионов людей висели над ними, как дамоклов меч. Больше всего Андрею хотелось бросить всё на самотёк, но он понимал, что выбора у него нет.

– И что же с этой встречей, на которой я побывал?

– Этого я не знаю, сынок.

Андрей все время старался прочесть хоть что-то в глазах своего отца. На этот раз он физически ощутил недосказанность:

– Боюсь, папа, что я не могу тебе поверить.

Лицо его отца сначала выразило возмущение, одно мгновение на нем отражался гнев, но сразу же появилась кривая улыбка.

– Мне кажется, время от времени даже мои сыновья в состоянии видеть меня насквозь.

– Правду, папа.

– Правду... что ты под этим понимаешь?

Вот такой у меня отец. Всегда близок к людям. Даже если дело заходит так далеко, как сейчас. Андрей задумался о встрече и о бесчисленных вопросах без ответов, которые вились с тех пор в его голове. Он попытался оценить размах тех личных донесений, что лежали на столе. С преподанной его отцом систематичностью он начал сортировать в уме новые сведения, полученные сегодня. Перед его внутренним взором развернулись несколько сценариев возможного развития событий. И он вынужден был признать сам себе, что в большинстве вариантов конечный итог всего был до боли легко предсказуем.

Восстание.

– Катализ.

– Да, Андрей. Мне очень жаль, но твое выступление, скорее всего, послужило катализатором восстания, – больше в глазах отца не было ничего недосказанного.

Однако слова приносили боль сильнее, чем любое разочарование, которого до сих пор опасался Андрей.

6

«Гордость Маккенны», линкор класса «Маккенна»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

19 июля 2785 года

– Что ты здесь делаешь? – спросил Андрей и заполошенно приподнялся с койки. Он потряс

головой, так что в глазах ненадолго потемнело, а шея заболела. Он чувствовал себя неважно и хватал ртом воздух. У дверей кто-то задвигался и послышался тот же голос, который секунду назад разбудил его.

Дежурный свет коридорных ламп представлял силуэт Николая разрезанным на несколько частей. Глубокие тени, протянувшиеся по профилю брата, напоминали Андрею чёрную дыру. Он снова встряхнулся и проснулся окончательно. К сожалению, тёмное предчувствие, мучившее его во сне, не исчезло.

– Отец хочет тебя видеть, – сказал Николай.

Наша первая встреча за месяц, и это всё, что он мне может сказать?

– Сейчас, в такое время? – Андрей оборвал движение, которым инстинктивно отреагировал на заявление Николая, и повернулся к своему брату. – Мы что, только что прыгнули?

– Да.

– Но мы же совершили прыжок всего лишь восемь часов назад! Почему мы оторвались от флота?

Чёрная фигура у дверей покачала головой. Объяснений можно было не дожидаться. *Не здесь.*

В кратчайший срок Андрей привёл себя в порядок. Наперекор строжайшему запрету, Николай перенёс вес тела на пятки, чтобы оторвать магнитные подошвы от пола, и оттолкнулся. «Это срочно» – вот и всё, что смог услышать Андрей, когда Николай ракетой понесся по коридору. Андрей немедленно последовал за ним и оба с головокружительной скоростью помчались по переходам. Слава Богу, ни на кого не наткнулись.

Неожиданно для Андрея, Николай проскочил мимо служебного кабинета их отца. Вместо этого они завернули в центральный коридор, который вёл в направлении мостика. Наконец, Николай прервал их полет и прилепился магнитными подошвами к полу. Братья вступили на мостик.

Андрей немедленно обратил внимание, что здесь происходило что-то весьма серьёзное. Суетливая деятельность наполняла пространство гудением. Такой активности мостик не переживал со времени их первого старта с Нового Самарканда девять месяцев назад. Офицеры штаба сновали между стоящими у терминалов техниками и голотанком, где генерал, похоже, изучал звёздную карту. Многочисленные электронные экраны буквально извергали фонтаны информации.

Николай и Андрей двинулись к центру мостика, маневрируя в этом людском водовороте и избегая генеральских ординарцев. Они приблизились к голотанку, у которого commodор Ильсон как раз делал доклад генералу.

– Мне было бы достаточно ста часов. Другие командиры тоже докладывают, что сотни часов им хватит.

– У вас есть семьдесят, – ответил генерал командирским тоном, с тем неуловимым нюансом голоса, которого Андрей давненько уже у него не слышал. *Первые признаки распада – так же, как и на всем флоте.* Сейчас перед ними стоял главнокомандующий СОЗЛ – человек, нанеший сокрушительное поражение Республике Пограничных Миров, человек, который вел корабль за кораблем, волну за волной сквозь тысячи смертей, в атаку на Терру. *Все, как встарь.*

Коммодор Ильсон скорчил гримасу, словно получив пощечину, однако без лишних слов отдал честь и отступил назад.

– Сэр, – обратился Николай к генералу и идеальным движением вскинул руку в салюте. Андрей поспешил последовать его примеру, пролаял приветствие и застыл по стойке «смирно». Оба молодых человека прождали несколько бесконечных минут, пока погруженный в свои мысли генерал глядел на голокарту.

Краем глаза Андрей смог заметить и узнать некоторые части карты. На ней был четко отмечен курс, которым следовала армада Исхода сквозь Периферию с того момента, как она оставила позади Синдикат Драконов. Чтобы облегчить навигацию, карта была расчерчена слабо светящимися пунктирами сети астрографических координат. Несколько линий возможных

прыжковых маршрутов были раскрашены в разные цвета. Они выглядели бессистемными, а их исходный пункт лежал далеко в стороне от флота. Внимание Андрея привлекла мигающая курсорная точка, расположенная в двух прыжках от нынешнего положения армады.

За нами кто-то следует? Маловероятно. Что тут, в таком случае, творится?

– Лейтенант Керенский, подойдите сюда, пожалуйста, – сказал генерал. *Я уж и не припомню, когда он меня в последний раз называл по званию и фамилии.* Андрей немедленно сделал шаг вперед. Нехорошее предчувствие усилилось.

– Что вы видите?

Чтобы убедиться, что он ничего не упустил, Андрей ещё раз оглядел голографическое изображение.

– Маршрут, который мы прошли до сегодняшнего дня.

– И?

– Что-то находится в двух прыжках от нашей нынешней позиции. Нас преследуют?

– Нет.

Трудно поверить, какой упрек может скрываться в таком коротком слове. Нажим в генеральском голосе. *Поспешность, с которой Николай меня поднял и доставил сюда. Я уж не говорю о внеплановом прыжке.*

Обычно система жизнеобеспечения заботилась о том, чтобы на борту корабля никому не приходилось потеть: здесь всегда царила одинаковая приятная прохлада. Но несмотря на контролируемые климатические условия, на лице Андрея можно было заметить первые признаки беспокойства: тонкая полоска пота покрыла его верхнюю губу.

– Катализ, – бесцветным тоном произнес генерал.

Этот ответ выстрелил в Андрея, словно рыболовный крючок в летучую рыбу – крючок, снабженный маленькими металлическими зазубринами, вцепившимися в его тело. Это слово вытащило на поверхность его худшие опасения, безжалостно ткнуло его носом в факты. В глубинах своего сознания он всё это осознавал, боялся – и все равно не хотел верить. Слишком свеж ещё был рубец от раны.

Андрей сглотнул. Ничего не произошло. Он сглотнул ещё раз, отчаянно стараясь освободить перехваченное горло.

– Началось?

– Да.

– Насколько худо?

– Достаточно плохо. Не так плохо, как я сперва ожидал, но достаточно плохо.

Андрей снова внимательно взглянул на карту, ещё раз изучил различные проекции.

– Они дважды прыгнули вдоль нашего курса в обратную сторону. В тот момент, когда армада делала очередной прыжок.

– Верно, – от взгляда генерала у Андрея кровь застыла в жилах.

– Но откуда нам знать, в какую сторону они прыгнули? – ответил он. Воспользовавшись возможностью, он отвел глаза от стального взгляда генерала, вновь обернувшись к карте. – Как мы узнаем, где они сейчас находятся, если они прыгнули *прочь от нас*? – Генерал явно не собирался отвечать. Андрей лихорадочно соображал. – Сообщение?

Генерал покачал головой.

– Мы послали на «Гермес» агента с одним из четырёх «чёрных ящиков», которые у нас имелись. До сих пор от него ничего не поступало.

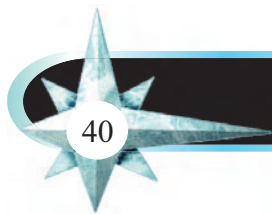
– Но как тогда?

Лицо генерала оставалось невыразительным.

– Именно это вы и должны мне сказать, лейтенант.

Андрей тяжело сглотнул. Он заметил, как пот, покрывший тем временем и его лоб, потерял сцепление с его кожей и готов был вот-вот поддаться микрогравитации. В растерянности он выпалил первую же мысль, которая пришла к нему в голову – просто, чтобы показать, что он старается думать:

- Мы использовали наши литиевые термоядерные батареи.
- Правильно. Так же, как и они. «Гермес», «Принц Евгений» и ещё семь кораблей.
- Адмирал Воток, – немедленно заключил Андрей. Ему показалось, что напускное безразличие генерала на мгновение дало трещину.
- Да. Хитрая скотина. Он выбрал только те суда, у которых есть литиевые батареи. Это дало ему два прыжка преимущества, а мы сами при этом тоже удалились от него на прыжок.
- Он старался как можно больше увеличить расстояние между нами и собой – на тот случай, если мы прыгнем за ним.
- Точно.
- Андрей собрался с силами и глянул генералу в лицо.
- Но сэр, почему бы нам не дать им попросту уйти?
- Потому что ты идио... – Николай оказался прерван прежде, чем смог договорить до конца. Молниеносно поднятый указательный палец генерала заставил брата Андрея вновь застыть по стойке «смирно», как соляной столб.
- Потому что они имеют весьма неплохое представление о том, куда движется армада. Может быть, это продлится ещё довольно долго, однако в недалеком будущем кто-нибудь из лордов Великих Домов обязательно предпримет попытку последовать за нами.
- Плечи генерала опустились и он отвел от Андрея глаза.
- Так он делает только, если... Он что-то от меня скрывает.* Хотя аргумент этот и был довольно весомым, однако, принимая во внимание состояние боевой тревоги, объявленное на линкоре, оно должно было быть обосновано ещё чем-то. *Зарядить двигатель за семьдесят часов! Это же чистейшее безумие!*
- Андрей вновь попытался привести в порядок мечущиеся мысли. Он судорожно попытался осознать все, что генерал хотя и имел в виду, но не высказал вслух. Ему вспомнилось посещение генеральского кабинета и огромная куча донесений, сообщавших о тяжелейших проблемах. *Заключительная дискуссия о судьбе армады Исхода, которая грозит развалиться.* Андрей видел несколько вариантов развития, которые лежали в пределах возможного, учитывая доступный ему массив информации. Внезапно в его мыслях всплыло воспоминание о том моменте, когда генерал в последний раз так же старался избежать его взгляда.
- Путч Амариса. Республика Пограничных Миров. Это происходит всегда, когда он делает что-то, что ему страшно не по душе – и всё равно, у него нет иного выхода. Ради высшего блага и в осознании тех ирамов, которые получает его душа, когда он принимает ответственность за страшные последствия на себя, чтобы множеству других людей стало лучше.*
- Андрей не мог найти подходящих слов, однако был шокирован при виде такой жертвы. Шокирован своим отцом. И своим братом, в котором распознал такое же чувство, такое же стремление, пусть и в иной, отчужденной до неузнаваемости, форме. Сам Андрей на подобные жертвы готов не был. Его лицо горело стыдом.
- Он шумно выдохнул и вдруг понял.
- Вы начали преследование, – медленно заговорил он, – и это и есть повод к тому, что вы совершили немедленный прыжок вместе с боевым отрядом.
- Точно так. – теперь, в этом почти шепчущем ответе, боль была слышна совершенно отчетливо.
- Если вы этого не станете делать, – продолжил Андрей и попытался упорядочить хаос мыслей в своей голове в хотя бы примерно логичную последовательность, – остатки флота развалятся. Все будут думать, что бунт останется без последствий, потому что вы ничего не предприняли. В надежде, что во Внутренней Сфере они всё-таки будут чувствовать себя в большей безопасности, многие станут поворачивать один за другим. И каждый раз они будут проглочены. Какой Дом успеет первым получить такую возможность, тот и дорвется до них, использует их и, может быть, даже уничтожит.
- Генерал вновь перевел взгляд на Андрея. В воспаленных глазах блестела искра удовлетворения.

– Так и есть. Чтобы спасти флот, я должен уничтожить бунтовщиков.

– Но как? Я имею в виду – откуда нам знать, что адмирал немедленно повернул назад во Внутреннюю Сферу?

Андрей склонился вперед. Его рука, словно призрак, задвигалась внутри голограммы.

– Хмм... Наш путь не назовешь самым прямым, – продолжил он задумчиво. Его палец следовал теперь извилистой линии, которая удалялась, виляя то в направлении, то против часовой стрелки, от Синдиката Драконов. Вскорости она все-таки избрала исключительно направление по часовой стрелке, и изгибалась все дальше, пока не вышла на новый виток. Андрей для сравнения оглянулся на обозначенное место пребывания бунтовщиков и провел пальцем прямую линию до ближайшей планеты Куриты – Гревенхейдж.

– Этот путь – явно самый короткий, – сказал генерал. Его лицо смягчилось, когда он напряженно следил за тем, как Андрей пытается поставить себя в положение адмирала. Генерал, казалось, чувствовал, что его сын старается его не подвести.

– Слишком явно. Он знает это. Он знает, что вы это тоже знаете.

– Это можно предположить, – ответил генерал.

Андрей сконцентрировался, но ему не удалось разрубить этот гордиев узел. Он тихонько покачал головой и мельчайшие капельки пота разлетелись по сторонам. Они влетели по воздуху в голограмму, коротко вспыхнули, словно маленькие звёздочки, и исчезли.

– Я... – начал Андрей, но просто не смог больше ничего сказать. Он пристыженно опустил глаза.

– Мы достанем их здесь, – сказал генерал и указал на точку, лежащую гораздо ниже границы Синдиката. Система находилась примерно на полпути между планетой Гревенхейдж и тем местом, где армада покинула Синдикат так много месяцев тому назад. Граница Синдиката хотя и находилась на расстоянии всего нескольких прыжков, но сам сектор лежал глубоко в пространстве Периферии.

– Я не понимаю, – на этот раз Андрей заставил себя закончить фразу.

– Адмирал Воток слишком нетерпелив. Он всегда был таким. На Аполло, на Терре... Он и сейчас станет проявлять нетерпение. Может быть, он знает, что я буду это предполагать. Тогда он продвинется ещё на пару двойных прыжков по курсу, обратному курсу Исхода. Но долго он не сможет идти этим путем, потому что мы сможем его тогда догнать. Так что в скором времени он должен будет отправиться прямо во Внутреннюю Сферу.

– Но как мы *сможем* в таком случае его догнать? – Андрей запутался.

– Мы прыгнули обратно в эту систему, потому что её солнце обладает интенсивным излучением и позволяет сократить время подзарядки аккумуляторов, – генерал изменил несколько установок в голотанке и в нём появилась линия, которую Андрей смог увидеть издалека. Она пролегла вкривь и вкось, как будто кто-то впервые упражнялся в прыжковой навигации, не будучи знаком с программным обеспечением.

У Андрея словно спали шоры с глаз.

– Звёздные системы с жёстким излучением.

– Именно. Из-за того, что мы проходим почти вдвое больше систем, чем Воток, нам приходится производить бесконечные расчеты. Но я доверяю нашему астрокартографическому отделению. Мы выйдем против него. Именно здесь.

– Откуда вы можете это так точно знать? Как вы можете быть столь уверены? – спросил Андрей и поднял взгляд, чтобы заглянуть своему отцу в глаза.

– Я просто знаю, – уверенность в словах генерала могла сдвинуть с места целые миры. Он сбрасывал с тронов страшнейших тиранов, уничтожая их империи. Андрей сам себе казался в этот момент маленьким ребёнком – лицом к лицу с величайшим полководцем, каких только видела когда-нибудь Внутренняя Сфера. Благоговение перед великим генералом затмило взор Андрея – больше он не мог обнаружить ни малейшего сходства между собой и своим отцом.

Что-то изменилось в глазах генерала, они стали холодными и жёсткими. Он немного отвёл взгляд от Андрея. *Вот. Опять этот момент. Он должен что-то совершить, даже если этого*

совсем не желает. Андрей на мгновение усомнился, зачем он вообще здесь стоит, и его охватило темное предчувствие.

– И вы, лейтенант Керенский, сможете из первых рук ознакомиться с последствиями ваших решений. Вы примете участие в охоте на бунтовщиков.

– И в их казни, – без всякой необходимости добавил Николай.

7

«Гордость Одессы», штурмовой абордажный бот NL-12

На подступах к флотскому соединению бунтовщиков

Глубокая Периферия

28 сентября 2785 года

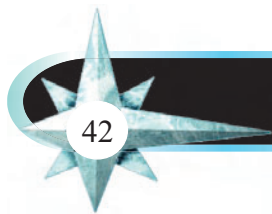
Посадочный корабль класса «Ахиллес» швырнуло взрывом, словно кусок сырого мяса. Чудовищный энергетический выброс нескольких ППЧ – бортовых орудий огромных боевых кораблей, ввязавшихся в сражение – вновь потряс судно. Метровой толщины лучи пробili броню, электронное оборудование, людей так, что во все стороны полетели клочья. Посадочный корабль содрогнулся ещё раз, словно гибнущее живое существо, и взорвался в облаке огня и осколков. Ещё одна искореженная развалина начала свой долгий путь сквозь ледяную пустоту.

– Ещё тридцать секунд! – проревел шкипер. Дикое напряжение сказывалось даже на его нейрокостюме.

Андрей сидел прямо за командующим отделением капитаном. Офицер сразу заявил ему, что прибьет его на месте, если только тот натворит глупостей – он знал, что молодой лейтенант оказался здесь, чтобы понести ответственность за свой проступок. Капитан служил ещё со времен освобождения Терры. Здесь и сейчас Андрей внезапно осознал разницу между его отношением к происходящему и отношением его командира. *Для него те, с другой стороны – люди Амариса. Чистая ненависть.*

Все солдаты, принимавшие активное участие в битве за Терру, обладали этим качеством. По отношению к молодым кадетам они вели себя, соответственно, недоверчиво.

Андрей попытался не таращиться постоянно в маленький иллюминатор, который заметил над плечом пилота. Бурлящая чернота космоса время от времени освещалась адским огнем, когда несколько военных судов, могучих боевых систем Звёздной Лиги, обрушивали друг на друга свою страшную разрушительную мощь. Полдюжины остовов посадочных кораблей, среди которых «Ахиллес» был всего лишь последней по времени жертвой, бесцельно плавали в пустоте. Бот на полной тяге прорывался сквозь обломки, которые почти слились в огромное метеоритное поле. *Если мы застрянем между парой этих штук – нам конец.* Вслед за полем впереди появилась титаническая, внушающая неподдельный страх тень. *Словно огромный ка-*

шалот, охотящийся в глубинах. Орудия корабля вели непрерывный огонь по другим судам, которые пытались приблизиться к нему с флангов.

Секунды уносились одна за другой и Андрей представлял себе песчинки размером с астероиды, протекающие сквозь отверстие в песочных часах величиной с планету. Начиналась критическая фаза сближения, когда бот постоянно уворачивался и летел зигзагами. Каждое движение, каждая смена курса были опасны и могли означать верную смерть, если бы они оказались хотя бы поблизости от траектории залпа одного из больших орудий боевого корабля. В счёт шла каждая секунда. Вопреки психической нагрузке, которую явно испытывал пилот, он показал себя настоящим мастером: его внимательные руки вывели, наконец, машину на позицию буквально в паре метров параллельно борту «Принца Евгения». С грохотом, заставившим корпус бота содрогнуться, электромагнитные абордажные крючья метнулись в сторону линкора класса «Техас». Андрей, поначалу принявший этот звук за попадание в их скорлупку, едва не подпрыгнул с сиденья.

Он пристыженно оглянулся, осознавая, что остальные сорок восемь космических гвардейцев вокруг него все равно не могут видеть его лица через поляризованные лицевые щитки своих находящихся под давлением боевых костюмов – так же, как он не видел лиц окружающих. Завывание электролебедок, подтягивающих бот к борту корабля, заставило Андрея снова вскинуться. *Как будто того, что было до сих пор, недостаточно.*

– О'кей, ребята, – прозвучал в шлемофонах голос майора Элизабет Хазен. Он был холоден и полнился привычными командными интонациями. Андрей знал: то, что она сейчас скажет, услышат все на борту – так же, как и остальные мужчины и женщины в других штурмовых ботах, которые принимали участие в этой попытке абордажа. – Не забывайте: генерал полагается на нас. Он уверен, что мы тут надерем задницы кому надо. Наше дело – оторвать голову, а остальное само рухнет.

Несмотря на то, что ни один из слушателей не мог видеть лица майора, она поворачивала голову направо и налево, словно ища взгляда каждого гвардейца каждого из трех отделений абордажной команды.

– Не думайте о них, как о бывших товарищах. Когда они не подчинились прямому приказу генерала, они сами выкинули на помойку все свои права. Они оборвали и повыбрасывали свои знаки различия. Амарис был, как ни крути, чужаком. Эти подонки – предатели из наших собственных рядов.

Андрей заметил, как некоторые солдаты качали головами, когда Хазен упомянула узурпатора Амариса.

Предатели. Невзирая на долгое товарищество. На столько часов, проведенных друг с другом. На всё, что пережили вместе. Слова майора его глубоко заделали.

Затем они и были сказаны.

Бот вновь содрогнулся, врезавшись кормой в феррокарбидную броню «Принца Евгения». Они находились примерно в пятидесяти метрах ниже стыковочных узлов посадочных кораблей, всего лишь в паре сотен метров от мостика. Майор Хазен любила ясность. Она дала сигнал приготовиться.

Андрей хотел покрепче ухватиться за штурмовую винтовку Маузера, но толстые перчатки явно не облегчали ему эту задачу. Он вспомнил, как в детстве надел однажды перчатки своего отца – ощущение было довольно схожим.

Он принял боевую стойку и почти физически почувствовал звенящую энергию, соединившую солдат – *секунды до боя.*

На полпути между машинным отделением и позицией Андрея открылся люк. В доли секунды в него нырнули первые космогвардейцы. Словно пауки, они пробежали по полу и стенам – впечатляющее представление, за которым стояли годы тренировок и опыта, приобретенного в бесчисленных боях в условиях микрогравитации. Прежде, чем Андрей успел вздохнуть во второй раз, солдаты вернулись, люк с грохотом закрылся и все попрытались. Андрей поспешил последовать их примеру.

Бот подскочил, словно с корабля по нему выстрелили из бортового орудия Гаусса – это взорвались установленные гвардейцами заряды, пробив дыру в борту «Принца Евгения» – словно броневое покрытие не существовало вовсе. Хотя бот в результате толчка, вызванного ударной волной, отвалил на небольшое расстояние от корабля, пилоту удалось привести его обратно, используя маневровые движки.

– За Призраков Чёрной Стражи! – личный боевой клич майора Хазен прозвучал в коммуникаторах неестественно сухо, однако не потерял ни капли своего воздействия. Солдаты под её командованием буквально из кожи вон лезли, чтобы соответствовать её высоким требованиям.

Дальнейшее выглядело так, словно кто-то спустил с поводков свору бойцовых псов. Как только открылся люк, гвардейцы рванулись со всех сторон в пробитую брешь. Эта свора, казалось, была полностью поглощена охотничьей горячкой: она покатила вперед, чтобы обрушиться на противника, подобно рою рассерженных ос-убийц.

По приказу майора, Андрей вступил на борт вражеского корабля последним. Дым и осколки от взрыва, проложившего путь космогвардейцам, все ещё вырывались наружу – результат взрывной декомпрессии. Когда Андрей прошел сквозь взорванный люк, ему показалось, что он нырнул в какую-то гротескно распахнутую пасть, полную металлических зубов, которые в мигающем свете аварийных ламп пугающе двигались. На той стороне двое солдат немедленно начали драпировать пробоину за спиной Андрея металлополимерным листом. Короткими ударами кулаков они разбили несколько небольших капсул, вшитых в поверхность заплат. Химикалии с громкими хлопками перемешались, края заплат раскалились и прикипели к борту корабля.

Такая штука – на вес золота. Как только они получают контроль над атмосферой этого отсека, здесь можно будет снова повысить давление и проникнуть в соседние секции.

Андрей прикусил язык, едва не наткнувшись на одного из членов команды «Принца Евгения». Бескровное, искаженное лицо, казалось, захлебнулось криком в момент смерти. Мужчина был пробит насквозь стальной балкой толщиной в руку. Металлический снаряд был брошен взрывной волной с такой силой, что долетел до люка, расположенного позади матроса. *Наколот, как насекомое.* Андрею едва удалось подавить тошноту, накатившуюся на него при виде этого ужасного зрелища. Он видел мертвых и раньше. Даже многих. Но когда человек умирает такой смертью...

Это я во всём виноват.

Андрей представил себе, что стальная балка пробила его самого. Его внутренности запылали и он почувствовал, как кислота из желудка поднимается к горлу, угрожая застрять на полпути. Ему пришлось несколько раз с отвращением сглотнуть.

После того, как секция была очищена, команда разделилась на отделения, чтобы солдаты могли прикрывать друг друга во время дальнейшего передвижения. Хазен решила придерживаться стандартного abordажного маневра в условиях микрогравитации. В авангарде группы вперед двигались четверо бойцов – один по полу, один по потолку, двое по стенам. С кошачьей грацией отделениями по семеро солдаты продвигались все дальше, держа оружие наизготовку и поводя стволами по сторонам. Бежали пригнувшись, чтобы не представлять собой слишком крупной цели для возможного противника.

Андрей почувствовал себя, словно забытый рюкзак, когда двинулся за основной группой. Его разум лихорадочно пытался обработать налетающие друг на друга события последних часов. Он все ещё не мог поверить, что бунтовщики появились именно там, где предсказал генерал. Чтобы добраться до этой системы, ренегаты совершили двойной прыжок, так что адмирал Воток лишился возможности сбежать. Когда генерал предложил ему капитулировать, Воток высокомерно отказался и объявил на своих кораблях боевую тревогу.

Это вынудило нас напасть и привело к этой жуткой битве. И я виноват и в этом тоже.

Сердце Андрея на мгновение остановилось, когда его неожиданно вырвала из задумчивости изумрудная вспышка. Он немедленно бросился плашмя на пол и выставил перед собой винтовку, которая грозила выпасть из трясущихся рук. Его указательный палец дёрнул за спус-

ковой крючок, словно обзавелся собственной волей. Андрей отчаянно вскрикнул, когда оружие выдало очередь световых импульсов – в направлении выстрела находилось несколько его соратников.

– Что, чёрт возьми... – услышал он рядом с собой чей-то вопль. Андрей мог поклясться, что услышал бы эти слова и без радиосвязи, прямо через боевой костюм. Рука, казалось, размером с руку боевого меха, появилась в поле его зрения и вырвала у него штурмовую винтовку. Шлем Андрея потряс удар винтовочным прикладом – так что его голова дернулась и больно ударилась о пол.

– Идиот проклятый! *Ещё раз* такое сделаешь – и я тебя по уши в землю вобью, генеральский ты сынуля или нет! После того, что ты тут устроил, он, наверное, даже не рассердится!

В отчаянии Андрей взглянул вверх и облегченно выдохнул: импульсная винтовка не попала в людей, так что пострадали только стены.

– Вы будете следовать точно за мной и если вы сделаете хоть одно неверное движение, я вас пристрелю! Вы меня поняли, лейтенант?! – редко Андрей видел унтер-офицера, который бы так орал на солдата, пусть и другого рода войск.

– Та... так точно, сэр! – Андрей почувствовал под шлемом странный запах. Он провел языком по губам и ощутил кровь. *Я надеюсь, это не намек на то, что нам предстоит.*

Почти в трансе, следовал Андрей за коричневыми плечами идущего перед ним человека. Он видел вспышки световых гранат. Запах горелого витал в воздухе и каким-то образом проникал сквозь фильтры его шлема. Короткие периоды затишья между неожиданными фейерверками винтовочного огня приносили своеобразное ощущение постоянного напряжения. Ответный огонь из игольных винтовок накрыл солдат авангарда, разрывая плоть, однако не смог остановить атаку. Крики. Никогда ещё Андрей не оказывался так близко от людей, гибнущих насильственной смертью. *Так рядом. Так лично.*

– Вторая рота, вы на позиции? – послышался в шлемофоне голос майора Хазен, прерывая болтовню и проклятия на общем канале. Спокойный голос командира подействовал, словно прохладный бальзам, на кипящие в Андрее стыд и страх.

– Так точно, командир. В нашем секторе всё чисто.

– Третья рота?

– Мы почти на месте. Не похоже, чтобы «Принц Евгений» завалился на бок и вытянул все четыре лапы. Сейчас мы возьмём плетку и покажем им, кто в доме хозяин.

В ответ на канале раздался сухой смех майора – у Андрея встали дыбом волосы на загривке. *Как цинично...*

Андрей увидел гвардейца, вставшего на колени у ног майора и возившегося с технической панелью на стене. Последние две минуты он был занят тем, что пытался получить доступ к коммуникационной системе корабля. Теперь он отправил сигнал собственным судам, которые в этот момент бились против «Принца Евгения». По этому сигналу корабли открыли бешеный огонь, стараясь полностью занять команду бунтовщиков на мостике. Таким образом, абордажная группа получала шанс одним ударом занять командный отсек.

– Вперед, *Призраки!*

Проявляя чудеса координации, три роты атаковали мостик. Сама майор вела их с железной целеустремленностью в самое сердце вражеского корабля. Перестрелки были короткими и жестокими, то и дело возникающие очаги сопротивления оказывались немедленно подавлены. Под командованием Хазен гвардейцы продвигались к цели со смертельной эффективностью.

Андрей не мог не восхититься командным стилем майора. Он, кажется, понял, что ощущал Амарис, когда «Призраки Чёрной Стражи» под началом Хазен во время захвата Терры опустошали Олимпийский полуостров. На протяжении всей операции войска Амариса несли тяжёлые потери, но в районе Восточного Средиземноморья количество погибших захватывало дух. *Такая отдача... Николай бы приветствовал столь фантастическую преданность – ему бы эта женщина понравилась.*

Когда они в последний раз завернули за угол, его самозванный ангел-хранитель закрыл ему

передний обзор, где находился в конце коридора мостик. Везде лежали мёртвые солдаты. Чуть дальше всё ещё продолжалась активная перестрелка. Мужчины и женщины в этом последнем очаге сопротивления безуспешно пытались отбить атаку гвардейцев.

По щекам Андрея катились слёзы, он едва мог воспринимать кровавую действительность вокруг. Он медленно шёл вперед, а его взгляд то и дело натывался на мёртвые тела на полу. Из команды майора Хазен здесь лежала едва ли не целая рота – убитые и умирающие. Андрей знал, что они всё равно возьмут мостик.

Только вот какой ценой?

Прошло ещё почти что десять минут, пока команда «Принца Евгения» не осознала неизбежность поражения и не перестала сопротивляться.

– Не стреляйте! – прокричал чей-то голос, которого Андрей не узнал. Он испуганно сжался, однако секунду спустя заметил, что звуки издавал корабельный динамик с выкрученной до максимума громкостью. – Не стреляйте! – через полминуты треск последних очередей затих.

– Прекратить огонь и ждать моей команды! – приказала майор Хазен по коммуникатору. Оружие её солдат немедленно смолкло, но гвардейцы оставались в напряженном ожидании, пальцы на спусковых крючках. Едва подавленная агрессия ещё не была под контролем.

– Не... – начал голос в динамике, но оборвался и на какой-то момент всех охватила напряженная неуверенность.

– Коммандер, – опять послышалось из динамика, – мы готовы начать переговоры о капитуляции.

– Говорит майор Элизабет Хазен. Генерал Керенский приказал мне взять под контроль «Принца Евгения» и положить конец этому бунту. Мы говорим о *безусловной* капитуляции. Вы сдаётесь без всяких разговоров и отдаете оружие моим людям. Или вы все умрете.

Эхо генеральского голоса звучало в её словах, придавая им особую силу. Андрей был захвачен их мощью. *Что бы ни произошло дальше, она далеко пойдёт. О ней будут ещё долго помнить.*

Ситуация оставалась напряженной до предела. Корабли снаружи продолжали вести огонь по противнику и Андрей боялся, что бой вот-вот вспыхнет опять. Однако в этот момент какая-то фигура поднялась во весь рост за последней баррикадой, отделявшей гвардейцев Хазен от мостика. Человек носил когда-то блестящую униформу генерал-майора. Правда, сейчас она была измята, разодрана и испачкана в крови, вытекающей из рваной раны на его плече. Он выглядел разбитым, потеряннным, с опущенными плечами и взглядом, который он не смел поднять от пола.

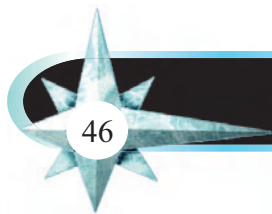
Он сдался.

– Я генерал-майор Уилбур Брасо, – представился бунтовщик и, несмотря на то, что его голос ломался, Андрей почувствовал в нем презрение.

– Где адмирал Воток? – спросила Хазен.

– Убит. Как и большинство остальных офицеров штаба «Принца Евгения». – он сделал паузу и его плечи опустились ещё ниже. *Как будто он несёт на себе тяжесть всего мира.*

– «Принц Евгений» сдается.

**«Принц Евгений», линкор класса «Техас»
Флотское соединение бунтовщиков
Глубокая Периферия
29 сентября 2785 года**

Когда «Принц Евгений» сдался, остальные корабли бунтовщиков также прекратили сопротивление. Менее, чем через 24 часа военно-полевой суд на борту уже был близок к завершению. Зрители медленно возвращались на свои места в поспешно переоборудованном главном трюме боевого корабля. Семеро судей, возглавляемые председателем трибунала генералом Керенским, вернулись, завершив окончательное совещание. Генерал отказался от парадной формы в пользу полевого облачения. Только четыре звезды на погонах позволяли определить его ранг.

Такого процесса я ещё не переживал никогда.

Андрею хотелось попросту провалиться сквозь пол, но он наперекор себе оглядел мужчин и женщин, стоящих в центре трюма. Многие из них были одеты в лохмотья и Андрей видел в их глазах всю палитру человеческих чувств – от слепой паники до покорности судьбе и отстраненности; шок, враждебность и едва сдерживаемую агрессивность. По помещению был расставлен целый батальон космогвардейцев, причем примерно половина солдат занимала позиции на стенах и потолке.

За обвиняемыми в бунте офицерами находилась вторая большая группа, состоявшая из матросов и гражданских, которые в конце концов подняли на «Принце Евгении» восстание против бунтовщиков. Генерал постановил, что эти люди также имеют право принять участие в слушаниях, и никто не посмел ему возразить.

Андрей оглядел и эту группу, страшась столкнуться взглядом с кем-либо из главных обвиняемых. Он обратил внимание на парня и девушку среди членов команды, которые держали друг друга за руки. Разодранные униформы обоих свидетельствовали о последней их попытке привести бунтовщиков в чувство.

Открытая благосклонность этих членов СОЗЛ друг к другу уколола Андрея. Он немедленно подумал о Джес, которая, казалось, преследовала его подобно привидению. Неделями подряд ему удавалось выбрасывать мысли о ней из головы в страхе, что в предстоящих боях её могут убить и он может наткнуться на её труп. *Я боюсь увидеть её среди обвиняемых.*

Впрочем, несмотря на все старания, за последние часы Андрей не смог отыскать лица Джес в рядах бунтовщиков. Или он просто не видел её трупа, или же она вообще не принимала участия в бунте. Андрей поймал себя на том, что он лихорадочно надеется на последнее, даже если боль от предательства ещё мучила его. Он всё спрашивал себя, испытывала ли она вообще к нему какие-либо чувства.

Андрей прищурился, стараясь разглядеть таблички с именами тех двоих, что держались за руки. *Цзэн и Йоргенссон. Дай вам Бог, ребята. Не дайте насилью уничтожить то, что у вас есть. Доверьтесь друг другу.*

Почти триста человек. Эта цифра застряла в мозгах у Андрея. В течение часа он пытался выкинуть из головы мысли о предстоящем. На него накатывала тошнота. *Может отец в самом деле сделать это?* Чувство вины, которое он испытывал, невозможно было описать словами. Однако, когда генерал и офицеры вновь заняли свои места, внимание Андрея вновь переключилось на происходящее в центре зала.

Генерал бросил на ожидающих солдат короткий, тяжёлый взгляд и обернулся к собравшейся

толпе. Желудок Андрея взбунтовался, он почувствовал головокружение и стал хватать ртом воздух.

Он это может. И он это сделает. У него нет выбора.

Генерал некоторое время глядел на собравшихся и начал:

– Солдаты. Этот трибунал пришел к заключению, что обвиняемые сознательно, движимые низменными побуждениями, подняли бунт. Далее: они воспротивились прямому приказу, чем поставили под угрозу жизнь своих товарищей, не говоря уже о миллионах гражданских, вверенных нашим заботам.

Генерал сделал паузу. Его взгляды могли, казалось, прожигать дыры в переборках. На искаженное лицо было невозможно глядеть.

Андрею опять захотелось провалиться в тартарары. Он чувствовал, что не в состоянии смириться с этой стороной личности его отца. Словно удар, пришло воспоминание о том, когда он в последний раз видел столько бесчеловечности на таком, казалось бы, цивилизованном лице.

Когда он приказал уничтожить Амариса и весь его род.

Дрожащий маленький мальчик в нем постарался отвести глаза от чудовища, в которое превратился папа. Но разум – мужчина, которого годами старался воспитать его отец – знал, что должно быть сделано для спасения армады Исхода; понимал, что генерал поступал единственно верно, как бы бесчеловечно это ни выглядело.

– Эти предательские преступления, ввиду их тяжести, не могут быть ничем оправданы. Мы отправились в поход в неизвестность. И куда бы мы ни шли, мы должны иметь возможность полностью полагаться на женщин и мужчин в наших рядах. Мы идем туда, куда они не могут идти с нами.

Генерал на мгновение замолчал и оглянулся на остальных судей. Все серьёзно кивали, на лицах – утвердительное выражение, хотя некоторые опустили глаза. Генерал также кивнул, тяжело оперся на стоящую перед ним ораторскую трибуну, и продолжил:

– Все, кто стоят перед этим судом, виновны. Никто из вас не обладает достаточно низким военным званием, чтобы действовать просто по приказу. Никакая степень должностных обязанностей не может освободить вас от личной ответственности. Все вы, каждый из вас точно знал, на что идет. Что означал ваш выбор. Вы знали последствия своих действий.

С этими словами генерал встал и обошел пульт, причем магнитные подошвы его издавали неестественно громкие звуки в окружающей тишине. Андрей краем глаза отметил несколько мимолетных движений. Это гвардейцы взяли оружие наизготовку, когда генерал приблизился к бунтовщикам. Он прошелся вдоль рядов, заглядывая каждому из солдат в лицо. Иногда он останавливался, чтобы подождать, пока стоящий перед ним обвиняемый поднимет взгляд. Всякий раз он кивал. В его глазах было узнавание, однако ни малейшего понимания в них не было.

Словно он выжигает лицо каждого из них в своей душе.

Даже сейчас, перед лицом поражения, и даже перед предателями его дела, генерал доказал, что обладает величием, делающим его тем, кем он был. Андрей метался, раздираемый эмоциями. *Отчаяние и уважение.*

Наконец, генерал вернулся обратно за пульт. На протяжении нескольких ударов сердца он глядел в пол, потом поднял глаза и заговорил, приковывая взгляды всех присутствующих к себе.

– За ваши предательские действия и за нарушение присяги, которую вы клялись соблюдать, этот суд приговорил вас к смерти. Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

Слова генерала тяжело, угнетающе повисли в воздухе. К изумлению Андрея, из группы бунтовщиков – все званием не ниже майора, из всех родов войск – не последовало ни единого звука. Хотя Андрей и мог видеть во многих глазах, как безнадежность охватывает этих людей, но ни одно слово из тех, которые он ожидал услышать, не было произнесено.

Не владея собой, Андрей шагнул вперед. Осознавая правильность этого страшного решения, он все-таки не мог понять спокойствия, с которым обвиняемые приняли приговор. *Сна-*

чала они восстают против генерала, а потом подчиняются его решениям так, словно они до сих пор связаны этой униформой. Как будто они продолжают оставаться одними из нас и находятся под его командованием. Да, вот оно.

У Андрея кружилась голова. Они были солдатами Керенского и они знали это. До самой смерти он останется их великим генералом. Они приняли решение и теперь будут нести ответственность за его последствия. Они примут смерть так, как это могут делать лишь солдаты сил обороны Звёздной Лиги – сил обороны Александра Керенского.

Генерал кивнул и в выражении его лица проглядывала некая окончательность. Затем к каждому из приговоренных стали подходить по двое космогвардейцев и выводить их из зала. Это длилось бесконечно долго, но вот ряды бунтовщиков начали редеть. Группа солдат, стоящих против них, постепенно рассасывалась. Минуты сложились в час, а тихое эхо выстрелов все ещё можно было услышать. Андрей плакал и плакал, слёзы собирались в его глазах, тяжелели и катились вниз. Он еле видел.

– Время, – услышал он голос. Андрей попытался узнать говорящего сквозь пелену слёз. Отдаленно знакомое лицо. *Майор Дэвенсон, один из ординарцев отца.* Андрей деревянно кивнул и, словно марионетка, ведомая на ниточках невидимыми и безжалостными руками к гибели, не имея возможности хоть что-нибудь сделать, последовал за офицером.

Андрей поклялся принять последствия своих действий. У него не было выбора. Словно в трансе, он шел за майором через полкорабля, пока они не подошли к воздушному шлюзу, который обычно использовался ремонтными бригадами, чтобы покинуть судно. Здесь собрались несколько человек: космогвардейцы в чёрно-коричневой униформе, внимательно следящие за одним из последних приговоренных, который стоял между ними. *Значит, никакого оружия. Скорее всего, из-за последнего конфуза во время абордажа.*

На свинцовых ногах Андрей выступил вперед и поднял взгляд. Он увидел обреченные на смерть глаза на удивление молодого подполковника. Азиатские черты лица демонстрировали кривую улыбку.

– Ага, вы, значит, тот самый, – голос звучал так, словно речь шла о замене вышедшего из строя техника.

– Ут... – начал было Андрей, но оборвался. Он не мог узнать собственного голоса. *Так бесчувственно...*

– Ут? Весьма странный способ сказать «да», – сказал подполковник и по помещению прокатился смешок. Андрей кивнул, словно понял иронию, но чувства раздирали его.

– Ладно, давайте закругляться. Вам ещё далеко лететь, – продолжил приговоренный почти что скучающим тоном. Андрей пошатнулся. Словно подполковник просил прощения за задержку. Андрей едва не сломался на этом, опасаясь потерять контроль над собой. Он осторожно взглянул на табличку с именем приговоренного. Суркаи.

Я никогда не забуду это имя. Будь что будет – я ещё вспомню его.

Андрей кивнул и подполковник вошел в шлюзовую камеру. Он четко повернулся и отдал честь. Андрей ответил салютом. Его сердце неровно колотилось, словно тяжело поврежденный гироскоп – как будто оно вот-вот вырвется из грудной клетки. Руками, которые он более не ощущал частью своего тела, Андрей затворил внутреннюю дверь шлюза.

Он хотел закрыть глаза, однако почувствовал отвращение к собственной трусости. Он осознанно глядел в лицо наказанию – наказанию их обоих.

Никогда больше. Его кулак ударил по кнопке открытия внешнего люка так сильно, что кости хрустнули и кожа оказалась содрана. Дверь в космос распахнулась. Подполковник Суркаи погиб немедленно.

Прости меня.

«Гордость Маккенны», линейный корабль класса «Маккенна»

Армада Исхода

Глубокая Периферия

31 октября 2785 года

На некотором расстоянии от себя Андрей заметил знакомое лицо – лицо, которому там быть не полагалось. Он возвращался в первую смену с кадетского курса и в коридоре было множество солдат и гражданских. Генерал сдержал свое слово и теперь на борту «Гордости Маккенны» жило гораздо большее количество гражданских. На какой-то момент далеко в толпе, словно факел, сверкнули ярко-рыжие локоны.

– Пожалуйста, пропустите меня, – как заведенный, повторял Андрей в попытке пробиться вперед. Он не думал о хаосе, который оставлял позади себя, и с ещё большим упорством старался продвинуться дальше. – Я должен пройти.

– Эй, мы все должны пройти, – ответил здоровенный парень в комбинезоне. – Дождись своей очереди.

– Вы не понимаете. Мне срочно...

– Ясен пень. Всем срочно.

Андрей снова попытался увидеть в толпе впереди огненные локоны. Поиск не принес результата и Андрей прервал бесполезный разговор с верзилой, ухватив его за плечи и оттолкнувшись от них вверх. Сразу после этого он рванулся вдоль по коридору, огибая головы и сшибая шляпы и фуражки, взлетающие позади него к потолку. Ему вслед понеслись оскорбления и возмущенные крики, словно порывы ветра, сбивающие с курса его отчаянный полет.

На первом повороте Андрей плавным движением ухватился за специальный держатель и позволил центробежной силе швырнуть себя в угол. Он попытался смягчить разворот, ударив ногой по стене, однако слишком жёстко согнул колено. Столкновение сотрясло его до самого позвоночника. Почти в панике он осматривал коридор перед собой. *Вот!* На другом конце тоннеля снова мелькнули рыжие локоны.

Мне кажется... Мне... Как она это сделала? Андрей, не мешкая больше ни секунды, подтянул ноги к держателю, оттолкнулся и помчался вперед.

Сопровождаемый криками и проклятиями, он в скором времени покинул главный коридор и в погоне за рыжеволосой углубился в дальние секции корабля. Это должна быть она. И она от него убегает.

Джес.

Несколько минут спустя Андрей завернул в очередной коридор. Здесь никого не было. Он уже хотел повернуть, когда ему в голову пришла новая мысль. Он осторожно добрался до конца коридора и остановился перед дверью каюты.

Нет. Слово не прозвучало достаточно убедительно и было сметено нарастающим возбуждением. Он едва не кинулся прочь, но удержался. Перед его внутренним взором появился человек, погибший от его руки. Со времени бунта так происходило каждый раз, когда он колебался перед принятием нелёгкого решения. И каждый раз это помогало.

Андрей постучал в дверь – сначала осторожно, потом решительней. Боль в костяшках напомнила ему, что в следующий раз хорошо бы использовать другую руку – они ещё не зажили, хотя прошел уже почти месяц.

Удар сердца. Два удара. Три. Дверь отворилась. На Андрея уставилась пара ледяных глаз.

– Брат! Как хорошо, что ты решил заглянуть ко мне. По-моему, это впервые.

Андрей кивнул. Узнав хозяина каюты, он смешался.

– Да, – начал он, – Утвердительно. – Андрей почти инстинктивно воспользовался детской привычкой, чтобы разрядить ситуацию.

– Хм... Ну что, так и будем топтаться у дверей или ты ждёшь особого приглашения войти?

– Николай повернулся и медленно вошел в каюту.

Андрей с некоторым колебанием последовал за ним. Он нетерпеливо обшаривал глазами помещение в поисках признаков присутствия Джес.

Мне что, просто почудилось? Андрей задался вопросом, не становятся ли постепенно кошмары, преследовавшие его с самого начала бунта, явью. *Ну здорово. Сначала я, как Николай, не могу уснуть, а теперь я летаю с катушек.*

– А где твои однокаютники? – В попытке успокоиться он задал первый же банальный вопрос, пришедший в голову.

– Их тут нет, – ответил Николай. *Вечно это отторжение.* Андрей кивнул, хотя ему стало совершенно ясно, что им попросту нечего друг другу сказать.

– Извини, Николай. Мне показалось, что я кое-кого увидел, но похоже, что я ошибся. – Андрей опустил глаза к полу и поскреб бороду, которую совсем недавно начал отращивать.

– Это тебе не к лицу.

Андрей отдернул руку, словно обжегшись.

– Ты хочешь сказать, это не к лицу одному из Керенских, не так ли? – ответил он.

– А разве это не одно и то же?

– Нет. В смысле, да. – Андрей в замешательстве покачал головой. – Похоже, для каждого из нас это имеет иное значение.

– Да неужто?

Андрей поднял руки, гнев грозил переполнить его.

– Извини, Николай, – горько сказал он. – Я не хотел тебе мешать. Я пойду.

– Эээ... Андрей, – ответил Николай и в его голосе прозвучали какие-то непривычные нотки.

– Кого ты увидел? Или показалось, что увидел?

– Никого из тех, кого ты знаешь.

– В самом деле? Как она выглядела? Может, я с ней знаком?

Что тут творится, Николай? Андрей повернулся, почти тронутый неожиданным предложением помощи. Он постарался успокоиться.

– Рыжие волосы. Красивые, бирюзовые глаза. – Андрей скорчил гримасу, словно хотел добавить: «Видишь, ты её не знаешь».

– А, ты имеешь в виду Джес.

Андрей не поразился бы больше, если бы увидел, как у Николая растут рога. Только попытавшись заговорить, он обнаружил, что у него отвисла челюсть. Во рту было сухо, словно в перегоревшей реакторной камере.

– Ты... Ты её знаешь?

– О, мы с Джес знакомы ещё со времен захвата Терры.

Андрей моргнул. Его снова захлестнула боль предательства – открытая рана, которая вряд ли когда-нибудь полностью зарубцуется.

– Она об этом никогда не упоминала.

Николай невинно улыбнулся и уселся на кровать. Пружины отчетливо заскрипели. Идеально сбалансированный маневр. Его брату не понадобились даже руки, чтобы скомпенсировать противодействие микрогравитации.

– Конечно же, нет.

В глазах Андрея потемнело. Чёрные грозовые тучи, собравшиеся над ним с тех пор, как его отец назначил ему наказание за его роль в бунте, казалось, утроились в размерах. И исходили они от его брата.

– Потому что ты ей так приказал, – Андрей ощущал собственные губы безжизненными кусками замороженного мяса.

Николай изумленно поднял брови. Потом он кивнул, словно учитель, слыша слова талантливого ученика.

– Очень хорошо. Ты учишься, хотя и медленно. – Он сделал эффектную паузу. – Итак, ты понял приведенный мною пример?

Андрей со свистом втянул воздух сквозь сцепленные зубы и постарался сдержаться. Его брату нравилось обращаться с окружающими, словно с недоразвитыми. Николай придерживал свои знания до тех пор, пока у собеседника не оставалось иного выхода, кроме как заканчивать недосказанные фразы, словно дрессированная собачонка.

На этот раз не выйдет. Андрей в самом деле научился. Отныне он видел все в новом свете, яснее и отчетливее. И весь ужас бунта вернулся к нему с новой силой – но только теперь он содержал совершенно новый, жуткий компонент.

– Ты послал её ко мне.

– Да.

– Она меня предала.

– Да. – Голос Николая не был ни холодным, ни жёстким – он попросту *был*.

– И тогда ты явился ко мне... – голос Андрея сорвался. Он не мог этого выговорить. Такого он не ожидал даже от Николая.

– Если бы я тебе сказал, что ты не должен открывать воздушный шлюз, потому что это опасно или может опозорить твое имя, я бы точно знал, что ты это обязательно сделаешь – назло мне! – резко произнес Николай.

Теперь главное было сказано. Слова проникли в сознание Андрея. Они разнесли в клочья все те временные баррикады, которые он вынужден был возвести. Все старания восстановить самооценку оказались тяжким сизифовым трудом. *Все насмарку.* Расплавлено, словно кусок масла под лучами лазера боевого меха.

– Почему?

– Ой, я тебя умоляю... Ты что, в самом деле ждешь, что я тебе отвечу? До сих пор ты был таким умненьким. Продолжай в том же духе.

Ещё никогда Андрей не был так близок к тому, чтобы подраться со своим братом. *Эта невероятная скотина...* Но сейчас у Андрея был новый спутник, который ему помогал. Спутник, которого Николай не мог увидеть.

Суркаи.

Андрей ухватился за это имя, словно утопающий, и постарался взять себя в руки. В конце концов, он уже принял на себя самый страшный грех в своей жизни. То, что произошло сейчас, таким образом, могло быть интерпретировано как безвредная вариация главной темы.

Он вспомнил одну из самых любимых цитат из коллекции отца. *Пушкин.* Ещё один талисман, спасший ему жизнь. *«Если жизнь тебя обманет, Не печалься, не сердись! В день уныния смирись: День веселья, верь, настанет».*

И снова открывающаяся за спиной Суркаи дверь в пространство прошла перед его мысленным взором. Его разуму требовалось время, чтобы все осознать.

– Ты знал, что дело идет к бунту. И ты форсировал события. Использовал меня, чтобы привести все в движение.

– Катализ. Как отец говорил.

– Контролируемая ситуация. – Андрей попытался вложить в эту фразу весь свой гнев и разочарование. Ему хотелось уничтожить высокомерие Николая, который полагал, что он знает, как поступать, даже лучше, чем генерал.

Улыбка на холодном лице Николая выглядела не на месте. *Полностью под контролем.*

– Отец ничего бы не стал предпринимать, если бы не был вынужден к этому. Он бы не принял этого тяжёлого решения. Все бы продолжалось до тех пор, пока не возникло бы сразу несколько мелких восстаний одновременно – или же одно, но куда более масштабное.

Николай пожал плечами, словно он рассказывал какую-нибудь постельную байку за парой пива.

– В этом случае бунт возник в нужное время и в нужном месте – так, что мы смогли контролировать развитие событий. И его возникновение послужит примером, который снова сплотит весь флот. Больше восстаний не будет.

– А Джес? – Андрею с большим трудом удалось не договорить фразу до конца.

– Ради Бога, братишка, неужели ты считаешь меня таким уж совершенно бесчувственным? Она мне больше, конечно, не нужна, но это же не значит, что я её убил. Она просто... ну, просто не хочет какое-то время никого видеть.

Андрей стоял перед своим братом, которого больше не узнавал. Он не мог и предположить, что Николай из-за ужасов, которые он пережил во время захвата, изменился до такой степени. *Почему этого никто не заметил?*

Андрей хотел попросту убираться отсюда. Сбежать. Не от страха, а от разочарования. Размеры преступления Николая грозили накрыть Андрея с головой, но он мысленно цеплялся за свой талисман. Медленно-медленно он отступил к двери, чтобы скрыться.

Решение, принятое генералом, было страшным, но необходимым. Однако то, что сделал его брат...

Судя по всему, в таком варианте развития событий дальнейшие бунты и в самом деле больше не угрожали. В этом Николай был прав. *Но у восстания – множество лиц.*

– Я бы на это не поставил, Ники, – попрощался Андрей. Он нарочно использовал кличку своего брата, зная, что тот её ненавидит. – Честное слово, я бы на это не поставил.

10

Неподалеку от форта «Брайан-IV», Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

14 января 2788 года

Какофония автопушек оглушила его. Стаи ракет неслись на Андрея, а противоракетная система «Экстерминатора» швыряла им навстречу град шрапнели, из-за чего большая часть ракет взрывалась прежде, чем могла достичь цели. Андрей ожидал нападения, но не рассчитывал, что ни одна ракета не проскочит сквозь заградительный огонь.

Проклятая хреновина классно работает. Он забыл раздражающие часы, когда его техник отлаживал систему ПРО, забыл и соблазн попросту её отключить, чтобы избежать хотя бы опасности перекоса снаряда и последующего взрыва боеприпасов.

Тысяча благодарностей. Я и так уже потерял брони более чем достаточно. Это тяжёлый бой и кто знает – может, эта штука только что спасла мою задницу.

Бойцы находились так близко друг от друга, что места для маневра почти не оставалось. Андрей решительно двинул рычаг управления до упора от себя. Боевой мех рванулся вперед и Андрея вжало в пилотское кресло, причем его голова под тяжестью нейрошлема бесконтроль-

но заболталась туда-сюда. Он злобно стиснул зубы. *Дурацкая идея. Надо запомнить.*

Луч большого лазера прошел воздух с хирургической точностью, вскипятил его и расплавил броню на правой руке «Экстерминатора». Расплавленный металл потек вниз, быстро застывая причудливым рельефом. Не обращая внимания на обстрел, Андрей удерживал мех на курсе, выжимая высочайшую скорость. Он развернул корпус, чтобы использовать собственные ракеты. Расстояние было ещё слишком мало для толкового захвата цели, но так его противник, «Гильотина», был вынужден сконцентрироваться на маневре уклонения. Это дало Андрею возможность зигзагами вывести «Экстерминатора» на удобную позицию.

Единственное преимущество его машины было в гораздо более высоком ускорении и максимальной скорости. Имея противника, безнадежно перекрывавшего его по вооружению, тоннажу и броне, Андрею приходилось всё время стараться использовать свой единственный козырь. *А не то мне крышка.* Он потеряет мех, будет отчислен из СОЗЛ и вынужден начать новую жизнь в качестве гражданского. На какой-то момент его одолела неуправляемая дрожь и мех под ним легко завибрировал, когда гироскоп попытался отреагировать на столь неточный мозговой посыл.

Быть отчисленным. Никогда больше не сесть в боевой мех. Этого не должно произойти!

Андрей подавил страх, перенаправив бурлящий в жилах адреналин. Из страха родилась ярость и ему показалось, что и это чувство передалось машине. Он слился с мехом. Немедленно движения «Экстерминатора» стали гораздо более плавными. Машина кинулась в атаку, словно голодный волк. Ключообразный выступающий кокпит рассек потоки воздуха и время, казалось, на доли секунды застыло. Глубоко втягивая воздух, Андрей неосознанно синхронизировал дыхание с равномерными шагами боевого меха.

Воин. Победа.

Уверенность в себе вернулась. Андрей подпустил «Гильотину» поближе, причем противник получил несколько попаданий. Теперь он бросил машину в короткий спринт, огибая небольшой холмик. «Экстерминатор», один из самых быстрых мехов в своей весовой категории, за несколько секунд набрал предельную скорость – почти девяносто километров в час. Укрытие осталось позади.

На расстоянии около пяти километров Андрей мог разглядеть фундамент огромного укрепления, возле которого строился гигантский склад. Предполагалось, что строительство должно быть завершено через шесть месяцев. Строящееся сооружение напоминало скелет динозавра. Андрей не мог отвязаться от мысли, что это – древнее ископаемое, найденное учеными СОЗЛ. Словно они как раз использовали технологии, с помощью которых пытались адаптировать земные формы жизни на пяти планетах Исхода, чтобы пробудить к жизни этого монстра. Шкура из сталебетона, система контроля климата в качестве кровеносной, органы чувств – следящие камеры, инфракрасное излучение и чувствительные к давлению плиты в полу.

И всё это только ради того, чтобы держать людей подальше от этого меха, если я проиграю. А ну, прекрати! Кончай об этом думать! Делай свое дело и все!

Андрей переключил внимание с отдаленной стройки и растущей столицы, видневшейся на горизонте, на бой. Он обнаружил «Гильотину» довольно далеко позади себя – её пилот как раз пытался сесть «Экстерминатору» на хвост. Противник продирался сквозь узкий проход, который Андрей как раз миновал. Он выжал правую педаль и «Экстерминатор» заложил дугу. Андрей подогнал правым джойстиком крестик прицела на цель и система захвата цели замигала золотым цветом. В его ушах подбадривающе прозвучал аккорд «до-мажор», сообщая, что цель захвачена. Он едва не замурлыкал от этого аккорда гимн Звёздной Лиги, когда нажал на гашетку. Четыре средних лазера пробили «Гильотину» сбоку.

Явно не ожидая, что «Экстерминатор» прекратит бегство и вновь нападет, пилот «Гильотины» попытался вывести в положение для стрельбы двустольную руку своей машины, но время для реакции – даже для поворота торса – было упущено. Лучевые дорожки от лазеров Андрея проехали от бока «Гильотины» до чувствительной задней части. Испаряющаяся броня создала облако тёмного дыма, на мгновение повисшее в воздухе, но быстро унесенное лёгким ветерком.

– Ага! – воодушевленно заорал Андрей, когда смертельно сконцентрированные лучи пробили «Гильотину». Хотя машина, казалось, не получила иных повреждений, для Андрея это не имело значения. Ещё одного такого попадания должно хватить, чтобы вклепить несколько ракет ближнего действия в камеру с боеприпасами. Андрей знал, что у «Гильотины» были ячеистые камеры, тем не менее, взрыв стоил бы противнику большей части его боеприпасов. *Я уж молчу о жутком шоке от отдачи, которая обрушится на меховина на борту после взрыва зарядов внутри машины.*

Андрею годился любой способ победить. Ему некого было жалеть.

Поверхность под «Гильотиной» загорелась, когда машина поднялась в воздух на прыжковых дюзах в отчаянной попытке избежать ещё одного залпа «Экстерминатора». Пилот умело повернул корпус в полете и попытался нацелить большой лазер на спину машины Андрея, когда «Экстерминатор» проскочил мимо «Гильотины».

Как в замедленной съемке, Андрей увидел в нижней части экрана кругового обзора ствол тяжёлого орудия, поворачивающийся в его сторону. В панике он нажал до отказа на собственные педали, однако опоздал. Рубиново-красный луч вылетел из оружия противника и в тот момент, когда прыжковые дюзы отрывали «Экстерминатора» от поверхности, выстрел угодила в ранимую заднюю часть его меха. *Пара царатин, на этот раз опять обошлось. Пора с этим кончать. Сейчас!*

Неуправляемо, словно лавина, «Экстерминатор» валился на землю. При приземлении гигантские ноги вырыли глубокие ямы в грунте. Андрей боролся с управлением, пытаясь совершить на полной скорости головокружительный разворот. Гироскоп дико взвыл у него под ногами, пытаясь удержать мех на ногах.

Андрей бежал по все сужающейся спирали вокруг «Гильотины», так что худощавый силуэт «Экстерминатора» создавал противнику дополнительные трудности при прицеливании. Лазерный огонь, горячий, как солнце, раскалил воздух между машинами, но залп «Гильотины» прошел мимо. Приблизившись к своему противнику на тридцать метров, Андрей опять запустил прыжковые дюзы. Воздух нагрелся до состояния плазмы и был выпущен наружу через магнитные заслонки. Машина прыгнула вверх, словно брошенный человеческой рукой камень.

– Поймал! – завопил Андрей, когда его противник решил развернуть корпус, чтобы выйти на позицию для стрельбы – вместо того, чтобы прыгнуть вслед за ним. *Прямоком в ловушку!*

Под конец Андрей приблизился к «Гильотине» слева и спереди – его соперник попытался удержать «Экстерминатора» в прицельной рамке, повернув корпус налево. Слишком поздно он заметил, что Андрей вовсе не собирался продолжать полет в том же направлении, что и в начале прыжка. На полпути он снова ударил по педалям и усилил тягу, чтобы с помощью инерции массы изменить траекторию полета. Визг перегруженных дюз звучал так страшно, что Андрей испугался, как бы его маневр в последнюю минуту не сорвался. С трудом контролируемая энергия плазмы обладала такой силой, что могла в доли секунды превратить кабину в печь. В горло Андрея словно вцепились раскаленные пальцы, лёгкие пылали.

Как только «Экстерминатор» оказался прямо над «Гильотиной», Андрей заставил машину вытянуть ноги, ещё раз легко запустил дюзы и развернул торс налево. Потом он ещё раз до упора выжал педаль, вытягивая из дюз последние резервы. В конце концов, Андрей приземлил боевой мех за спиной своего противника, причём чисто смягчил столкновение, согнув ноги машины.

Только сейчас пилот «Гильотины» понял свою ошибку. Едва приземлившись, Андрей выстрелил всеми четырьмя средними лазерами в его правый бок. Остатки брони немедленно испарились и энергия почти беспрепятственно проникла во внутренности меха, продолжая свое разрушительное дело.

Из задней части корпуса «Гильотины» вырвалось почти десятиметровое пламя – это взорвался ракетный запас.

Словно после удара дубиной по затылку, смертельно раненый мех прошёл несколько шагов, пока ещё один мощный взрыв не потряс его – теперь огонь показался и спереди, и сзади. Стальные соединения испарились в доли секунды, когда дьявольская энергия разнесла «Гиль-

отину» изнутри. Вся правая секция корпуса отвалилась и рухнула на землю, а машина повалилась в противоположную сторону.

Коммуникационный экран Андрея засветился, когда включился контроль боя из отдаленного бункера, чтобы прекратить битву. Передний экран также коротко вспыхнул и на какой-то момент сбил Андрея с толку двумя изображениями одной и той же сцены. В конце концов, осталась только одна ясная картинка. *Реальность*. «Гильотина» вновь стояла перед ним, неповрежденная и свежеевыкрашенная. Симулированный огонь на деле не заставил выстрелить ни одно из орудий, а смоделированные компьютером повреждения никогда не существовали в действительности.

Победа Андрея, тем не менее, иллюзорной не была. На какой-то момент его с головой захлестнула эйфория. Возвращение в реальность удручало. *Словно наркоман, выходящий из-под воздействия дозы. Мордой об землю. Самые тяжёлые тесты ещё впереди.*

* * *

– Это было просто здорово! – сказал Уиндхэм, тряся Андрея за плечи. Тот тихо вскрикнул, когда Божий человек угодил точно по тому месту, где ремень безопасности больно врезался в тело после особо удачного выстрела «Гильотины».

– Похоже на то, – ответил Андрей, заранее опасаясь той боли, которая ожидала его завтра. Он уже начал забывать свой успех. За следующий ему придется драться куда тяжелее.

Андрей миновал ангар «Экстерминатора» и вступил на аппельплац. Лёгкий ветерок заставлял покачиваться свисающую с его меха алюминиевую лесенку. Площадка была грязной – сталебетонные плиты должны были привезти только на будущей неделе. Андрей отправился в командный центр, расположенный на другом конце площадки, где его ожидали для «разбора полетов».

– В каком смысле «похоже на то»? Даже Николаю пришлось бы попотеть, чтоб провести такой прыжок, – сказал Уиндхэм, подстраиваясь под строевой шаг Андрея.

От такого сравнения Андрея одновременно бросило в жар и в холод. *Может быть, только Николай разделался бы со своим противником за половину того времени, что понадобилось мне.*

Уиндхэм обнял друга за плечи, заставил его остановиться и повернул к себе. За прошедшие зимние месяцы его борода выросла ещё больше, так что Уиндхэм выглядел теперь эдаким джентльменом удачи, спустившимся с гор какой-нибудь дикой периферийной планеты, где в промежутках между поисками золота охотился на медведей. В его темных глазах Андрей видел ум и дружбу, которая стала ещё глубже с тех пор, как они годы назад познакомились на «Гордости Маккенны».

– Послушай меня, Андрей. Я многое пережил. Мой старый арк-дивизион... – он замолчал. Тень прошлого надвинулась на его лицо. Во время оккупации Терры его часть была полностью уничтожена войсками Амариса.

Андрей взял Уиндхэма за руку. Тот восторженно и извинительно улыбнулся.

– Я вдруг понял, что я уже несколько месяцев не думал о моей старой команде.

– Столько времени прошло? – ответил Андрей, радуясь, что разговор пошел по другой колее.

– Да, похоже. Минуточку, – продолжил Уиндхэм и снова поглядел на Андрея своим странным взглядом. – Не делай этого. Я в самом деле многое повидал и я знаю, что у тебя потрясающие способности. Ты просто ещё молод и у тебя нет боевого опыта.

Андрей стряхнул с плеч руку и снова повернулся к командному центру.

– Это не играет никакой роли. Может быть, я и победил теперь, но завтра – пехотный экзамен.

– Все у тебя получится, – решительно ответил Уиндхэм.

Андрей был очень благодарен другу за то, что он был здесь, с ним, за то, что в его голосе не было и тени сомнения.

– Хорошо тебе говорить, ты уже квалифицирован. Как бы ты себя чувствовал, если бы тебя демобилизовали и пришлось бы работать на гражданке? – Андрей хотел сказать это лёгким тоном, но он ощущал ещё остатки сомнений, которые вполне могли ещё вновь вырасти.

– Ну так я же потратил все свое время на «Маккене» на то, чтобы проникнуть в глубочайшие тайны гидродинамики... какая жалость! – ответил Уиндхэм с наигранной грустью. Оба засмеялись.

Они вместе продолжили путь. Андрей заглянул Уиндхэму в глаза.

– Но с личным оружием... – он оборвался, борясь с собой, чтобы не потерять самообладания при мысли о том, что произошло на «Принце Евгении». Андрей легонько прикусил язык, чтобы отогнать воспоминания.

Со странным выражением лица, однако очень уверенно Уиндхэм ответил:

– У тебя всё получится. Ты пройдёшь этот тест так же, как прошёл сегодняшний.

Он знает о моих кошмарах.

– Конечно. Конечно, я его пройду. – Но голос Андрея звучал вовсе не так уверенно.

11

Бар «Холмы Нойбл», Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

14 января 2788 года

Громкие щелчки, с которыми керамика сталкивалась с керамикой, разносились по обширному залу. Андрей повернул голову на звуки. Он прошёл дальше вдоль стойки бара, мимо кухонной двери, которая, казалось, ни на секунду не закрывалась, мимо прохода к туалетам. Наконец, он достиг помещения, из которого доносились резкие звуки – бильярдной.

Как давно Андрей сам играл на бильярде? *Десять лет назад? Почти пятнадцать?*

Он заметил группу гражданских – две развлекающиеся женщины, которые, однако, выглядели такими же опустившимися, как и сопровождающие их мужчины. Они пили из больших пивных стаканов, а из их ртов извергался непрерывный поток сигаретного дыма. Обойдя несколько посетителей, Андрей добрался до большого бильярдного стола, покрытого безукоризненным сукном.

Удивительно, как это при четырнадцатичасовом рабочем дне они ещё находят время, чтобы смастерить нормальные бильярдные шары. С другой стороны – если они за минувший год смогли отыскать время устроить бар и сварить пиво, то керамические бильярдные шары в такой обстановке необходимы. Забыть на пару часов тяготы колонизации, прежде чем после пары часов сна опять начнется пахота.

Запах жареного мяса, свежих овощей, кипящего супа, обязательные ароматы пива и виски приветствовали Андрея и вытесняли чужеродные запахи новой родины, приставшие к его

одежде. Аромат человеческого кабака, который невозможно спутать ни с каким другим, немедленно напомнил ему далекую Терру. Терпкий запах шалфея, пряный и тяжёлый, изгнал последние остатки эдемской пыли из мыслей Андрея и пробудил колоссальный аппетит.

Он прошел ещё дальше в заднюю часть комнаты, мимо нескольких компаний, состоявших как из солдат, так и гражданских, сидевших плечом к плечу, смеявшихся, рассказывавших что-то друг другу и выпивавших. Андрей почувствовал, как при виде этой картины у него в горле запершило. *Мы удалились от родных миров почти на две тысячи световых лет, и тем не менее, мы всё ещё настолько человечны – независимо от того, что за солнце светит над нашими головами.*

– Андрей, ты не можешь хотя бы на один вечерок попросту отключиться? Расслабься! Поздравляю! – крик Джейсона заставил несколько голов повернуться сторону Андрея. Он заметил несколько доброжелательных лиц с поздравительным выражением, однако и несколько иных, которые, казалось, скрывают мрачные мысли. Неожиданное внимание заставило уши Андрея покраснеть. Так много людей знали его теперь в лицо...

Он приблизился к столу, за которым уже сидели пять человек. Майор Джейсон Эверли, квадратная фигура и тёмные черты лица которого резко контрастировали с весьма дружелюбной натурой, приветствовал его сокрушительным хлопком по плечу и крепким рукопожатием.

– Я поглядел запись твоего боя. Просто классно! Феноменально! – несдерживаемая эйфория майора вызвала улыбку на губах Андрея и вызвала у сидящих за столом согласное бормотание.

– Садись давай, – сказал Джейсон, чей голос звучал непривычно громко. – Сейчас тебе притащат еду.

– Андрей рухнул на деревянную скамью и подвинулся, когда майор освободил ему место. Все присутствующие заулыбались ему.

– Неплохо выполнено, Андрей. Я знал, что ты сможешь это, – сказал Карсон, также сидящий за столом.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Андрей автоматически.

– Ха, здесь ты можешь обходиться без «сэра», Андрей. Это как раз то, что мы так любим тут. Всё остается снаружи, за дверью.

Андрей кивнул, хотя знал, что вряд ли он сможет назвать на «ты» полковника, неважно, сколько раз тот попросит об этом. *Как я могу вообще подумать называть члена Звёздного Ордена как-нибудь иначе, чем «сэр»?* Он едва не затрясся при мысли о такой фамильярности по отношению к герою СОЗЛ – уж не говоря о том, чтобы называть его своим другом.

Справа от Карсона сидел Уиндхэм, чья неброская повседневная ряса не слишком-то подходила к обстановке бара. Священник приветствовал его дружественной улыбкой, которая временно должна была подтвердить то, что Уиндхэм говорил Андрею днем.

Справа от Уиндхэма и, таким образом, ближе всех к Андрею расположился Раймонд Сайнце – и даже он выглядел несколько менее замкнутым, чем при их первой встрече. «Омедето год-займацу» – тихо сказал куритянин.

Андрей хотя и не понимал, что именно означают эти слова, однако мог предположить, что это куритское поздравление.

Нет, теперь больше нет. Он взглянул на Сайнце и тот ответил на взгляд неопределенной улыбкой. Андрей подумал о людях, мимо которых только что прошел, направляясь сюда. *Между нами больше нет национальных различий. Мы сейчас все сидим в одной лодке, есть ли у нас выбор или нет.* Улыбка Андрея стала немного шире – так, словно он желал убедиться, что Раймонд чувствует себя не в стороне от компании.

– Что будете пить? – скусающий голос прервал разговор. Андрей взглянул вверх и обнаружил молодую женщину, чьё лицо выражало то же самое, что и голос. В руке она держала грязно-зелёный лист бумаги и ручку. Андрей всегда поражался тому, как быстро люди приспособились. Они использовали листы альгены, которые нашли здесь, на Эдеме, чтобы производить собственную бумагу. *И самое интересное – каждый делает вид, словно так было всегда.*

Громкий щелчок, с которым во рту официантки лопнула жевательная резинка, прервал рассуждения Андрея.

– Извините, – поспешно сказал он. – Мне пива, пожалуйста. Тёмного.

– Ты уже можешь праздновать? – подколот Джейсон, похлопывая Андрея по плечу. Андрей бросил на него кислый взгляд.

– Эй, Джейсон, оставь парня в покое, – вмешался Уиндхэм. – Он только что сдал предпоследний тест. Он просто останется в СОЗЛ.

Все добродушно засмеялись. Когда официантка удалилась, Андрею удалось, наконец, разглядеть последнего человека, женщину, которая во время обмена приветствиями тихонько сидела рядом с Джейсоном. Она была примерно его роста, каштановые волосы её были коротко стрижены. До сих пор она глядела в стол, поигрывая рабочей карточкой в руке.

Подруга полковника? Не стыкуется.

– Карсон, было бы вежливым представить Андрею твою гостью, – взял слово Раймонд. Все присутствующие переводили взгляды с него на женщину, пока она также не подняла взгляд.

Бирюзовые глаза цвета морской волны.

Несмотря на то, что лицо её все ещё казалось Андрею чужим, он увидел именно те глаза, которые, как он думал, навсегда потерял. Их вид все ещё приносил боль, снова закипел гнев. Андрей мог только таращиться на женщину, чувствуя, как в нем поднимается ненависть.

Глаза Джес.

Карсон, только что сделавший приличный глоток из своего стакана, закашлялся и наклонился вперед, чтобы не расплескать напиток на униформу.

– Извини, Андрей, – выдавил он, наконец, из себя, – Это Джилл.

– Привет, – сказала женщина. Воспоминания о событиях, предшествовавших бунту, роились в Андрее. Наперекор боли, которую принесло её предательство, чувство к ней было ещё велико, хотя Андрей никогда не был уверен в нём. Рана была ещё слишком свежа.

– Привет, – прохрипел, наконец, Андрей – пауза, как казалась ему, длилась несколько минут.

– Пожалуйста, – снова прервала официантка и он воспользовался шансом оторвать взгляд от Джес – *Джилл*. Он взял стакан и сделал огромный глоток, выпив почти всё пиво.

– Эй, полегче, Андрей. Мы все знаем, что с нами может сделать алкоголь, – заметил Джейсон.

Взгляд Андрея переместился влево, прошелся вдоль стола, встречая понимающие улыбки. Его уши всё ещё пылали, однако теперь не от застенчивости. В нем разливалась злость.

Пусть думают, что хотят.

– У меня праздник, ты забыл? – с нажимом спросил Андрей, одновременно разыскивая глазами официантку, чтобы заказать себе ещё пива.

– Понятное дело, празднуешь, – включился Уиндхэм.

Андрей едва не ответил резкостью – злость грозила перелиться через край. Но в этот момент принесли еду и он с волчьим аппетитом накинулся не на святого отца, а на тарелку.

Прошло несколько минут, в течении которых все молча ели. С каждым проглоченным куском злость Андрея уходила. Ростбиф в чесночном соусе был почти так же хорош, как тот, что готовила его мать. Через некоторое время он остановил вилку на полпути ко рту, когда его посетила мысль.

Неужели ученые достигли такого успеха в своих попытках приспособить терранские организмы к условиям Эдема? Или его вкусовые нервы успели настолько приспособиться к неуловимой разнице, что разум попросту перестал сравнивать? Андрей пожал плечами. *Да какая разница? На вкус, в любом случае, замечательно.*

– Как там с работой? – прервал Уиндхэм через несколько минут молчание. Он немного оторвался от лежащей перед ним на столе почти съеденной куриной грудки и помассировал свой живот так, словно объелся.

Карсон проглотил то, что жевал, и ответил:

– Как обычно, куча всяких дел. Плотина готова наполовину, если время монзунов, как в прошлом году, запоздает... – он пожал плечами, словно остальное было и так понятно. Страшные силы реки Тодон в прошлом году стоили жизни многим гражданским жителям пригородов новой столицы.

– Ты же в последний раз говорил, что вы через месяц закончите?

Карсон засопел, причем звук, который издавало его ящикообразное массивное тело, напоминал звук турбинного вентиля, сбрасывающего пар. Он завозил вилкой по тарелке, словно чертил на ней план строительства.

– Всё к тому и шло. Пока мы три недели назад не поняли, что левый берег в районе закрепления – это просто какой-то проклятый город камнеедов. Весь район изгрызен вдоль и поперек системой тоннелей, вся работа насмарку, несколько месяцев работы. Пришлось начинать всё заново.

– Аыуа, – заявил Андрей со ртом, полным картофеля. Ему как раз показалось, что он всё-таки почувствовал разницу во вкусе. *Чужеродность.*

– Вот именно. Если генерал даст мне карт-бланш, я прихвачу эту хренову группу инспекторов, которые брали там первые пробы, привяжу их одного к другому и засуну в какой-нибудь из этих тоннелей. Тогда они смогут поближе познакомиться с теми бестиями, которые убили двоих и тяжело ранили семерых моих ребят.

– Полковник, сэр, вы с каждым днем становитесь всё больше похожи на инженера, – губы Джейсона задрожали, хотя он пытался изо всех сил сохранить серьёзную мину.

Карсон бросил на него затравленный взгляд, потом тяжело кивнул.

– Потому что я есть тот, кто я есть. – Он повернулся к Андрею и снова замахал вилкой, – Хорошо подумай об этом, когда будешь завтра сдавать экзамен. То, что ты остаешься в войсках, вовсе не означает, что тебе больше не придется корячиться на восстановительных работах. Может, ты будешь занят где почище, но там ещё столько всякой всячины... – Карсон оборвался, заметив, насколько навязчиво он машет вилкой. Он поскорее подцепил на неё кусок рыбы с тарелки и сунул его в рот.

Секунду Андрей зачарованно наблюдал, как маленькая белая эдемская рыбка – *Тилбу?* *Не помню.* – исчезает во рту Карсона. Как долго он сам ещё будет бояться есть планетарную фауну?

Андрей принял у официантки ещё один стакан пива и отпил небольшой глоток – что бы он ни говорил другим, напиваться он не собирался. Теперь он сам задал полковнику вопрос:

– Как долго ещё продлятся тесты?

Так же, как и другие флотские кадеты с испытательным сроком, Андрей был одним из последних в списке тестируемых. И всё же, ему хотелось знать, как скоро он может рассчитывать на результат.

– Почти закончены. Может, ещё недели три, зависит от обстоятельств.

– Значит, генерал уже решил, когда мы выступаем, чтобы исследовать ближайшее звёздное скопление? – Андрей уже пытался задать этот вопрос отцу, но в ответ получил лишь молчание. Теперь он попытался спросить об этом как бы между прочим, однако смог лишь частично скрыть свое возбуждение. Если у него завтра получится – *нет, невероятно* – то он надеялся, что охрана экспедиционного флота окажется интереснее постройки какой-нибудь плотины. *Или строительство здания. Или лесопосадка.* В любом случае, интереснее любого дела, которое приходилось делать в течение года после приземления.

Карсон прищурил глаза, словно точно знал, чего от него хочет добиться Андрей.

– А что, если ты завтра сдашь, но твои результаты будут недостаточно хороши, чтобы не отправиться в Академию? Если ты не попадешь в первые двадцать процентов, то пару лет тебе придется исследовать письменный стол.

Можно подумать, что полковнику надо было объяснять то, что знал любой кандидат. Как будто Николай не рассказал обо всем нудно и подробно, как только узнал, что уж он-то в любом случае попадает в эти самые двадцать процентов. *Специально передал видеопосланием. Даже не удосужился явиться лично.*

– Я знаю. Просто немножко любопытно.

Карсон пару секунд задумчиво глядел на Андрея, потом улыбнулся:

– Я понимаю, сынок, но я этого и сам не знаю. Когда генерал решит, он нам сам всё расскажет.

– Но ведь мы же получим свой шанс полететь, правда? Он может посылать нас по очереди. Или как-нибудь ещё в том же духе, – слабо пробормотал Андрей, не желая расстаться с надеждой. Ему не хотелось оставаться здесь и координировать работу гражданских. Андрей попытался выкинуть из головы мысли о завтрашнем экзамене. Хуже не бывает, по крайней мере, для него.

На долю секунды глаза Карсона метнулись в сторону Джилл, потом он снова взглянул на Андрея.

– Ещё раз, Андрей: я не могу тебе ничего сказать. Давай просто подождем и сами всё узнаем.

Я что, что-то пропустил? Андрей исподтишка глянул на Джилл, стараясь не таращиться на неё – ему следовало бы лучше её игнорировать, не давая повод кипящей в нем злости выплеснуться наружу. Ему показалось, что она смешалась и опустила взгляд. *Как будто старается спрятаться.*

Андрей сложил вместе все впечатления и решил, что он идиот. Независимо от его злости, большую часть которой заслужил Николай, он не имел права с ней так обращаться. Ни в малейшей степени.

– Извини, Джилл. Я придурок.

Джилл подняла глаза и Андрей заметил в них тень, которой не было раньше. Он опять молча обругал себя неуклюжим бегом.

– Всё в порядке. Ты не забыл? Всё остается за дверью, – её голос звучал почти убедительно.

– Я знаю, но всё-таки. Я не должен был...

Она оборвала его быстрым движением руки.

– Всё, кончай. Не все могут сдать тесты. Я провалилась. Даже в Академию не попала. И хватит об этом.

– Что... – опять начал Андрей, но продолжить не смог.

– Друг мой, мне кажется, самое время для тактического отступления, – тихий голос Раймонда заставил Андрея во второй раз за этот вечер смеяться. Джейсон отвесил ему незаметно под столом пинка, а Уиндхэм закатил глаза.

– Тебе бы не мешало быть с ней поприветливее, – рыкнул Карсон, причем в голосе его слышались полковничьи командные нотки, которых Андрей не ожидал услышать в баре. – Она из моего старого боевого отделения и она всегда будет его частью, – сказал он, глядя на Джилл и давая ей почувствовать свою поддержку.

Её глаза увлажнились, но она кивнула. Голова Джилл опустилась вниз, потом она подняла взгляд и глянула на Андрея. На какой-то момент он задохнулся от той фанатичной преданности, которая горела в её глазах. Андрей не мог отделаться от ощущения, что уже где-то переживал подобную сцену. *Совсем другой человек, который так же принял решение следовать долгу, хотя его собственные желания не могли быть более иными.* Этому другому человеку Андрей также глядел прямо в глаза. Сквозь бронестекло шлюзовой камеры.

– Во время Исхода я завершила обучение на инженера, – сказала Джилл почти обычным голосом и вернула Андрея обратно к действительности. – Они говорят, из меня может получиться хороший учитель.

– Правда? – спросил Джейсон. – Они перебрасывают тебя на другую планету или ты будешь преподавать в университете Новой Москвы?

– В университете.

– Здорово! Я тебя познакомлю со своим братом. Его отчислили из двадцать шестого механизированного.

Беседа продолжалась в том же духе, но Андрей от неё отстранился: частично из-за своей неуклюжести, частично из-за того, что ему хотелось немного подумать. В глазах Джилл он увидел готовность делать то, что от неё потребуют делать.

И страдание.

Конечно же, генерал вынужден был демобилизовать примерно три четверти военных. Рабочие руки требовались в гражданском секторе – на стройках Звёздной Лиги в изгнании. Тяжёлые тесты, которые должны были пройти солдаты всех рангов и званий, были лишь средством для этого. И всё-таки, вряд ли все демобилизованные мужчины и женщины могли так покориться судьбе, как Джилл. *Найдут ли они все своё новое место в жизни?* В число тех, кого уволили из армии, входили даже седые ветераны, служившие генералу более сорока лет. *Смогут ли они привыкнуть?*

Андрей не мог дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но ему и не хотелось найти ответ. Он перенёс уже достаточно боли и был не очень-то уверен, не разрушит ли ещё одна встреча с Джилл картонный домик по имени Андрей.

12

Двести километров севернее Новой Москвы

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

16 января 2788 года

За его спиной грохот шагов звучал, как барабаны в ритме самбы – это преследующая стая неуклонно приближалась к Андрею. Он соскользнул с дерева, на котором сидел – винтовка сильно мешала. Пригнувшись, он метнулся к очередной группе кустов, приближаясь к цели.

За день Андрею удалось забыть, что он находится на чужой, недавно заселенной планете. Однако ночью, особенно здесь, неподалеку от границы так называемого Освоенного пояса, вся атмосфера ощущалась ещё более чужеродной, чем когда-либо. Запахи, которые нос не мог определить, витали в воздухе. Загадочно мигающие огоньки подсвечивали тут и там тьму – и ни один человек не мог бы сказать, что за существа излучали этот свет. По смутным очертаниям Андрей мог сказать, что это не были ни жуки, ни птицы. Собственно, эти создания вообще не были похожи ни на что, виденное им до сих пор. Они беспрестанно излучали сбивающие с толку блики, оставлявшие на сетчатке глаз быстро исчезающие пятна.

Андрей пребывал в напряжении, его руки слегка дрожали.

Внезапно он услышал на небольшом расстоянии от себя шорох и замер. Хотя это, вообще-то, было запрещено – Андрей и его однокашники были, в конце концов, всего лишь кандидатами в кадеты – их подготовительный класс за последнюю неделю предпринял несколько «прогулок», чтобы по-быстрому научиться азам пехотной и командной тактики. Сейчас Андрею это могло. Вместо того, чтобы кинуться на землю, что не только наделало бы шуму, но и на время

повредило бы собственной способности слышать, он просто застыл на месте. Сконцентрировавшись на окружающем пространстве, он попытался определить источник шороха.

Небольшой кустарник, расположенный поблизости от него, мог скрыть разве что эдемского бобра. *Оттуда, может быть?* В темноте он мог разглядеть разве что неясные тени – ещё несколько кустов, к которым он стремился.

Андрей продолжал ждать, одновременно пытаясь размеренно дышать и расслабить мышцы, чтобы избежать судороги. Ночь пела свою монотонную песню: шумели деревья, микроскопические лапки и челюсти насекомых создавали постоянный, нереальный шорох, лёгкий бриз в траве, расстилавшейся вокруг Андрея.

Так близко. Мне нельзя сейчас останавливаться. После высадки с вертолета у Андрея был ровно час, чтобы убежать. Потом по пятам за ним отправилась команда охотников. Он пробежал почти двадцать километров, большую часть времени – в темноте, причём несколько раз обходил засады. Теперь Андрей был близок к цели.

Он мысленно восстановил голокарту в памяти, медленно кивнул. *Осталась только та просека впереди. Меньше ста метров.*

Хотя его мышцы буквально умоляли его рвануться, очертя голову, вперед, Андрей ещё минут пять оставался на месте, стараясь слиться с ландшафтом. Он попытался представить себя единым целым с кустом и чужой, многолиственной травой под ногами. Он даже немножко покачивался от ветра, чтобы не оставаться заметно неподвижным.

В конце концов, когда Андрею показалось, что он сейчас завопит от сплошного бездействия, а тьма и окружающая природа полностью объяли его, он медленно и осторожно сдвинулся с места. Он переставлял ноги так легко, словно пытался подкрасться к одной из лошадей, недавно адаптированных учеными к местным условиям.

Ничего не произошло. С ухмылкой Андрей сориентировался и, уверенный в себе, ускорил шаги. *Цели определены, задачи поставлены – за работу, товарищи!*

В следующий момент – между двумя шагами – перед ним возникла тень. Инстинкты, вымуштрованные годами, потраченными по настоящему матери на обучение самообороне, пробудились к жизни и он немедленно рванулся вперед. После нескольких шагов он изменил направление и побежал дальше, выставив перед собой винтовку – не стрелять, а отводить в стороны нависающие над тропой ветви. Ни звука не было слышно, когда тень припала на колено, в то время как Андрей пробежал мимо ещё одного человека, который пытался перерезать ему дорогу.

Нет. Не сейчас, когда до цели так близко!

С трех различных направлений в Андрея очень больно попали несколько выстрелов. Он затормозил, споткнувшись, и стал себя осматривать. По его маскировочному комбинезону стекали вниз зеленоватые потеки из попавших в него баллонов с краской. Они недвусмысленно указывали на его нынешнее состояние: «убит при исполнении».

Я не понимаю. Так близко. Так, чёрт побери, близко! Почему? Этот вопрос звенел в голове Андрея, когда он оглядывал своих преследователей. Вокруг него из тени выныривали все новые тёмные фигуры и направлялись к своей «мёртвой» цели. Андрей проиграл.

* * *

– Ты пробежал довольно прилично, Андрей – сказал полковник Карсон. В его голосе звучало тепло, но Андрей отказывался воспринимать это.

Они стояли в небольшой командирской палатке, которая была поставлена специально для того, чтобы проводить «разбор полетов» с кандидатами – Андрею предстояло теперь истачивать зубы о собственное поражение. Он снова и снова переживал последние часы – все ловушки, которые обошел, все ситуации, когда его чуть не поймали.

Было бы лучше провалиться в самом начале, чем так близко от цели. Андрей буравил взглядом стенку палатки и пытался поджечь им тонкую синтетику, из которой та была сделана.

Наступила тишина, прерываемая лишь шелестом просматриваемых Карсоном документов. Результаты тестов Андрея. *Мое позорище.*

Он знал, что как минимум половина этих бумаг повествовала о его самой большой слабости. *У меня было оружие в руках – причём всего лишь игрушечное оружие! И всё равно, в решающие моменты я даже не думал его использовать!* Он мог вывести из строя половину патрулей, пока они на него охотились, но каждый раз он избегал стрельбы.

Однако что Андрея в самом деле злило до безумия – так это то, что он знал: экзаменаторы знали о его слабости и построили тест именно на этом. Тот факт, что все офицеры и кандидаты при прохождении тестов сталкивались именно с теми ситуациями, в которых должны были преодолевать свои слабые стороны, его не слишком утешал.

Они могли меня завалить ещё в тот момент, когда я выскочил из укрытия. Но им надо было видеть, как яотреагирую. Смогу ли я преодолеть свое отторжение личного оружия. Андрею хотелось заорать на самого себя. Всё наигранное безразличие, все – пусть и умные – игры в адвоката дьявола, все было сметено страхом, который Андрей пытался объяснить глупостью.

Карсон прокашлялся, прервав невесёлые раздумья Андрея.

– Вообще-то я не могу говорить о результатах других кандидатов, но могу тебе сказать – ты прошел гораздо дальше большинства из них.

Но недостаточно далеко.

– Ты прошел даже дальше некоторых, кто служил в моей части. – Этот странноватый юмор почти заставил Андрея улыбнуться, но броня злости и разочарования от поражения оставалась по-прежнему непробиваемой.

– Андрей, ты должен быть удовлетворен своими результатами. Ты никогда не был формально зачислен в одну из академий СОЗЛ, при этом по сравнению со всеми остальными у тебя замечательные показатели. – Полковник ерзал на своем стуле так, что тот скрипел.

– *Андрей.*

Хотя полковник не повысил голоса, Андрей немедленно посмотрел ему в лицо – одна из *этих* интонаций. Лицо полковника было серьезным, но дружелюбным.

– Почти что в первые двадцать процентов – и это без военного образования. Кроме того, у тебя хорошие отзывы в категории «Общие навыки» – именно то, что генерал требует от людей СОЗЛ в изгнании. Что с того, что ты проскочил мимо этой двадцатипроцентной отметки? Ты попал в первые двадцать пять – а значит, разрешение поступить в Академию у тебя в кармане.

А у Николая получилось. Осознание этого факта горело в Андрее, как уголек, лежащий на ладони. Его братец никогда не даст ему об этом забыть.

В глазах Карсона плеснуло раздражение и голос его больше не звучал доверительно. Теперь они снова стали полковником и лейтенантом.

– Я не затем тут сижу, чтобы тебя утешать, и я терпеть не могу, когда кто-то сам себя жалеет. Ты сделал большое дело и если ты этого не в состоянии понять, если ты вечно должен сравнивать себя с... другими, я тебе помочь ничем не могу. У тебя большие задатки. Я надеюсь, ты это когда-нибудь поймешь.

Андрей не пропустил мимо ушей запинку в речи полковника. И он отлично знал, что тот, собственно, хотел сказать.

Николай.

Снова накатила боль, словно от открытой раны, которая никак не желала затягиваться. *Что делает мой брат.* Андрей не видел Николая почти шесть месяцев, однако его присутствие тащилось за ним, как тень – приклеенная к нему, неразлучная тень.

Какое-то мгновение он хотел бросить в лицо полковнику яростное «Нет!». Он почти готов был выкрикнуть, что СОЗЛ ему совершенно неинтересны. Эти слова повисли на кончике языка, рот Андрея открылся и лёгкие набрали воздух, чтобы сказать полковнику и своему отцу – и прежде всего Николаю – куда именно они могут засунуть свои драгоценные СОЗЛ.

– Благодарю вас, полковник. Я рад попасть в Академию.

И снова его дикую ярость задушила мысль о человеке, умершем от его руки. Он должен прекратить это – словно посадочный корабль, который не в состоянии бороться с гравитацией, заходя на посадку. Слишком большая тяжесть, слишком много ответственности, которую Андрей сам взвалил на себя – всё это неуклонно тащило его назад. *Только вот куда?*

Слишком много злости. На других. На себя. *Я должен победить свои страхи, даже если это меня прикончит.*

Что именно за страхи он имел в виду, он не мог сказать и сам.

13

*Нейрологическая клиника Шмитта, Новая Москва
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
9 ноября 2790 года*

Вертолет подпрыгнул и пилот захватывающим дух разворотом вернул его на курс. Андрей, не слишком доверявший ремню безопасности – особенно, если команда «забыла» захлопнуть дверцу – судорожно ухватился за спинку переднего сиденья. Он чертыхнулся, когда ветер, продувавший кабину, вырвал из его рук одну из белых академических перчаток и выбросил её вниз, на растущий не по дням, а по часам город.

– Весьма сожалею, кадет.

Сожаления в голосе пилота не было слышно. Андрей не ответил.

Это должно было случиться обязательно сегодня, правда ведь, Николай?

Маленький вертолет пересёк воздушное пространство, которое обычно было зарезервировано для развивающейся авиапромышленности, и рванулся в сторону больницы. Пока Андрей пытался поудобнее устроиться на своем сиденье, он мельком успел оглядеть панораму с высоты.

С почти что волнующей точностью Новая Москва расширяла свои границы в форме огромного колеса, расположенного вокруг правительственного здания в центре. Отсюда, из центра города с ещё недостроенными автостоянками, восемь широких улиц вели к окраинам. Вдвое больше транспортных колец, расширяющихся в наружную сторону, проходили по городу концентрическими кругами, прерываемыми лишь въездами и съездами. Два городских шоссе, по постройке которых на окраинах велись работы, разделяли город на три примерно одинаковые части. Городские постройки то и дело прерывались зелёными секторами. В общей сложности в Новой Москве сейчас жили примерно 250 тысяч человек.

Слева от него, северо-восточнее городского центра, Андрей мог разглядеть промышленный район с гигантскими сборочными цехами. Фабричные трубы, возвышавшиеся над всеми остальными зданиями, выбрасывали клубы дыма и пара, громоздившиеся на почти что двухкилометровую высоту, словно стараясь покинуть Эдем. На юго-востоке находился деловой центр.

Военная академия и тренировочные площадки расположились на западе до самого горизонта. Там же были строительные площадки фортов Брайана, которые позже должны были защищать город. В остальных районах преобладали жилые блоки. Если Андрей переводил взгляд с одного дома на другой, ему трудно было их отличить. Внешнее сходство было следствием скорости, с которой они возводились. Блочные дома, кое-где целые районы, разползались, словно быстрорастиющие грибы, по всем новоосвоенным земельным участкам. Бесконечная серость, лишь кое-где прерываемая мягкими зелеными и голубыми тонами, местами – чужеродно выглядящими черепичными крышами, выжженными из эдемской глины.

Если бы не необходимость создать жилье для стольких людей, если бы не бесконечная работа, которую этим людям предстояло ещё выполнить, если они хотели освоить враждебный мир их новой Звёздной Лиги, этот вид бы расстроил Андрея.

Вертолет начал снижаться. Когда они зависли над посадочной площадкой, винты завертелись медленней. Андрей провел кончиком языка по губам, словно хотел слизнуть крошки замечательного пирога, от которого его оторвали. *Именно такой, как я люблю. И, как многое в его жизни из того, что он любил, этот пирог оказался для него недоступен.*

– Подождите ещё немного, кадет, – сказал пилот.

– А что мне ещё остается? – Андрей попытался сказать это безразлично, однако прикусил язык.

– И вправду, ничего.

Тон пилота заставил Андрея ухмыльнуться. *Ты, похоже, имеешь в виду, что моей смелости хватает только на то, чтобы прикусить себе язык.*

Через несколько минут пилот получил разрешение на посадку и неспешно стал снижаться. Выскочила лесенка и вертолет элегантно приземлился на крышу клиники.

– Спасибо, счастливого полета, – пробормотал Андрей, отцепил ремень и выскочил из машины прежде, чем смог услышать ответ. Ещё раньше, чем он удалился от посадочной площадки хотя бы на пять метров, пилот рванул вертолет вверх. Воздушный удар рванул одежду и толкнул его самого вперед – небольшой совет пилота поработать над манерами. Не оборачиваясь, Андрей открыл дверь и стал спускаться по лестнице.

Контраст с ярким, безоблачным днем снаружи не мог быть более впечатляющим. Внутри здания обстановка бросала в искусственном свете в разные стороны стыдливые тени. Каждый закуток, казалось, скрывал какие-то тайны. *За каждой дверью – враг.*

Андрей ненавидел больницы. Он ненавидел их со времен оккупации Терры войсками Амариса – со времен, полных крови и смерти. Похоже, смерть любила также и новоосвоенный мир Эдема. Внеземные микробы, опасная работа, дикая флора и фауна, которая в худшем случае расценивала людей, как пищу, вирусные заболевания, возникающие из ничего и взрывавшиеся эпидемиями, в общем – колонисты платили за каждый день страшную цену. Когда Андрей приблизился к комнате, где лежал его брат, ему пришел в голову вопрос: а не стоило бы надеть защитную маску?

Он бы счёл это слабостью. Андрей ухватился за ручку куда сильнее, чем это было необходимо, и открыл дверь.

Я что, ошибся комнатой? Почти полностью затемненное помещение заставило Андрея затаить дыхание – он ожидал увидеть больше признаков присутствия своего брата. В единственной кровати, которую он заметил в центре комнаты – почти невидимый отблеск простыней, за которыми притаилась смерть, чтобы забрать с собой умирающего – со стонами двигалось тело. Медицинская аппаратура гудела, попискивала и вибрировала в отчаянных усилиях отогнать смерть от больного. Андрей немедленно ощутил носом типичный запах больницы, наполненный дезинфекторами и медикаментами. Он почувствовал себя опустошенным.

Брат.

С каждым моментом темнота рассеивалась, пока глаза Андрея привыкали к скудному освещению – он обнаружил ещё одного посетителя. В углу, опершись на стену так, словно лишь она одна ещё держала его в вертикальном положении, стоял генерал.

– Сэр! – отчеканил Андрей, вытянулся по стойке «смирно» и отдал салют. Секунды улетали в ритме пипикания аппарата искусственного сердца-почки, в такт с искусственно поддерживаемым пульсом. *Господи, до чего медленно.* Андрей подождал, пока тени не отступили ещё немного. Только тогда он увидел, что у отца закрыты глаза.

Он что, спит? Стоя? Он хотел что-то сказать, но промедлил. Преподаватели в Академии с большим трудом отучили его от таких нарушений протокола. Наконец, когда он был уже почти не в силах сдержаться, генерал опередил его ответом:

– Андрей. – Слово выползло из его бессильных губ, растянулось, сломалось и оставило внутри Андрея пустоту, глубже и больше которой попросту ничего не могло быть.

Воображаемые остатки глазури с пирога, казалось, жгли губы. Сладкое послевкусие вызывало головокружение и заставляло бурлить желудок. Ничего. Никаких «здравствуй», никакой радости, даже злости никакой. *Просто... ничего.*

– Сэр! – отчеканил он во второй раз. Он не знал, что делать, так что предпочел использовать схему поведения, вбитую ему в голову в Академии. Вдруг ему показалось, что темнота в комнате как-то связана с той пропастью, над которой балансировал он сам – ему грозило бесконечное падение в ничто.

Сухо, словно умершие листья, влекомые ветром над мертвой землей, шелестели кроватные пружины. Тихий стон, исходящий, казалось, от самых врат Преисподней, прозвучал в комнате. Несмотря на то, что этот замученный звук исторгся из перегруженных лёгких, он заполнил собой всю тишину. Их взгляды устремились к кровати. Они ждали, затаив дыхание. Медицинская аппаратура продолжала невозмутимо сообщать о постоянном, хотя и ослабленном пульсе. Кризис ещё не наступил. Тем не менее, оба могли чувствовать – смерть бродит сегодня где-то неподалеку, затеняя комнату предчувствием.

– Ты пришел, – нарушил тишину генерал. Андрей промедлил с ответом, не в силах оторвать взгляд от этой борьбы со смертью, проходящей перед ним словно в замедленной съемке.

– Конечно, сэр.

– В этих стенах ты можешь отказаться от «сэра». Это здесь неуместно.

Чувствуя пробуждение адвоката дьявола, Андрей так сильно прикусил язык, что тот едва не закровоточил. Он хотел едко ответить отцу, что его, Александра Керенского, никто не освобождал от генеральских обязанностей – но его испугал сердитый взрыв чувств отца.

Это здесь неуместно. Совершенно. Вы оба в последнее время не присылали мне паршивого письмишка, никаких «привет» или «как дела», как это делали раньше. А теперь вдруг вот это. Похоже, ты не можешь пережить, что ты вдруг оказался не в центре внимания, Николай. Что, твоего собственного дня рождения уже недостаточно? Он повесил голову, пристыженный, но тем не менее, не в состоянии преодолеть свои мысли.

– Когда это произошло? – Андрей попробовал снова в надежде, что беседа поможет преодолеть растущую пропасть между ним и его отцом.

– Трое суток назад, как мне сказали.

Андрей пораженно расширил глаза:

– Так неожиданно?

– Со многими все получилось ещё быстрее.

В помещении опять наступила тишина и Андрей стал лихорадочно рассуждать, что ему ещё сказать. Он отвел взгляд от инвалида, которого был совершенно не в состоянии воспринимать как брата, и посмотрел на генерала.

– Мама здесь была? – Андрей ещё в детстве привык проводить долгие отрезки времени без матери. Он, так же, как и Николай, не имели с ней много общего со времен оккупации Терры. Но она просто должна была появиться – *или не должна?*

– Она придет. – В голосе генерала не было уверенности в этом.

Хотя их отношения всегда были сложными, колебания вождя всех СОЗЛ наполнили Андрея непривычным страхом. Он сделал пару шагов навстречу генералу и лёгкие звуки от парадных ботинок прозвучали в царящей кладбищенской атмосфере, как винтовочные выстрелы.

– Отец, что говорят врачи?

– То же, что они всегда говорят, – только теперь генерал поднял голову, чтобы взглянуть на Андрея. Глядя в пустоту в глазах отца, тот едва не шагнул назад.

– У них нет ни малейшего представления о причинах болезни, не говоря уже о том, как остановить процесс. Ему придется просто справляться самому. Выживает примерно четверть.

Андрею снова показалось, что в помещении стало темнее. Они оба знали: почти все, кого свалила эта болезнь и кто пережил её, получили неизлечимые мозговые травмы. Андрей задрожал. Злость, горечь, отчаяние. Все эти чувства он мог понять, ощутить. Но НЕЧТО заставляло его нервничать.

– Как твоя учёба?

Андрею сначала показалось, что он ослышался. *Отец спрашивает о моей учёбе? О моей жизни?*

– Все прекрасно, сэр.

– Да забудь ты, наконец, это «сэр»!

Большая часть помещения все ещё была затемнена, так что разглядеть было можно мало что. Тем не менее, Андрею показалось, что он увидел, как на долю секунды черты отцовского лица отразили улыбку. *Нет. Этого не может быть.*

– Извини, отец.

– Так как учёба?

– Хорошо, сэ... папа.

– Я слышал, ты попал в сборную по стрельбе.

– Утвердительно. Как раз вовремя, чтобы поучаствовать в следующем месяце в матче против Академии Цирцеи.

– Неплохо.

Андрея охватила растерянность. Нереальность ситуации сбивала его с толку. Мучитель Андрей – *мой брат* – лежал при смерти, а его отец, который долгое время едва перемолвился с ним парой слов, болтал с ним об обучении и о жизни. Андрей задавался вопросом, не попал ли он через эту дверь в какой-то другой, альтернативный мир, в котором Николай не управлял его поступками, а отец заботился о своем младшем сыне.

– Значит, подождём, – Андрей не мог больше выдержать тишины.

– Разве это не то, что мы делаем всегда? Ждём, потому что так надо. Ждём, потому что имеющиеся у нас возможности выбора таковыми вовсе не являются – пока выбор не будет сделан за нас, а тогда – по мере сил реагируем?

Впервые голос генерала окрасили эмоции. Что-то было, но Андрей не мог это «что-то» ухватить. В словах генерала блуждали переживания последних четырёх лет – и ещё нечто. Все это время лидер СОЗЛ пытался делать лучшее в страшнейших ситуациях. Кто бы смог в таких условиях отыскать время для предусмотрительных действий?

Будет ли он всегда обвинять себя в смерти Саймона Камерона? В крахе Звёздной Лиги? Будет ли он до самого конца видеть виноватого только в себе? Андрей отвернулся. Чувство пустоты заполонило его окончательно.

Стану ли я тоже всегда обвинять только себя? Любой ответ на этот вопрос глотала пустота.

Андрей медленно повернулся опять к кровати. Он вдруг понял, что проклятие Керенских никоим образом не задело его брата. Николай принимал решения и действовал, казалось, совершенно не опасаясь последствий. Андрей едва не захихикал в истерику, осознав это. *Человек, который готов действовать без малейших угрызений совести, стоит на пороге смерти, а мы, на ком последствия любых действий висят, как свинцовые гири, должны жить дальше.*

Что касается этого, то Андрей даже в какой-то мере завидовал своему брату.

*Военная академия Эдема, Новая Москва
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
1 июля 2792 года*

Толпа нетерпеливо ожидала. Лёгкий ветер дул над огромным стадионом, принося с собой городские запахи, давая легкую прохладу множеству людей, стоящих под палящим солнцем. Андрей оглядывал бесконечные, переполненные ряды скамей на трибунах стадиона.

Похоже, не меньше сотни тысяч человек. Треть населения города! Он покачал головой, представив себе, что целые районы Новой Москвы опустели. Потом он снова начал воспринимать окружающее и сделал усилие над собой, чтобы не потерять воинской выправки.

Наконец, прежде чем волнение публики перехлестнуло через край, генерал направился к трибуне, возведенной на возвышении в южной части стадиона. Несмотря на свои девяносто два года, генерал двигался с исполненным силы достоинством, облекающим его лучше, чем блестящая парадная униформа СОЗЛ – почти физически ощущаемое присутствие, заставляющее все глаза устремиться к нему. Добравшись до пульта, он оперся на него обеими руками и оглядел собравшихся. На каждого из выстроившихся перед ним кадетов он взглянул отдельно – его глаза задерживались достаточно долго даже на тех, кто стоял в задних рядах, отдавая дань уважения каждому из них.

Андрей едва мог дождаться, когда взгляд генерала упадет на него. Взгляд его отца. *Смотрел ли он на меня дольше, чем на других? Или я для него – такой же обычный кадет, как все остальные? Один из миллионов сыновей?* Казалось, пропасть между ними всё увеличивалась.

Хотя генерал по-прежнему сохранял выправку гораздо более молодого человека, черты его лица отражали заботы и тревоги целой человеческой жизни. Резкие морщины на лбу и едва видимые мешки под глазами говорили сами за себя. Тем не менее, яркие голубые глаза по-прежнему излучали невероятную мощь – силу, которая превращала генерала для многих колонистов в мистическую фигуру.

Андрею вспомнилось множество разговоров, восхищение, с которым другие кадеты говорили о генерале. Он попытался задвинуть эти воспоминания подальше в угол сознания.

Всего лишь генерал. Всего лишь мой отец. Как всегда, это не помогло.

Тишина длилась почти полных пять минут – пауза, которую вместе с оратором «держали» и зрители, затаив дыхание и оставаясь стоять по стойке «смирно». Но вот генерал заговорил.

– Кадеты. Сегодня вы становитесь наследниками давней, полной чести и достоинства традиции. Эта традиция была основана в 2571 году торжественным провозглашением Звёздной Лиги и прокламацией о создании СОЗЛ, которые были призваны защищать Лигу на протяжении столетий. И в то же время вы выступаете сегодня в путешествие в неизвестность. Вы – наше будущее: лидеры, призванные вести нас на исходе столетия в новое время. Вы все должны гордиться этим днем. И жители Новой Москвы могут гордиться не меньше. Сегодня заканчивается целая глава нашей истории. Сегодня мы объявляем всем, что Звёздная Лига в изгнании растёт и ширится. Что идеалы, за которые столько наших товарищей отдали свои жизни, не были забыты, но стали реальностью, которая определяет нашу повседневность. Реальность, которую мы каждый день заново формируем для будущего – нашей самоотверженностью и нашим достоинством. Для будущего, которое принадлежит всем нам. – Он сделал паузу и его слова, казалось, на мгновение зависли в воздухе сами по себе, захватывая всех присутствующих здесь, под палящим солнцем.

Даже после стольких лет Андрей восхищался невероятной харизматичностью своего отца. Был ли здесь кто-нибудь, кто сомневался в нем? *Верят ли они еще, что генералу до них нет никакого дела? Как они могут оставаться необезбужденными теперь?*

Генерал наклонился вперед и вся масса ожидающих людей, словно под гипнозом, сделала то же самое. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Улыбка промелькнула по лицу Андрея. *Снова тот самый Пушкин, да, папа?* Если бы отец услышал о тех всеобъемлющих знаниях по русской военной истории, которые собрал Андрей за множество мучительных учебных часов – он был бы горд за сына.

– Мы вместе начали строить нечто грандиозное, – продолжил генерал. – Но фундамент нашей постройки ещё не тверд и здания, которое мы на нём возведем, ещё существует. Кое-кто из нас полагает, что мы уже сейчас достигли большего, чем могли ожидать, и мы должны быть довольны тем, что у нас есть. Для некоторых нынешнее положение вещей – это всё, к чему они стремились. Но вы, кадеты, не должны удовлетворяться малым и складывать руки. Для вас не должно существовать ничего, кроме желания идти дальше. Ничего, кроме потребности и энергии, чтобы развивать наши растущие день ото дня колонии, чтобы соединить их однажды в единое процветающее общество. В общество, которое когда-нибудь вернется во Внутреннюю Сферу, чтобы показать людям, оставшимся там, что мы остались верны идеалам Звёздной Лиги. Общество, которое даст людям в старых Великих Домах возможность увидеть сделанные ими ошибки, которое примет их с распростертыми объятиями в нашу семью – семью мира и процветания. Мы подарим им возвращение в Золотой Век, который для нас никогда не кончался.

Сила убеждения в голосе генерала, ещё более подчеркнутая звучанием собственной абсолютной убежденности, заключила Андрея в объятия, стала бальзамом на раны, оставленные жизнью в изгнании. Сердце бешено колотилось у самого горла – ритм, который разделяли сотни тысяч людей вокруг него. И миллионы тех, кто смотрел трансляцию речи по головиду.

Единый ритм, единый разум – ведомый генералом во славу Звёздной Лиги.

Генерал поднял правую руку и сжал ладонь в кулак – не в жесте злобы, а так, словно он хотел достичь чего-то, какой-то высокой цели.

– *Carpe diem!* Вы, кадеты, уже сделали этот день особенным. Используйте дни, которые ещё придут. Используйте каждый день вашей жизни и вы сможете гордиться собой. Ваши сограждане будут горды вами. Я буду горд вами. Поздравляю вас.

Генерал медленно сделал шаг назад и отдал честь. Четыреста двадцать семь женщин и мужчин вскинули руки в идеальном салюте и единый многоголосый щелчок каблуков на удар сердца повис в тишине. Созданное личностью генерала напряжение спало с публики и люди начали вскакивать со своих мест.

Громовые аплодисменты.

* * *

– Андрей, – голосу удалось пробиться сквозь шум и привлечь внимание Андрея. Когда он осторожно обернулся – помня, что переполненный стакан с красным вином находится в опасной близости с белой парадной униформой – он увидел группу женщин и мужчин, направляющихся к нему.

– Вот это я называю выпускным вечером. На порядок лучше моего собственного! – заорал Джейсон и хлопнул Андрея по плечу так крепко, что тот рухнул бы на пол, если бы не предотвратил удар. Струя красной жидкости, перехлестнувшая через кисть, лишь на миллиметр разминулась с манжетой.

– Майор, так с новоиспеченными выпускниками не обращаются, – взял слово Карсон. Андрею в который раз показалось, что массивная фигура этого человека заставила потемнеть солнце, когда тот подошел к ним. – В конце концов, у тебя вообще не было выпускного вечера, – тот, к кому он обращался, встал по стойке «вольно».

– Прямое попадание, – воскликнул Джейсон, судорожно хватаясь за сердце.

– Не будь так мелочен с молодым человеком, – заметил Уиндхэм и его улыбающееся бородастое лицо появилось в поле зрения Андрея за спиной у Карсона, как с нетерпением ожидаемый корабль, входящий в порт.

Андрей вечно чувствовал себя в присутствии Карсона подчиненным. Это чувство усилилось, когда он заметил звезду генерал-лейтенанта на его плече. Андрей немедленно вытянулся.

– Вас также можно поздравить, сэр!

Карсон польщенно повел здоровенными плечами.

– Ну, я думаю, они там заметили, что я ещё могу кое-кого кое-чему научить.

– Андрей, не дай себя облапошить. Они с ходу поставили его командиром 149-го. – ещё один человек присоединился к группе. Он, конечно, не был таким огромным, как Карсон, но благодаря своему мускулистому сложению без труда втиснулся между Карсоном и Уиндхэмом.

Сначала Андрей не знал, что ему ответить. Этого лица с открытой улыбкой, увенчанного копной соломенных волос, он не мог вспомнить. Но одинокая чёрная звезда на его плече, такая же, как на униформе Карсона, заставила Андрея почувствовать себя ещё неуютнее. Что за люди собрались здесь, чтобы отпраздновать его выпуск вместе с ним? В конце концов, ему удалось отцепить от нёба язык, приклеенный туда густым сладким вином:

– Прошу прощения, сэр?

Хохот Джейсона заставил его покраснеть. Его визави снова улыбнулся и протянул руку:

– Меня зовут Стивен Маккенна.

– Летун! – благоговейно вымолвил Андрей, когда к нему снова вернулось дыхание. Он едва не уронил стакан, поспешно отдавая салют.

Стивен расслабленно вернул приветствие:

– О'кей, мы уже покончили со взаимными почестями? Меня зовут Стивен.

Улыбка этого человека была заразительной и Андрей несколько расслабился, пожимая руку Маккенны.

– Андрей. Рад с тобой познакомиться. Карсон о тебе все время рассказывал.

Я и мечтать не смел оказаться в такой компании. Интересно, чем я такое заслужил?

– Андрей, генерал-лейтенант ищет тут себе рекрутов, – прервал Карсон. – Он прилетел на эту планету, чтобы набрать незанятых солдат, с которыми потом полетит исследовать газовые гиганты, замерзшие кучи грязи и много-много вакуума.

Стивен бросил на Андрея заговорщический взгляд, словно желал разделить с ним некую тайну, потом повернулся к Карсону.

– Я совершенно уверен, что некоторые отдельные замерзшие кучи грязи тут – твои собственные.

Андрей отчаянно боролся за свое самообладание, но не смог сдержаться и захихикал. Он тут же обратил внимание, что смех Джейсона и Уиндхэма был совершенно заглушен раскатистым хохотом самого Карсона – так что он расслабился.

– Да, это в самом деле так. Я прилетел отыскать себе пару рекрутов, – продолжил через некоторое время Стивен. – Я слышал, ты интересуешься исследовательскими экспедициями? Добро, я даю тебе шанс. Карсон говорил о тебе исключительно хорошее. Я посмотрел твои результаты и должен согласиться с ним. Давай пять и ты в команде.

Хорошее? Обо мне? Летун желает видеть меня в своей экспедиции? Эти мысли унесли Андрея далеко от действительности и от праздника, продолжавшегося вокруг него. Он видел сюрреалистический пейзаж, чьи краски, звуки и запахи тысячекратно перемешались друг с другом, закручиваясь внутрь невероятной спирали... все дальше и дальше, пока Андрею не показалось, что он растворился в ней полностью.

– Ха! Не так все просто, дружок! – Голос Карсона вернул его к действительности. Гигант сделал шаг к Стивену и с наигранной суровостью оборвал его. – Я столько о нем понарасказывал, потому что я хочу его забрать. Никаких браконьерств в чужих угодьях, пришелец из космоса!

Стивен засмеялся и успокаивающе поднял руки.

– Я совершенно уверен, что паренек сам знает лучше всех, чего ему хочется.

– Джентльмены, а вам не кажется, что пора уже говорить о нем, как о мужчине? – Небольшая фигура Уиндхэма ухитрилась проскользнуть между двумя здоровяками, – он вообще-то только что сдал последний экзамен.

– Эй там, сюда! Ещё пива! – взревел Джейсон, поставил свой пустой стакан на поднос проходившей мимо официантки и взял взамен полный.

– Я полагаю, кадет получит ещё одно предложение, от которого не сможет отказаться, – лишенный эмоций голос ударил по компании, словно луч ППЧ.

Андрей едва удержался, чтобы не съежиться, и глубоко втянул воздух. Он развернулся и снова вытянулся по стойке «смирно».

– Сэр!

Николай вернул приветствие с абсолютной точностью. Братя уставились друг другу в глаза и мир вокруг поблек, теряя краски.

Что ты опять задумал? Андрей знал о молниеносном возвышении брата через все ранги СОЗЛ. Звезда генерал-лейтенанта выглядела на плече Николая, словно татуировка. *Ты пришел лишь для того, чтобы показать мне, как далеко я нахожусь от твоего положения?*

Каким-то образом Андрею удалось не покраснеть, когда стыд за столь недостойные мысли захлестнул его. Братя не виделись почти что целый год. Андрей лихорадочно соображал, что за предложение Николай имеет в виду, но совершенно ничего не мог придумать. Он попытался подготовиться к тому, что его ожидало.

– Могу ли я поинтересоваться, что это за предложение?

Андрей узнал голос Стивена – Николай перевел взгляд на космонавта. Словно под сильным электрическим напряжением, Андрей сделал шаг назад, повернулся и сделал глубокий вдох – он знал, что обязан Стивену услугой.

Николай и Стивен оглядывали друг друга, словно дикие коты, пытающиеся оценить один другого. В отличие от остальных присутствующих, Стивен, похоже, совершенно не был впечатлен появлением Николая и его фамилией. *Слава семьи Маккенны простирается даже на пару сотен лет дальше в историю, чем слава семьи Керенских – во дни основания Гегемонии Терры.* Андрей знал, что Стивен в бесчисленных битвах за освобождение Терры показал себя достойным имени своей семьи.

Николай почти презрительно пожал плечами и ответил:

– Полковник Джефферсон подал рапорт о немедленном переводе Андрея в преподавательский состав Академии. – Он бросил на Андрея ледяной взгляд – Даже если не иметь в виду его способности контролировать мех, трюки Андрея с винтовкой просто... впечатляют.

Лицо Николая расплылось в глазах Андрея, словно воздух в помещении заколыхался от жары. Его язык прикоснулся к совершенно сухому нёбу, он почувствовал страшную жажду и поднес стакан с вином почти к губам, прежде чем заметил, что тот пуст. Несколько секунд он стоял, бессильно уставившись на дно стакана и не понимая, куда подевалось вино.

Покашливание оторвало его от созерцания и он увидел серьезное, но дружелюбное лицо Уиндхэма, который ему подбадривающе кивнул. Андрей мог ясно слышать невысказанные слова Божьего человека: «Оставайся сам собой». Медленным кивком Андрей дал Уиндхэму знать, что он все понял, и снова обернулся к Николаю. На долю секунды его взгляд задержался на знаках различия брата.

Протекционизм? Исходящий не напрямую от отца, а от других командиров, которые хотят польстить генералу? Или просто ускоренная демилитаризация СОЗЛ? Хотя Андрей не мог найти ответов на эти вопросы, но они хотя бы подкрепили его уверенность в себе. Броня Николая дала трещину.

– Сэр, я чувствую себя польщенным рекомендацией полковника, но я вряд ли смогу принять это предложение. Мне не кажется, что мои способности настолько превосходят способности солдат, получивших многолетний опыт полевой службы. – Он мягко улыбнулся, отвечая на

тяжёлые, холодные взгляды, которые бросал на него брат. *Я подыграю и сделаю вид, будто знал о запросе полковника. Ты ведь не хочешь, чтобы наше имя было замарано, не правда ли, Никки?*

– Естественно, этого не может быть, – парировал Николай. – Как бы то ни было, генерал нашел твои результаты достаточными. В рассуждении новой эры – мы привлекаем новых, молодых кадетов к идеалам Звёздной Лиги – было бы решающим фактором, если бы ты подал пример того, как быстро прошлые поражения можно превратить в победы будущего.

Андрей почувствовал, как именно в этот момент что-то в нем умерло. Он так долго пытался изгнать собственных демонов, подавить свои сомнения и смириться со сделанными ошибками. Одной фразой Николай уничтожил все успехи и отбросил Андрея далеко назад. Почти забытая уже вонь горелого мяса вновь проникла в его ноздри, изгнав аромат шашлыка, доносившийся из буфета. Частая канонада множества штурмовых винтовок Маузера грозила ослепить Андрея. *Это что, болезнь сделала тебя таким бесчеловечным, Никки?*

– Сэр, при всем уважении – вы не находите это немного слишком жёстким? – осторожно спросил Джейсон. Обычно всегда готовый пошутить, на этот раз он говорил абсолютно серьёзно. Андрей бессознательно повернулся к Джейсону – утопающий, пытающийся добраться до спасательной шлюпки.

Благодарю тебя.

– Если меня правильно информировали, завтра у вас дежурство, майор, – сказал Николай и ему удалось сделать свой голос ещё более невыразительным. – Вот это у вас в руках – случайно, не четвертый стакан пива? Мне кажется, вы должны явиться ко мне в кабинет уже в четыре-ноль-ноль, а не в шесть-ноль-ноль. Я позабочусь, чтобы перед службой из вас с потом вышел весь алкоголь.

Сердце Андрея бешено колотилось и он был на грани взрыва, когда Джейсон покосился от этого залпа и стал тонуть. В какой-то момент ему почудилось, что Николай только потому перевел Джейсона к себе в 146-й, что Андрей был с ним дружен. *Делай со мной, что хочешь, брат, но оставь в покое моих друзей!*

– Николай, брат, – сказал Андрей, пытаясь неожиданной фамильярностью отвлечь внимание своего брата на себя. – Я поговорю с полковником насчет этого. Я уверен, что мы сможем договориться.

Как это тебе опять удалось, Николай? Я знаю, что это твоя работа. Ты вечно дёргаешь за ниточки. Ты вечно пытаешься мною манипулировать. Почему? С какой целью? Чтобы держать меня подальше от поля боя? Чтобы сделать из меня на остаток жизни бумажного генерала? Чтобы быть уверенным, что я никогда не смогу тебя обогнать?

– Я в этом не сомневаюсь, – как и раньше, в разговоре со Стивеном, голос Николая звучал спокойно, как будто эта тема была второстепенной. Только глаза выдавали ложь. – Как бы то ни было, полковник пришел к выводу, что это было бы только хорошо, если бы в Академии преподавал Керенский. «Большая честь» или что-то в этом роде, как он выразился.

Андрею казалось, что он ощущает каждое слово всем телом. Каждое слово – удар по нему и его чувству собственного достоинства.

Мое имя. Снова и снова мое проклятое имя.

Военная академия Эдема, Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

1 сентября 2794 года

– Что это такое? – спросил Андрей под смех класса. Он медленно поднял демонстрируемый объект вверх и повертел его в разные стороны, чтобы все кадеты могли его разглядеть. Прошло десять секунд, но никто так и не ответил.

– Давайте-давайте, не спите. Я понимаю, что вы все ещё не слишком проснулись, или мучаетесь над вопросом, какому начальнику какой сапожный крем больше нравится, но может быть, кто-нибудь сможет мне сказать, что это у меня такое в руках? – По залу прокатилась новая волна перешептывания и хихиканья, после чего кто-то подал голос из задних рядов:

– Это ружьё!

Андрей сконцентрировал свое внимание на источнике звука, но ему не удалось понять, кто именно ответил. Он перевернул винтовку и установил её в специальные зажимы на своем пульте. Потом он наклонился, опираясь на оружие до тех пор, пока не почувствовал привычный холод металла на ладонях. *Сердечные объятия.*

– Так, а что скажут другие? Это ружьё?

– Нет, сэр, – голос принадлежал девушке в первом ряду: худенькая, темнокожая, она носила волосы до плеч, из-за чего её темные глаза выглядели ещё более загадочными.

– Кадет...

– Куфалл.

– Итак, кадет Куфалл, почему вы полагаете, что это не ружьё?

– Потому что это оружейная система, – ответила она с лёгким акцентом, который Андрей не смог узнать.

– Точнее сказать, это «Маузер-960», тактическая пехотная оружейная система. Ружьё? Может быть, у кадета, который так утверждает, что-нибудь в этом духе висит дома в шкафу. Где-нибудь.

По классу прокатился смех и Андрей почувствовал потребность призвать группу к порядку – как учитель, он должен был сохранять среди учащихся хотя бы минимум дисциплины. Он улыбнулся Куфалл глазами, после чего обернулся к группе и поднял руки, призывая кадетов к молчанию.

– Несмотря на... интересное предположение, кадет Куфалл совершенно права – подобным знанием, похоже, не обладает никто из вас, потому что оно ещё не было вбито вам в мозги сержантом-инструктором. Ружьё вешают над кроватью или на него глядят по головизору. Но как кадеты военной академии и будущие солдаты, вы должны самым близким образом познакомиться со всеми системами личного оружия – независимо от того, в какой род войск СОЗЛ вы записались. Через несколько лет вы ни в коем случае не сможете сдать выпускной экзамен без всеобъемлющих знаний в этой области.

– А когда мы, наконец, сможем поиграться с нашими «оружейными системами»? – вновь послышался безымянный голос из задних рядов. Андрей снова попытался найти его обладателя, но эта попытка была обречена на провал: перед ним сидели пятьдесят человек. Впрочем, на этот раз он смог хотя бы засечь примерное направление, с которого говорил кадет. Несколько студентов в заднем ряду, прямо возле дверей, сидели с одинаково скептическими минами на лицах. *Н-да, придется поработать, без вопросов.*

– Ну, я надеюсь, что вы не станете играть с вашими маузерами. – В классе снова зазвучали отдельные смешки. Андрей кинул взгляд на кадета Куфалл и увидел, что она прилагает большие старания, чтоб не прыснуть. *Хорошенькая.*

– Как бы там ни было, – продолжил он, поспешно задвигая нескромные мысли в уголок сознания, – для начала мы не станем *играть* ни с каким оружием. Знаний того, как целиться и куда нажимать, чтобы машинка сделала «бум», недостаточно. Вы должны знать оружие снаружи и изнутри, прежде чем сможете пользоваться им.

Он молниеносно поднял полностью заряженную, двадцатикилограммовую винтовку вверх, развернул её по собственной оси в горизонталь и положил перед собой на пульт.

– Вы должны знать оружие так хорошо, что смогли бы вслепую его разобрать и собрать снова, – сказал он, одновременно пытаясь охватить взглядом как можно больше кадетов. При этом он неосознанно имитировал тон генерала, который всегда без труда привлекал к себе внимание всех и каждого.

Одновременно Андрей начал очень быстро, экономными движениями разбирать винтовку.

– Во время шторма и грозы, – Андрей ухватился за затвор, потянул, повернул и вынул его, положив рядом. – В кровавой грязи, – его палец нажал на спусковой крючок, после чего Андрей повернул весь спусковой механизм и вытащил его. Одним движением кисти он отщелкнул прицел и положил около себя. – Когда вокруг вас рвутся снаряды, – Теперь, когда спусковой механизм был удален, правая сторона затвора оказалась открыта и болталась туда-сюда. Ещё одним поворотом Андрей освободил магазин подствольного гранатомета и вытащил его со стороны ствола. – Когда шаги меха будут звучать так близко от вас, что у вас застучат зубы и вы начнете неконтролируемо пытаться удержать равновесие, – с этими словами он сильно потянул ствол гранатомета назад, развернул его почти на триста шестьдесят градусов и вынул. – А также, пока вам будет казаться, что вы тонете в вашем страхе, а Смерть несется на вас с поднятой косой, – Андрей закончил работу, так ни разу и не взглянув на собственные пальцы. Все части штурмовой винтовки лежали перед ним, аккуратно рассортированные. – Только абсолютная уверенность в обхождении с вашим оружием даст вам хоть один шанс пережить ваше первое боевое задание.

Вся группа застыла, глядя на эту демонстрацию. На какой-то момент Андрей изумился тому, что компания у дверей так просто успокоилась. Однако в конце концов оттуда снова послышался упрямый голос. *Тот же кадет.*

– Но сэр, какое мы имеем отношение к полю боя? Войн больше нет. Мы оставили их позади.

На этот раз Андрей смог распознать обладателя голоса. Паренёк обладал рыжими волосами, приметными чертами лица, а движения его были несколько наигранными. *Прямо ни дать, ни взять – аристократический отпрыск, а пацанята вокруг – его свита. У нас тут набралось немало студентов, которые учатся в академии, чтобы сделать приятное папаше.* Андрей попытался отвлечься от двусмысленности этого утверждения.

Неожиданно он вспомнил случай в баре пару лет назад. И об очень способной девушке, которая на миллиметр упустила свой шанс остаться в СОЗЛ – выброшенная в жизнь, которую она себе не выбирала. Тогда он видел отчаяние в её глазах – недовольство собственным положением, крахом надежды помочь исполнить мечту генерала. её мечту. *Интересно, Джес всё ещё мечтает о том же?*

Но в присутствии пятидесяти кадетов Андрей не собирался заниматься собственными проблемами, так что он вновь вошел в привычную для себя роль – адвокат дьявола.

– Откуда вы знаете, что войн больше не будет? Может быть, вы уже завтра будете вынуждены бороться за собственную жизнь. За чистое выживание. – Он наклонился за пультом вперед и проткнул кадета взглядом потемневших глаз. – Если вы больше ничего не можете придумать, даже оставив в стороне нашу *мечту*, на свете все ещё остается более чем достаточно преступников, и даже примерное знание различных видов оружия может когда-нибудь означать для вас разницу между победой и поражением.

Хотя кадет ничего не ответил, нахальное выражение никуда не девалось с его лица. *Похоже, ты бунтарь, но видит Бог, как я надеюсь, что ты прав.*

– А кстати, – заметил Андрей безразличным тоном, причем лицо его вновь озарилось улыбкой, обращенной ко всей группе, – без меня вы не получите офицерских погон. – Вспыхнувший смех звучал ненаигранно: у большинства из них это получится.

– Ну что ж, давайте начнем работу.

* * *

Андрей направился в зарезервированную для персонала академии часть столовой и едва не выскочил немедленно обратно наружу.

– Андрей! – крикнула Паула Зински и дружески замахала рукой.

Попался.

Он двинулся к ней с улыбкой, словно не хотел только что втихую исчезнуть.

– Привет, Паула.

– Привет, Андрюша. Садись со мной.

– Спасибо. – Он потянул стул, ножки которого заскрипели по металлическому полу, словно кто-то провел ногтями по тарелке.

Паула расслабилась только тогда, когда Андрей занял свое место.

– Извини, – сказал он. – Мне кажется, что после стольких лет мы могли бы иметь немного резины, чтобы обить стальные ножки стульев.

Она пожала плечами, причем её весьма пухлые руки, казалось, заколыхались под короткими рукавами блузки.

– Резина до сих пор слишком ценная штука. Нам ведь она, по сути, не нужна, так?

– Думаю, нет. – Андрей откинулся назад и свесил голову. *Если я останусь спокойным ещё ненадолго, она, может быть, оставит меня в покое.*

– Ну, как там твой новый класс?

Нет в жизни счастья. Андрей открыл глаза и разочарованно посмотрел на её подушкообразное лицо, которое, казалось, пыталось утонуть в его глазах – ему едва удалось скрыть от неё свои чувства. На какой-то момент ему захотелось попросту четко и ясно сказать ей, что у неё с ним никогда не будет никакого шанса. *И ни у одной женщины не будет.* Но он подавил в себе это желание и просто ответил:

– Все как обычно. Серьезные, усердные, спешащие внести свою долю. Жить мечтой.

Она с энтузиазмом кивнула. Похоже, она совершенно не заметила сарказма в его голосе. *Как всегда.*

– Да, я знаю, – сказала она, – неужели мы тоже были такими молодыми? – Она захихикала, потом не выдержала и засмеялась в полный голос. Андрею казалось, что его подвергают китайской пытке звуками.

Как минимум, я таким не был. И Никки тоже. Особенно Никки. Вслух он сказал:

– Трудно поверить, что мы были молодыми.

– Я знаю, я знаю. Какие-нибудь шалопаи?

На этот раз улыбка Андрея оказалась настоящей.

– Да, один из ребят. Аристократ до мозга костей. Наверное, его сюда отправили, потому что он чем-нибудь провинился перед папочкой. С ним придется весь год возиться.

– Ну, кто-нибудь такой всегда бывает.

– Похоже на то. – Андрей снова откинулся назад, закрыл глаза и попытался представить себе, что он оказался далеко-далеко отсюда. Достаточно ли он долго сидит тут, чтобы распрощаться и не выглядеть при этом невежливым?

– Эээ... Андрей, – осторожно начала Паула.

Ой, мамочка... Я надеюсь, она не собирается сегодня собраться с силами и позвать меня на свидание? Мне нужно было идти прямо домой – там хоть немножко спокойнее.

– Да?

– Я слышала, что полковник опять отклонил твой рапорт, – попыталась она снова.

Андрей едва удержался, чтобы не заскулить. *Откуда, черт побери, она об этом узнала? Я же никому не говорил.* Он открыл глаза и увидел, как она борется с собой. её желание близости и радость от того, что он не уходит, входили в противоречие с потребностью видеть его счастливым. *Об этом уже знает вся академия?* От таких мыслей Андрею стало плохо.

– Мне очень жаль, – сказала она в конце концов.

Он знал это, даже если это ничего не меняло. Она была всего лишь знакомой, коллегой. Андрей выдавил из себя улыбку, чуть пожал плечами и ответил:

– Забудь. Мне нравится здесь работать.

К его успокоению, это было ложью лишь частично.

Видимое облегчение, отразившееся на её лице, было тяжело вынести.

– Я так рада, Андрей. Я не хотела сначала об этом говорить, потому что боялась сделать тебе больно, но я хотела, чтобы ты знал, что для меня это много значит.

Я тебе даже верю. Много – на твой собственный лад.

– Спасибо, Паула. Я ценю это.

– А кстати, генерал Карсон когда приедет? – глаза Паулы стали мечтательными.

В нём запульсировало раздражение, но Андрей быстро успокоил себя, осознав свою ошибку. *Она мне не нравится, но я завожусь, если она подбивает клинья к одному из моих друзей? Бесподобно, Андрей. Ты болван.* Он прокашлялся, чуть содрогнулся, когда на него снова накатила тошнота – поспешно ухватил со стола стакан и сделал несколько глотков.

– Не думаю, что приедет. Я уведомил его уже об отказе полковника. – Андрей жадно выхлебал стакан до конца, словно не пил уже неделю.

– Мне очень жаль, Андрей. Правда.

– Я знаю, я знаю. – Он медленно встал и сказал первое, что пришло ему в голову:

– Мне пора. Я должен ещё придумать парочку дополнительных заданий для этих новых студентов.

– О'кей, Андрей. Может, увидимся позже. – её голос почти сорвался, потом она помахала ему на прощание рукой и занялась едой.

Простейшие потребности или Паула поняла, что я солгал? Ещё одна мысль заставила его полностью выбросить Паулу из головы. *Если Карсон не может переубедить полковника – кто тогда?* Андрей попытался бороться с отчаянием... ему это почти удалось.

Он выпрямился и отправился дальше, словно ничего не произошло. *Принимай тяжёлые решения и живи с ними. Просто живи.*

16

*Парк Камерона, Новая Москва
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
31 декабря 2794 года*

Напиток тяжело прокатился вниз по его глотке, вызвав лёгкое жжение. Андрей закашлялся, закрыл глаза, полные слёз, и судорожно вдохнул воздух.

Его мужественная борьба с высокоградусной бурдой вызвала восторженные клики и одобрителные хлопки по плечу.

- Давай, проф! У тебя получится!
- Пей до дна!
- Живо-живо!
- И не выплевывать!

Волна воплей разбивалась об Андрея, пока он боролся за контроль над собственным телом. Достаточно паршиво уже то, что он вообще повелся на эту идею – встречать Новый год со своими студентами. *Да будь я проклят, если не удержу это пойло!* Наконец, он выпрямился и попытался что-нибудь сказать – однако обнаружил, что у него, похоже, больше нет языка. *Что за чертовщину он намешал в стакан?*

Всеобщий смех звучал большей частью доброжелательно, хотя кое от кого можно было услышать куда более злобную тональность. Андрей точно знал, от кого она исходит.

- Всё в порядке? – в голосе звучало лёгкое беспокойство.

Андрей с трудом – во всяком случае, ему так показалось – повернул голову и наткнулся на пару загадочных глаз, с тревогой глядевших на него. Он постарался не слишком глупо таращиться, однако понял, что его состояние вряд ли можно было проглядеть. Покачиваясь, он кивнул и попытался взять себя в руки. Лёгкий укус в язык привел этот орган вновь к покорности.

– Нормально. – Он отвел глаза от этого устремленного на него, взгляда, чувствуя себя под наблюдением. Этот взор был отличен от бирюзовых глаз, которые преследовали Андрея в его снах. *И всё равно он так близок, что порой мне кажется, что я знаю его долгие годы.*

- Ну и что, к дьяволу, это было? – выдавил, наконец, из себя Андрей.

Сэмюэл Хельмер, который сегодня заплел свои длинные рыжие волосы в косичку, что придавало ему особенно наглый вид, выступил вперед.

- Моё собственное изобретение. Я перегнал местные растения.

Андрея затрясло при мысли, что он пил нечто, приготовленное из местной флоры.

– Не переживайте, проф. Мы все заранее отпили понемногу и ещё живы. Здорово, что вы тоже выдержали.

Андрей занимался этим долгие месяцы, но этот кадет продолжал постоянно пытаться общаться с ним свысока – с преподавателем, который был едва ли старше его самого, хотя Сэмюэл и называл его «проф». *С Керенским, который явно был не в состоянии вступить в боевую часть.*

- Извини, Сэмюэл, я не хотел тебя разочаровывать после такой тяжёлой работы.

Хотя Сэмюэл сразу же улыбнулся, Андрея не покидало ощущение, что он работал на публику.

- Несомненно, проф. Несомненно.

Остальные студенты столпились со стаканами вокруг Сэмюэла, чтобы получить свою порцию. Андрей отступил немного, чтобы понаблюдать за празднующими. Толпа постепенно

разделилась на небольшие группки, словно культуры бактерий в чашке Петри – разрастаясь, вновь разделяясь и опять увеличиваясь в размерах.

Парк Камерона был открыт всего лишь месяц назад. План для огромной зелёной зоны был разработан ещё в первые шесть месяцев после того, как первый человек ступил на поверхность Эдема, но работа по возведению колонии, по постройке жилищ, мелиорация полей и приживание терранских растений и животных, конструирование базовых промышленных комплексов, попытка укротить саму планету с помощью плотин, каналов и сети дорог – всё это просто не оставило времени, чтобы заниматься устройством рекреационных зон. Кроме того, ни у кого не было и возможности расслабиться и прогуляться по парку. Кто в первые годы колонизации не был начеку, платил жизнью.

До сих пор множество рук работало над завершением парка, но церемония открытия для его основной части, состоявшаяся в прошлом месяце, была чем-то вроде вехи начала новой эры. После восьми лет почти готовый парк Камерона стал символом всего, чего колонисты уже достигли и чего надеялись достичь в будущие годы. Огромный сад стал безмолвным монументом тому, что они сделали, а также тысячам людей, отдавших в первые годы свои жизни, чтобы существование Звёздной Лиги могло продолжаться.

Взгляд Андрея упал на первую статую, установленную во внешней части северо-восточной окраины парка. Прийдя сюда ещё четыре часа назад, Андрей и студенты все ещё оставались во внешних обводах комплекса. Парковая стена одновременно служила цоколем для статуи, а главный вход проходил сквозь этот цоколь. Шестиметровый Майкл Камерон возвышался над фундаментом и темный базальт подчеркивал чувство, будто статуя внимательно наблюдает за тем, что творится внизу. Отлично выполненная каменная униформа Генерального директора выглядела несколько устаревшей – тем не менее, от него исходила аура мощи. У ног статуи была высечена надпись: «Рождение Величия».

Примерно в тридцати метрах Андрей мог разглядеть ещё одну статую, стоявшую в десятке метров от стены, на территории парка. *Леди Маргарет Камерон, почти что женская копия своего отца Майкла.* Андрей не мог различить буквы на таком расстоянии, но знал, что на каменном постаменте написано: «Основательница вооруженных сил Гегемонии».

За Маргарет, ещё дальше вдоль стены и глубже в парке, стояла темная, неподвижная фигура Раймонда Камерона. *Потом идут Брайан и Джудит,* далее – Ричард и в конце – Джейкоб, на чьем постаменте написано: «Отец боевого меха». Андрей знал, что дальше расположены ещё пять статуй, которые были установлены ближе к центру парка. Всего – двенадцать каменных памятников.

Даже отсюда, с места, где они стояли, можно было различить самый большой монумент. Чуть поодаль вверх возносился шестиметровый постамент, богато украшенный фресками и рельефами, изображающими сцены из истории Звёздной Лиги; бивень титанического кита, чья кожа была испещрена свидетельствами столетнего наследия, вырвался наружу из земли, утверждая власть над окружающим. Дорога вела от входа мимо Андрея – к центру, где на гигантском каменном блоке утвердился более чем десятиметровый памятник Яну Камерону.

С такого расстояния его величественное изваяние было едва различимо, так как бесчисленные прожектора и мельтешение карманных фонариков отодвигали его в тень. Только очертания, которые из-за множества источников света казались подвижными, возвышались над лежащим позади ландшафтом. Андрей полагал, что эта статуя по своему исполнению больше походит на скульптуру античного бога, чем на изображение человека. Наверное, скульптор пытался выразить своё восхищение величайшим из Камеронов. У ног статуи было выгравировано: «Рождение Звёздной Лиги».

Внутри ограды, за спиной у статуи Яна Камерона, пять других изваяний указывали путь к ещё одному постаменту, который, однако, оставался пустым. Дань уважения Звёздной Лиги в изгнании нерожденному Камерону, который никогда не увидит этого мира, так как весь род его был уничтожен Амарисом.

До Андрея доходили слухи, что кое-кто требовал установки статуи Александра Керенского, но он знал, что его отец подобного никогда не позволит. Тем не менее, Андрей твердо рассчи-

тывал на то, что вера людей в генерала, невзирая ни на каких скептиков, однажды возведет памятник его отцу в этом парке.

– С тобой все в порядке?

Андрей собрался с мыслями и улыбнулся. Загадочные глаза – они снова наблюдали за ним.

Он тяжело сглотнул и возмечтал о какой-нибудь жидкости. *Пусть это был бы даже «Мозговой киллер» Сэмюэла.*

– Да, я в норме. Просто гляжу на парк.

Дана Куфалл проследила за взглядом Андрея и, похоже, также прониклась атмосферой благоговения в присутствии всей династии Камеронов и их великих дел. Потом она опять посмотрела на Андрея и он подумал, что ночные тени делают её глаза ещё загадочней. Словно две чёрные дыры, он видел в них свое отражение, они напоминали ему о вещах, о которых он предпочел бы не вспоминать.

– Здесь в самом деле очень красиво, Андрей.

– Ут. Я не могу поверить, что парк уже закончили. Что у нас наконец-то появилось время радоваться таким вещам.

– Почему ты всегда говоришь «ут»?

Андрей немедленно насторожился, но в её голосе не было и намека на скрытый допрос или саркастическую критику, под огнем которой он частенько оказывался.

– Мы с братом всегда так говорили друг другу, когда были маленькими.

Чернота её глаз грозила поглотить Андрея. Хотя парк был наполнен многоголосыми звуками, разговорами, движениями людей, музыкой и грохотом взрывающихся раньше времени петард, Андрею казалось, что вокруг царит тишина. Время замерло.

– Тебе трудно приходится с твоим братом?

– Что? *Кто с ней разговаривал? Или это так бросается в глаза?* И так паршиво, что большинство его друзей были в курсе андреевых проблем с Николаем. *Это была бы катастрофа, если бы типчики вроде Сэмюэла и его подпевал об этом узнали. Похоже на то, что великий генерал-лейтенант Николай Керенский пошел по стопам своего отца, в отличие от...* Собственный сарказм был настолько горек, что Андрей отбросил эту мысль.

Дана покачала головой и, когда она заговорила, её лёгкий акцент и извинительный тон создали сюрреалистическую атмосферу.

– Извини. Я не хотела портить тебе настроение. Но это так заметно...

– В самом деле? – Андрей знал, что вопрос звучал идиотски, но ничего более умного в голову не пришло. *Как она догадалась?* – Мы просто иногда цапаемся друг с другом, как всякие братья. Ничего серьёзного.

– Мне кажется, это серьёзно. Я это чувствую. Для меня это так же ясно, как если бы было написано у тебя на лбу. Эта боль... как ты только её выдерживаешь?

Во второй раз за эту ночь Андрей почувствовал, что у него отсох язык. Его чувства отказали: теперь он не только не слышал звуков вокруг, но и видел одно лишь лицо девушки перед собой. *Моя студентка. Всего лишь на пять лет младше меня.* За эти мысли он себя почти презирал.

– Я хотел...

– Андрей! – послышался вдруг громкий голос, прервав Дану и короткий момент близости.

Андрей бросил виноватый взгляд через плечо и увидел приближающегося Уиндхэма, чья развесёлая морда и сам факт участия в низкопробных развлечениях студентов резко противоречили достоинству священнического сана.

– Уиндхэм, – одна часть Андрея желала защититься от вмешательства, сгорала от любопытства – что хотела сказать Дана, другая требовала немедленно выпутаться из неудобного положения.

Он обернулся к Дана, хотел извиниться перед ней, но слова умерли у него на губах: она успела встать, повернуться и раствориться в толпе. *Что, чёрт побери...?* Его внезапно прошибло потом, он лихорадочно пытался различить её очертания среди празднующих. Неожиданное исчезновение Даны лишь усилило странное чувство, которое так или иначе возникло из-за их встречи.

На его плечо легла рука.

– Вот ты где, значит? Пьёшь с собственными студентами?

Андрей и так уже чувствовал себя виноватым за то, что почувствовал такую тягу к подопечной, так что совместная попойка вряд ли столь уж сильно подействовала на его совесть.

– Ну, что я могу сказать... – он сделал паузу и краем глаза отметил, что студенты уже успели смешаться с людским потоком. – Надо же мне что-нибудь придумать, чтобы пробить скорлупу некоторых из них.

– Смотри только, чтобы они не потеряли уважение к тебе.

Андрей добродушно рассмеялся и помотал головой.

– Ты даже не представляешь себе, что я только что сотворил, чтобы заслужить их уважение. А у других, как это ни прискорбно, мне попросту нечего терять.

– Ага, понимаю.

Наступило молчание и Андрей был благодарен Уиндхэму за него. Он расслабился, поглядел на часы и обнаружил, что до полуночи осталось совсем немного времени. *Так долго я уже тут? Похоже, Раймонд уже не появится.*

– А что с девушкой?

– А?

– Девушка, – повторил Уиндхэм и голос его зазвучал ехидно, – та красотка, на которую ты целый час таращился.

– Ни на кого я не таращился.

– Я и в мыслях не имею говорить тебе, что ты делал, а что нет. Но с того места, где я стоял, это выглядело так, будто ты таращишься.

Андрей вновь бросил на священника косой взгляд и тот примирительно воздел руки:

– Как ты смотришь на то, чтобы попытаться пробиться в Круг Единства? – голос Уиндхэма звучал почти завлекательно, когда он кивнул в сторону центра парка. – Конечно, если ты не предпочитаешь остаться со своими студентами.

– Нет, я полагаю, я могу спокойно уйти. Я провел с ними достаточно времени.

Вдвоем они отправились в нелёгкий путь сквозь толпу. Запахи пота, сахара, спиртного, еды – создавали приподнятое настроение: впервые человеческие ароматы смешались с эдемскими в общее целое. *Неужели мы тебя наконец-то укротили, Эдем? Смирили все пять планет Пентагона? Или вы восстанете против нас, когда мы меньше всего будем этого ожидать?*

– Андрей, ты знаешь, что ты ей нравишься, – неожиданно сказал Уиндхэм, когда они прошли несколько шагов.

Андрей опять скорчил гримасу, которая, однако, совершенно не впечатлила Уиндхэма.

– Она – моя студентка.

– И, скорее всего, максимум лет на шесть младше тебя – более чем достаточно, чтобы быть взрослой.

– На пять, – пробормотал Андрей.

– Вот видишь.

– Нечего тут видеть, Уиндхэм. Это просто не положено.

– Когда у тебя последний раз был секс?

Андрей изумленно уставился на Уиндхэма, на его лице смешались раздражение и удивление.

– Тебя это не касается. Я думал, у священников вообще не бывает секса.

Уиндхэм засмеялся в попытке разрядить нарастающее между ними напряжение.

– Я тебе говорил много лет назад, что я не верю в celibat. Это приносит только кучу проблем. И поверь мне, что мирской экстаз весьма похож на духовный – больше, чем люди это себе представляют.

Андрей отошел на шаг в сторону, пропустив вперед человека, который, похоже, начал пить ещё вчера – заплетающийся шаг заставлял его через каждые два метра врезаться в очередную группу прохожих. Одновременно Андрей воспользовался моментом, чтобы немного собраться

с мыслями. Когда они возобновили попытки пробиться вперед, он вновь заговорил:

– Это по-прежнему не дает тебе права копаться в моей сексуальной жизни, друг ты мне или нет.

– Уиндхэм кивнул, признавая правоту Андрея в данном пункте.

– Ладно, оставим секс в покое. Когда ты, к примеру, в последний раз разговаривал с женщиной?

– Вчера, например. – Андрей попытался не думать об амбициях и массивной фигуре Паулы, заслонявшей ему единственный выход.

Наивные глаза Уиндхэма не позволяли предположить, к чему он клонит.

– Я не говорю о какой-нибудь представительнице противоположного пола. Я говорю о *женщине*. О такой, с которой ты *хотел бы* проводить свое время. С которой ты *с удовольствием* провел бы время, и наоборот.

Они прервались, вынужденные уворачиваться от человеческого потока, направляющегося им навстречу – похоже, эта группа оставила попытки добраться до центра парка. Когда она осталась позади, Андрей и Уиндхэм постарались поскорее использовать образовавшееся свободное пространство, чтобы продвинуться вперед, но переулочек быстро наполнился вновь. После нескольких минут они, коротко переглянувшись, вынуждены были признать свое поражение. Сегодня им не добраться до Круга Единства. Андрей снова поглядел на часы. *Всего лишь пара минут.*

– Ты мне все ещё не ответил, – как обычно, Уиндхэм, почуяв кровь, вцепился в тему намертво.

– Как ты смотришь на то, чтобы я пришел на твою следующую проповедь, а здесь мы на эту тему говорить не будем?

– Конечно-конечно. У меня масса времени, чтобы тебя обратить. И с Божьей помощью мне это когда-нибудь удастся. А ты молодой и это состояние не продлится вечно. Ты должен провести свою молодость хорошо. Улыбаться хотя бы искренне.

Андрей искренне улыбнулся.

– Слышу ли я глас священника, советующего мне обратиться к мирским наслаждениям?

– эта мысль заставила его рассмеяться.

– В принципе, так оно и есть. Точнее, я просто советую тебе не обижаться на вещи, которые попросту невозможно изменить. Попробуй найти свое счастье и изменить то, что ты изменить в состоянии.

Даже после долгих лет общения с Уиндхэмом Андрей не мог разделить его веру в судьбу. Тем не менее, он не мог избавиться от ощущения, что в этом смысле святой отец опережает его на полкорпуса – пророк или ясновидящий, сообщающий ему на личной аудиенции, что ему следует предпринять, чтобы вновь взять собственную жизнь под контроль.

И вырваться, наконец, из-под контроля Николая.

– Андрей, ты ей нравишься. Это верно, как «аминь» – и все равно ты все ещё этого не видишь. Попробуй чуть-чуть открыться – и ты сам удивишься тому, что получится. – Уиндхэм улыбнулся, немного снимая напряжение. Его глаза заискрились смехом: – И к черту академические правила!

Где-то слева от них люди начали громкий обратный отсчет. Сначала это было нечетко слышимое бормотание, однако оно приобретало все большую согласованность и к отсчету присоединялись все новые и новые участники: тысячи голосов считали оставшиеся до начала нового года секунды. Андрей, не в силах сопротивляться притяжению толпы, также начал считать вслух. Он чувствовал себя окрыленным, у него было хорошее настроение, он вплетал свой голос в общие пожелания здоровья, счастья и любви, его обуюла уверенность в том, что с завтрашнего дня все станет лучше, чем в прошлом году.

Отсчет закончился и Новый Год легко опустился на миры Пентагона. Пять небес засияли отблесками фейерверков. В парке Камерона на Эдеме, у ног статуй одновременно включились целые батареи прожекторов, освещая ночь ярче сотни солнц, разрывая и изгоняя тьму первых страшных лет колонизации – начиналась новая эра.

Тёмные, загадочные глаза. Может, и для меня новый год станет особенным.

Военная академия Эдема, Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

18 марта 2795 года

– Не волнуйтесь, проф, мы вас не больно зарежем! – с энтузиазмом заорал Сэмюэл.

– Я ценю это. Я постараюсь рухнуть на землю не слишком быстро, – ответил Андрей. Его громкий голос эхом прокатился по обширному помещению.

С командной платформы, которая была поднята примерно на метр над полом с одной из длинных сторон прямоугольного зала, Андрей глядел вниз на кадетов. Сэмюэл сегодня снова выглядел настоящим аристократом.

– Четверо против одного. Ты спятил? – Джейсон Эверли стоял у него за спиной и говорил так тихо, что его слышал только Андрей.

Он полуобернулся и увидел широкую ухмылку, от которой лицо Джейсона, казалось, вот-вот треснет.

– Пари. Дурацкое пари, – Андрей покачал головой. Он всё ещё не мог в это поверить.

– Ах, пари, значит, – Джейсон громко рассмеялся и студенты, которые не могли слышать предшествовавшего разговора, забеспокоились и заоглядывались.

Несмотря на скверную ситуацию, Андрей также засмеялся. *Джейсон со своей бескомпромиссностью.* Он всегда приводил Андрея в хорошее настроение. Лёгкие сотрясения, вызываемые промышленными мехами, которые буквально за стенкой занимались возведением нового крыла Академии, проходили по полу и заставляли вибрировать сталь под их ногами. *Прямо мурашки по коже.*

– Я надеюсь, что оно того стоит, Андрей, – продолжил Джейсон, – Если генерал-лейтенант узнает, что я отменил своим парням последние часы занятий, только чтобы дать возможность тебе и твоей банде разыграть пари...

Андрей не питал иллюзий по поводу того, что мог сделать Николай с Джейсоном. Он все ещё спрашивал себя – не отдал ли Николай приказ о переводе Джейсона, потому что тот был дружен с Андреем. Как он ни сопротивлялся, прошлое влияло на его представления – он хотел бы посмеяться над своей манией преследования, но не мог не подозревать руки Николая за всеми событиями, которые происходили вокруг него.

– Не говоря уже о том, что я сейчас играюсь с собственным повышением и это твое дело топит все мои шансы прямиком в унитазе, если Николай о нем пронюхает, – закончил Джейсон с заговорщической ухмылкой.

Андрей засмеялся – ему, наконец, удалось отогнать мрачные мысли. Он протянул руку и крепко пожал руку Джейсона.

– За мной должок.

Андрей вновь обернулся к студентам и увидел, что те сидят на полу, увлекшись жарким спором, в центре которого – как, собственно, и ожидалось, – находился Сэмюэл. Андрей обменялся с Джейсоном многозначительными взглядами.

– Проблемы? – спросил Джейсон.

– Хм... Это, собственно, и есть зачинщик пари. Он с первого дня нарывается на неприятности.

– Будем надеяться, что ты не потеряешь их уважения в том случае, если продуешь. – Улыбка Джейсона дала понять Андрею, насколько вероятной тот считает такую возможность.

Андрей улыбнулся в ответ, несколькими движениями головы расслабил шейную мускулатуру и облизнул губы. Он почувствовал на языке остатки зубной пасты и острый привкус мяты холодной арктической волной покатились вниз по горлу. Слова Уиндхэма, примерно соответствовавшие тому, что сказал Джейсон, засели в голове, и Андрею пришлось бороться за то, чтобы очистить мысли.

– Никаких шансов, Джейсон. До сих пор я вообще не наблюдал у них какого-либо уважения к себе, так что, потерпев поражение, я ничего не потеряю. Достаточно плохо, что я всего лишь на пару лет старше, чем он... – Андрей запнулся. Его захватило воспоминание о новогоднем вечере.

– Но принять в качестве наставника Керенского, который не может доказать себя в настоящей драке? – долбил свое Джейсон.

Андрей бросил на него взгляд, но не обнаружил на его лице ни сострадания, ни сомнений – одна из причин, почему он так ценил общество Джейсона. Его жизненная философия была столь же проста, сколь и благодарна: дают – бери, а бьют – бери и беги. Андрей желал бы думать так же.

– Признаю, – ответил он.

– Не подпускай их к себе. Это всё, чего хочет кадет – вцепиться учителю в глотку. А раз уж ты представляешь собой столь желанный трофей, то этим только дай: они станут подбираться к тебе все ближе и ближе, причем долбить тебя будут всё большим калибром.

Андрей почувствовал себя в ловушке, когда Джейсон в третий раз использовал слова, сказанные Уиндхэмом. *Почему я, собственно, во второй раз веду этот разговор?*

Джейсон поднял руку и ободряюще хлопнул Андрей по плечу. Он на секунду задержал ладонь и легонько сжал предплечье Андрея прежде, чем отпустить его. Ощущение было таким, словно Андрею сломали ключицу.

– Покажи им, где Макар телят не пас.

– Ясно, спасибо. Ещё раз: я в самом деле ценю твою помощь. Я у тебя в долгу.

– Не переживай: я тебе не дам этого забыть, – ответил Джейсон. Его улыбка стала бы ещё шире, если бы ей было куда расширяться.

Андрей закатил глаза в притворном ужасе и направился к металлическим ступеням, ведущим на пол.

– На это я и не рассчитывал. Ничего другого я и не ожидал, – бросил он с улыбкой через плечо.

Спустившись вниз, Андрей решительно направился к студентам, почесываясь одной рукой под расстегнутым хладожилетом – боль на коже однозначно сигнализировала, что неплохо было бы постричь ногти.

– Ну что, готовы получить по первое число, проф? – приветствовал его Сэмюэл. Хотя голос его звучал дружелюбно и трое других студентов около него согласно заулыбались, Андрей не почувствовал тепла в словах кадета.

Ты мне всё ещё не доверяешь, правда? Ты не примешь от меня никакой помощи. Например, из-за твоей ошибочной оценки некоего Керенского. Андрей снова расстроился из-за своей неспособности выстроить с этим кадетом нормальные отношения учителя с учеником. *А что теперь? Идиотское пари, и их уважения я все равно не получу, даже если отправлю в нокаут всех четверых одновременно.* Тем не менее, эти мальчишки просто не могли поверить, что несколько лет назад Андрей прошел боевую квалификацию в качестве водителя меха. У них прямо на лицах читался вопрос: «Если он такой классный мехвоин – какого черта он ошивается тут, в академии?». *А правда – какого черта?*

– Всегда готов. Я надеюсь вас не разочаровать.

– Ну, как минимум, вы остались живы после моего шнапса, так что есть надежда на неплохой бой, прежде чем мы вас уделаем. – Окружающие засмеялись и Андрей вместе с ними.

– Я восхищаюсь вашей уверенностью. – Андрей указал на ожидающие симуляционные капсулы. – Джентльмены, начнем наши игры.

– Ут, проф! – выкрикнул Сэмюэл и отдал салют, забыв встать по стойке «смирно».

Направляясь к своей капсуле, Андрей незаметно покачал головой. Кадеты начали обращать его собственные привычки против него и шуточки по этому поводу расползли уже по всей Академии. Похоже, подсознательно фамилия Андрея продолжала оказывать свое воздействие. Несмотря на позорное назначение Андрея на академическую должность, которое многие считали глубочайшим падением, имени Керенский, кажется, всё ещё было достаточно, чтобы создавать легенды – например, о детстве Андрея. *Невероятно.*

Он снова потёр зачесавшееся место. *Скорее всего, это от вибрации.* Андрей обошел капсулу Сэмюэла и направился к своей, которая стояла на другом конце помещения. Остальные продолжали окружать Сэмюэла, так что Андрей шел своим путем в гордом одиночестве.

Неожиданно перед ним возникла Дана Куфалл. *Как, черт возьми... как она это делает? Остальной класс об этом знает?*

– Здравствуйте, профессор! – приветствовала она его – до сих пор Андрей никогда не слышал от неё сокращенного «проф». Он на секунду обернулся, чтобы убедиться, что они одни.

– Что ты тут делаешь?

Загадочные глаза девушки немедленно опять притянули взгляд Андрея, а её мягкая улыбка заставила его забыть обо всем на свете.

– Я хотела пожелать вам удачи.

Как и в прошлый раз, когда они разделили между собой момент близости, Андрей вдруг почувствовал себя выброшенным в иное пространство. Они стояли одни на бесконечной, тусклой равнине, расстилавшейся до самого горизонта его воображения. Мысли и взгляд Андрея сконцентрировались на Дане так, что он еле выдерживал это, его нервы, казалось, горели огнем, а сердце стучало так тяжело, что Андрею казалось – оно хочет разорвать ему грудную клетку. Он попытался осторожно облизать губы, чтобы убрать из рта ощущение песка.

Таинственные глаза-зеркала оглядели его с ног до головы, потом вернулись к его лицу и втянули его в себя. её взгляд не говорил ни о жадности, ни о запятнанной невинности – она просто смотрела на него. Тем не менее, пульс Андрея снова удвоился, когда он сообразил, что стоит перед ней полуголый, в облачении меховина.

Хотя Андрей в результате предновогоднего разговора с Уиндхэмом почувствовал что-то вроде новой перспективы в своей жизни, реальность была все-таки гораздо сложнее. *Словно жизнь сопротивляется желанию перемен, душа бунтует.* Как Андрей ни противился этому чувству, он ощущал, что его тянет к Дане – и это пугало его. С самого новогоднего праздника они едва ли перекинулись дюжиной фраз. И все же, Андрей боялся, что другие кадеты могут заметить его чувства. Теперь он иногда просыпался от кошмара и видел во тьме перед собой уже не бирюзовые, а темные глаза. Это лишь ещё больше запутывало его. Он попытался отключиться от переживаний и сконцентрироваться на предстоящем.

Он покрылся гусиной кожей от того, что стоял один с Даной, одетый лишь в шорты и хладожилет – волосы на руках встали дыбом. Желание, о котором он, казалось, давно позабыл, заполонило его. Андрей хотел что-нибудь сказать, но голос отказался повиноваться. *Учитель и его ученица. Немыслимо. И все-таки... так заманчиво.* Боль грызла его душу, порождая новые сомнения.

Их взгляды встретились и Дана медленно кивнула, словно могла услышать каждую из лихорадочных мыслей, метавшихся у Андрея в голове. Как будто она в самом деле была зеркалом его души – на какой-то момент в ней отразилось всё, чем он когда-либо мог и хотел быть – все это он увидел благодаря ей. Дана сделала шаг к Андрею, подняла руку и, похоже, хотела положить её ему на грудь, однако прервала это движение, прежде чем они прикоснулись друг к другу. Вдруг она молниеносно поднялась на цыпочки и от основания Андреевой шеи вдруг распространился жар, мир исчез перед его глазами, пока последние остатки реальности не были смыты огнем и желанием. Лёгкий запах кореньев и корицы смешался с его воспоминаниями, так что ему почудилось, что этот запах всегда был связан с ним. её поцелуй навсегда запечатлел эту сцену в мозгу Андрея.

– Оставайся сам собой, – мягко сказала Дана и момент близости исчез так же быстро, как пришел. Кожа Андрея горела, словно он только что провел десятиминутный бой в раскаленном боевом мехе, но когда он снова открыл глаза, Дана уже исчезла. Он огляделся, его сердце бешено рвалось из груди, а желудок проделывал одно за другим сальто, которые едва не заставили его рухнуть на пол.

– Чего ты ждешь, чёрт побери? – взорвался за его спиной голос Джейсона. Встреча с Даной немедленно испарилась из его головы, словно осталась в параллельной вселенной. – Андрей, мы не можем дожидаться тебя весь день.

– Извини, уже иду, – еле выдавил Андрей. Ему пришлось глубоко вдохнуть. Он прошёл последние метры к симкапсуле, забрался внутрь, незаметно утирая пот со лба и нижней губы. Он задраил капсулу. *Я не могу этого допустить. Это неправильно.*

Пока Андрей боролся со своими чувствами, он обнаружил, что ему снова придётся вступить в бой, который он уже полагал выигранным. Невозможность связи с Даной боролась с непреодолимой потребностью быть с ней. *Мы должны быть вместе.* Удивительные глаза обещали связь, последствия которой невозможно было предугадать. Загадочные глаза, которые могли прогнать ночные кошмары Андрея и его страх провала. *Что смогли бы эти глаза – что смогла бы она – сделать, если бы я решился на это?*

Андрей тяжело сглотнул, когда боль вновь распространилась по его телу. *Я попрошу о переводе. У меня просто нет выбора. Дальше так не может продолжаться.*

Вокруг него просыпалась к жизни боевая рубка.

* * *

Несмотря на мороз снаружи, он обливался потом. Выдавлив до упора регулятор скорости, Андрей заставил «Экстерминатор» бежать по замерзшей тундре, так что при каждом шаге из-под его ступней вырывались небольшие снежные фонтанчики. Острый выступ рубки разрезал ледяную атмосферу.

На охоту.

Андрею чудилось, что он улавливает запах крови в воздухе, пока он неудержимо приближался к цели.

Хотя «Сентинел» кадета Томинсона обладал такой же скоростью, как Андреев «Экстерминатор», но студент ещё недостаточно контролировал машину, чтобы так же быстро маневрировать на снегу. Около десяти минут назад Андрей застал кадета врасплох, после того, как увлек его в сторону от группы преследователей. С этого момента он последовательно атаковал «Сентинел», залпы его ракет буквально притягивались к нему и рубиново-красные лучи лазеров постоянно рвали на части машину кадета.

Зазвучал колокол. Немедленно после сигнала захвата цели Андрей нажал указательным пальцем на кнопку правого джойстика. В «Сентинел» снова полетели лучи лазеров, срывая заднюю броню. Хотя залп не проник внутрь, но жалкие остатки брони не оставляли сомнений в том, что следующее же попадание будет означать конец для кадета.

Похоже, Томинсон пришел к такому же выводу о предстоящем крахе, так как он в панике заставил «Сентинел» ещё быстрее бежать по скользкому снегу.

Эта серая, отвратительная зимняя равнина не позволяет никаких глупостей.

В какой-то момент бегущий со скоростью более ста километров в час мех вышел из-под контроля и повалился на бегу. Сначала в снежной позёмке поскользнулась правая нога машины, в то время как движение вперед неудержимо продолжалось. Активаторы и измочаленные алюминиевые кости «Сентинела» отчаянно пытались противостоять невероятной кинетической энергии, но безуспешно: правая нога с громким треском отломилась от колена. Связки активаторов и прочие обломки разлетелись во все стороны, словно беспечно разбросанные игрушки.

Левая рука машины, заканчивающаяся стволом автопушки, ударилась о ледник, покрытый тончайшим слоем снега, и согнулась. Из-за этого мех чуть завертелся, развернулся на сто восемьдесят градусов, разрываемый центробежной силой на две части. Наконец, мех ударился об лёд – удар, который выглядел бы не менее элегантно, стукнулся он о бетон. Машина покатилась, а когда она в конце концов остановилась, вся её броня превратилась в обычный металлолом. Два сустава одиноко валялись рядом.

Пока эта сцена разворачивалась перед внешним экраном рубки «Экстерминатора», Андрей снизил скорость. Он медленно остановил машину – не потому, что сомневался в собственных силах, а потому что малейшая оплошность могла повлечь такие же последствия, которые превратили «Сентинел» в груды бесполезного металла. Андрей подумал о страшном ударе, который командирское кресло должно было нанести Томинсону – даже в симуляторе. Потом он потряс головой, разбрызгивая капли пота, ощущая привычную тяжесть нейрошлема.

На какой-то момент установилась тишина и в голове Андрея снова зашевелились мысли о Дане. Он опять оттолкнул их. *Позже.*

Прежде, чем он успел сделать следующий вдох или хоть немного расслабить напряженные мускулы, тёмно-голубой луч, выпущенный из ППЧ, ударил около «Экстерминатора» в землю, исторгнув облако пара. Андрей немедленно выжал педаль прыжковых двигателей. «Экстерминатор» рванул вверх и вперед, вон из облака – к тому месту, откуда был произведен выстрел. На половине пути, в наивысшей точке параболической траектории полета, в мех Андрея врезался ещё один голубой луч.

Словно бы он предвидел мой маневр.

По левой стороне «Экстерминатора» заплескали энергетические щупальца.

Умно для студента.

Андрей до самого последнего момента задерживал посадку, напряженно наблюдая сомнительно выглядывавший грунт под ногами, который, на его вкус, приближался слишком быстро. Последней вспышкой плазмы он почти полностью погасил скорость и посадил мех. Посадка заставила гироскоп оскорбленно взвизгивать, когда ноги машины отчаянно пытались найти опору на скользком льду – «Экстерминатор» едва не опрокинулся. В самый последний момент Андрею удалось – с огромным напряжением и немалой долей везения – взять машину под контроль и направить её к горбатому меху, занявшему позицию на дальнем внешнем краю снежного вихря.

Следовало ожидать, Сэмюэл, что ты выберешь штурмовой мех. Твой «Таг» скоро ляжет на землю точно так же, как и остальные из твоей команды. Поглядим, заслужу ли я тогда твое уважение. Андрей кисло усмехнулся – он ни секунды на это не рассчитывал.

– Где это мы? – отозвался голос Сэмюэла по общему каналу.

Андрей не ответил. *Почему этих придурков вечно тянет поболтать? Неуверенность в себе или просто самоутверждение?*

«Таг» выдал очередной залп, пока Андрей приближался к нему, чтобы иметь возможность эффективно использовать всё имеющееся оружие, не давая при этом противнику в полную силу использовать свой главный калибр.

– Я прошёл все симуляции на мирах Пентагона, однако этой среди них не было, – не отставал Сэмюэл.

Хотя ситуация была напряженной, Андрей не смог удержаться от улыбки. Все-таки, несмотря на гораздо большие умение и опыт, он дрался против превосходящих сил – один против четырех. Это оставило следы на его «Экстерминаторе» – об этом ясно свидетельствовали красные области на вспомогательном экране контроля состояния машины.

Сумасшедшая игра и сумасшедшее пари.

Ни один мехоин, у которого в голове оставалась хоть капля мозгов, не согласился бы на бой при таких условиях. *«Порой, однако, жизнь требует попытаться свершить невозможное. Но разве битва за новую жизнь того не стоит?» Пушкин. Снова и снова.*

Андрей вздрогнул, словно губы Даны снова прикоснулись к его шее. *Да, иногда приходится идти своим путем, даже если надежды нет.*

Очередной луч врезался в левую руку «Экстерминатора», испарил остатки брони и пробились внутрь. Сигнальные огни и различные тревожные звуки сообщили о полученных повреждениях.

Андрей не увлекся этим спектаклем, прервал большинство связей с правой рукой и отключил, таким образом, все лампочки и сигналы, назойливо добивавшиеся его внимания. Его губы сложились в мрачную улыбку, когда он вырвался из снежной круговерти и снова вступил на лёд глетчера. *Так, теперь, значит – снова высокая скорость против превосходящей брони. Точно так же, как и с последним Плохим Парнем.* Воспоминания о его окончательном поражении за годы тестовых боев искривили гримасой лицо Андрея. Однако, как бы там ни было, а мех-экзамен он сдал блестяще. И именно так он намеревался поступить и теперь.

– Все ещё молчите, проф? Ну давайте – где мы? Должен сказать, здесь настоящий ад, несмотря на весь этот лёд. Вам удалось разделить нас в этом проклятом ледовом лабиринте и завалить одного за другим. Мне просто хочется знать, что это за место.

Андрей решил на сей раз ответить. Хотя Сэмюэл, казалось, неплохо владел собой, в его голосе можно было услышать жгучее разочарование от того, что Андрей успел свалить троих его товарищей по звену.

Андрей пустил «Экстерминатор» по узкой дуге и прыгнул. Под ним в лед ударили два лазурно-голубых луча и он попытался выстрелить в ответ из лазера. Потом он ответил: «Мы на Стране Мечты».

Возникла продолжительная пауза, пока «Таг», хромая, поспешно пытался развернуться, чтобы снова поймать «Экстерминатор» в зону обстрела.

– Страна Мечты! Но ведь наша колония там только-только была основана! Как вы могли об этом что-то знать? – Медленно-медленно в голос Сэмюэла вкралось подозрение, потом он осознал правду.

– У меня есть друзья, – с ухмылкой ответил Андрей. Он снова пообещал себе ещё раз поблагодарить Стивена за то, что тот постоянно держал его в курсе последних открытий в кластере Керенского. *Надо будет сказать ему, что эти симуляции не остались без внимания на континенте Камерона. И о кадетских восторгах.*

– Ах да, как же это я забыл. Вы же, в конце концов, *Керенский*. Конечно, у вас есть друзья в нужных местах. Тем более вам должно быть обидно за себя, правда? – Яд в голосе Сэмюэла просочился даже сквозь дигитальную передачу.

Андрей предвидел подобный ответ, но все же почувствовал укол. Конечно, у него не было ни малейших сомнений в чувствах Сэмюэла, тем не менее, его разочаровало, что эмоции так явно обуревают студента. Это задело Андрея куда глубже, чем Сэмюэл мог представить – старая рана, которая, похоже, не заживет до конца никогда.

Вечно мое имя!

Мое растреклятое имя!

Накатившая злоба дала бою решительный толчок. Андрей прервал круговой бег вокруг «Тага» и взял курс на прямое столкновение с противником. На груди «Тага» взорвался ракетный залп и покуда кадет пытался, несмотря на сократившееся расстояние, привести в боевую позицию ППЧ, машина Андрея на скорости более, чем в пятьдесят километров в час, врезалась в «Таг».

Почки Андрея подскочили, кажется, до самого горла, когда командирское кресло отвесило его заднице мощный пинок, который должен был имитировать бросок вперед. Желудок его также дернулся от вида передней панели и монитора, взорвавшихся бурей огней и звуков.

Раздражение охватило Андрея гораздо сильнее, чем он мог ожидать – раздражение, которое грызло его слишком долго. Злость, накопившаяся за годы манипуляций со стороны его брата, обида на дистанцию между ним и его отцом, великим генералом – все это взорвалось в один момент. Некоторое время Андрей вообще не воспринимал, что происходит вокруг.

Словно на большом расстоянии, далеко-далеко от всего, что он мог видеть, на краю гигантской воронки Андрей чувствовал теплое прикосновение губ к своей шее. Мысль о прина-

длежащих этому воспоминанию загадочных глазах немедленно вернула его к реальности. Он встряхнулся, втянул горячий, спертый воздух рубки в заболевшие лёгкие. Слезы стекали по щекам Андрея, нанося на кожу дополнительную соль. Он осознал дергающую боль в правой руке, посмотрел на неё, словно эта часть тела вовсе ему не принадлежала, и увидел, что пальцы все ещё судорожно сжимают джойстик. Ногти глубоко впились в кожу, от сломанной рукояти в его руке тянулись бесчисленные провода и шнуры – мимо правой ноги к тому месту на командирском кресле, где раньше были закреплены рычаги управления.

Словно вены из разодранного тела.

Андрей медленно поднял глаза на передний обзорный экран, где дрожала последняя сцена боя – застывшая после того, как система отказала. «Таг» совершенно не походил больше на мощную боевую машину, которой был раньше. На броне были видны многочисленные повреждения, которые явно вели свое происхождение от рук и ног «Экстерминатора».

Как будто я попытался разорвать его на части.

Он задрожал ещё сильнее, когда его охватил стыд за неожиданную потерю контроля. Злость на кадета улеглась. *Всего лишь студент.* Разочарование тем, что его просьбу о переводе вновь отклонили, оказалось слишком большим. *Я должен отсюда убраться!*

Андрей закрыл глаза и свесил голову вниз, насколько это позволял неприятно давящий на плечи нейрошлем. Бездна надежды ситуации душила его. Но одно чувство не поддавалось разочарованию, укрепляя надеждой плотину, которая грозила рухнуть.

Обещание поцелуя снова заставило гореть его кожу. *Я не должен этого допустить!* Его немой крик утонул в пустоте, однако вдруг отозвался эхом. Загадочные глаза ответили на его зов. Сквозь злость и страх на горизонте обрисовалось решение. *Я так больше не могу... Я должен... Я...*

Вот я стою тут и ничего другого не могу.

18

Военная академия Эдема, Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

21 марта 2795 года

Ливень смывал всё. Андрей стоял под первым весенним дождем в году. Вода вымочила его одежду, напоминая о забытых слезах; очистила его, благословила его, подготовила его к одному из важнейших решений в его жизни.

Воздух был наполнен эдемскими запахами, приносимыми ветром из сухих саванн за зелёным поясом, так что ночной душ был освежающим. Вода потоками стекала с Андрея и капала на ноги. Он глядел вперед, на погруженное в темноту здание Академии и окружающую его влажную траву терранского происхождения.

На секунду Андрею показалось, что он ощущает под своими ногами биение жизни Эдема

– стук сердца эонов, за которые эта планета развилась в то, чем она сегодня была. Андрей медленно наклонился, нащупал траву и – к своему удивлению – что-то чужеродное. *Почти... внеземное.* Словно эта ночь перенесла его в чужой мир со всеми его возможностями – возможностями, у которых он сам до сих пор стоял на пути. Ему казалось, что нужно было всего лишь протянуть руку, чтобы дотянуться до них.

Медленно, последовательно Андрей вырвал пучки травы и освободил таким образом небольшой клочок земли. Тогда он запустил пальцы в тело Эдема и вытащил пригоршню земли. Андрей попробовал что-то разобрать, но, несмотря на новое уличное освещение, в темноте он ничего не смог разглядеть. Вместо этого он закрыл глаза, взял гумус обеими ладонями и пропустил клейкую массу – плоть Эдема – сквозь пальцы. *«Простота субстанции насмехается над сложностью жизни. Весь мир живет лишь возможностью, скрывающейся в уродстве».* Пушкин.

Андрей осторожно поднялся и растопырил пальцы, чтобы дождь омыл их от грязи. Его глаза поднялись к окну на третьем этаже, прямо рядом с безнадежно переполненной водосточной трубой.

Взгляды студентов, участвовавших в пари, через день после симуляционной битвы были не самыми обнадеживающими. Кипящий гнев и презрение у Сэмюэла, испуганные кроличьи глазёнки остальных трех кадетов. *Не слишком-то похоже на только что проявившееся уважение.*

Его отца, – Андрей был в этом убежден, – представление о том, что его сын ищет драки, чтобы завоевать уважение, повергло бы в глубочайший стыд. Не говоря уже о том, что он потерял самообладание перед подчиненным. Он вспомнил, сколько раз в детстве ему рассказывали историю из тех времен, когда генерал сам был кадетом. Тогда «насилие, порожденное глупостью», как всегда выражался его отец, едва не стоило жизни одному из кадетов. *Вероятно, я более похож на отца, чем полагал до сих пор. Николай гордился бы, увидев, как я продолжаю семейную традицию.*

После боя Андрей едва не принял решение вообще не прийти на занятия, зная, какие взгляды его ожидают. Весь остальной класс будет, конечно же, посвящен и соответствующим образом настроен. Более всего Андрей боялся встретить отторжение в одной вполне определенной паре глаз. Он был уверен в том, что это было бы больше, чем он в состоянии вынести.

Однако взгляд сквозь смотровое стекло воздушного шлюза на человека, с готовностью принимавшего последствия своих действий вплоть до самой смерти, в конце концов все же направил Андрея в аудиторию. Несмотря на острое чувство стыда, он вошел в класс, провел занятие так, словно ничего не произошло, и занялся зализыванием собственных ран. Всё время, прошедшее после боя, он был озабочен тем, чтобы не посмотреть никому в глаза – особенно Дане. Но теперь он пришел к выводу, что дальше так дело не пойдет. В конце концов, уж до этого-то он додумался.

Я нашёл поддержку там, где не смел надеяться.

Её глаза были полны понимания, они впустили Андрея в себя и уменьшили его боль.

Двадцать восемь часов.

Пришло время наконец-то принять решение – решение для себя самого. И по часу на каждый год, который Андрей потратил, ведя жизнь, которую определял за него кто-то другой или что-то другое. Происхождение, обстоятельства и козни его брата принудили его к такой жизни.

Моё участие во встрече на «Гермесе»? Симуляционный бой против Сэмюэла?

Множество решений, которые Андрей до сих пор полагал собственными, представлялись ему теперь реакцией на решения других людей. Мастерство, которого Андрей достиг в обращении с винтовкой, наперекор своей ненависти к ручному оружию – и несмотря на то, что пехотный экзамен стоил мне прямого вступления в СОЗЛ – представилось ему теперь в совершенно новом свете. *Последствие действия, к которому меня вынудили другие.* Выбор, который Андрей сделал, будучи уверенным, что должен подавить собственную слабость.

Но вот это... Это будет нечто совершенно новое. Решение, которое Андрей примет само-

стоятельно; путь, на который он вступит сам. До сих пор он не представлял, что способен на такие решения. Только сейчас он начал медленно, шаг за шагом, освобождаться от той жизни, которая, казалось, давно осталась далеко позади, во Внутренней Сфере. Перед ним раскрывались новые, *собственные* возможности – не те, которые имелись у него в прошлом. Это были возможности настоящего.

Моего настоящего.

Андрей подошел к зданию, двумя руками взялся за водосточную трубу, в которой булькало и хлюпало, и полез по ней вверх. Последние остатки старого «я» отреагировали встревоженно, насмехаясь над ним за его сумасшедшие действия.

Учитель, карабкающийся по водосточной трубе, словно прыщавый подросток в поисках приключений на свою задницу.

Дождь смыл эти мысли прочь. Ему помог невыразимый жар тёмных глаз, которые Андрей уже не мог выбросить из головы.

Ощущая боль в пальцах, он достиг окна, протянул левую руку и ухватился за правую створку. Потом он зацепился левой ногой за подоконник, так что смог постучать рукой в стекло. Ему это почти удалось, но в последний момент он поскользнулся на мокром подоконнике, больно стукнулся головой об стену и едва не свалился вниз.

Перед глазами мелькнуло презрительное лицо Николая. *Дурак.*

Неожиданно он почувствовал сквозняк. Андрей поднял глаза – окно было открыто. Ветер изо всей силы швырял дождь Дане в лицо. Удивительные глаза заставили немедленно исчезнуть образ Николая из мыслей Андрея.

Без единого слова Дана склонилась вперед, окончательно промокнув, и ухватила Андрея за руку. С её помощью ему удалось вскарабкаться на подоконник – хрупкая фигурка Даны скрывала в себе немалую силу. Андрей прыгнул в комнату, закрыл окно и повернулся к ней.

Только мерцание уличных фонарей проникало сквозь стекло – единственное освещение погруженной во тьму комнаты. Буря эмоций и возможностей смешивались в чуждую атмосферу. На какой-то момент Андрею показалось, что он слышит, как с его мокрой одежды капли падают на ковер. Его губы пытались произнести какие-то слова, спросить, услыхала ли она его – *откуда она знала?* Но Дана подошла к нему и прижала палец к его губам. Он посмотрел ей в глаза и понял: этой ночью им не понадобятся никакие слова. Андрей почувствовал себя невероятно тяжёлым.

Это не было ни поверхностным желанием малолетки, который едва-едва успел обнаружить собственный пол, ни сумасшествием новой любви. Телесное, ментальное и спиритуальное желания слились воедино, осели тяжестью в желудке, и тяжесть эта вырастала с каждой секундой. Это чувство усиливалось и усиливалось: казалось, тысячи рук подталкивают Андрея, пока ему не показалось, что он сейчас взорвется. Слёзы навернулись на его глаза.

Это что же, то самое, о чем говорил Уиндхэм? Может, его рассказ о судьбе значит больше, чем я думал. Мысль проскочила по краю его сознания и в следующий момент он был поглощен силой мгновения.

Во тьме комнаты, в пустоте – далеко-далеко от настоящей жизни, от времени – Дана начала раздевать Андрея, одновременно снимая с него прошлое. Плавные, уверенные движения, ускользящие бурей чувств и желанием близости. Андрей глубоко вдохнул и выдохнул. Его глаза постепенно привыкали к темноте и, так же, как и все иные чувства, фокусировались на Дане. Последние остатки его одежды соскользнули на пол и он более почувствовал, чем увидел, что она отступила на шаг назад.

На долю секунды Андрей почувствовал неуверенность, потом он понял. Его дыхание забило в лёгких, когда он дрожащими руками, однако так осторожно, как никогда доселе, стал раздевать её. Ему казалось, что его восприятие переходит на новый уровень каждый раз, когда он снимал с неё очередной предмет одежды. Он продолжал со всей осторожностью и ему, так же, как и Дане, удалось ни разу не прикоснуться к коже. В конце концов – время, казалось, растянулось бесконечно – он, дрожа, встал перед нею.

Что, все-таки мальчишка на пороге возмужания? Опыт всех предыдущих связей был бесполезен. *Всегда – в первый раз.*

Сначала он мог лишь угадывать её движения, одако Дана одну за другой зажгла несколько маленьких свечей, которые расставила в каменных подсвечниках на полу вокруг себя. Когда свет разогнал темноту по углам, ему показалось, что Дана вновь сняла одеяние, сотканное из тьмы.

По щёкам Андрея текли слёзы.

Солдаты, кадеты и другие люди, с которым он до сих пор беседовал на интимные темы, видели в этом, скорее, некое задание, которое следует выполнять. Словно когда-нибудь секс окажется под контролем настолько, что его можно будет, как машину, припарковать где-нибудь в гараже и пользоваться им при возникновении надобности. До этого дня Андрей также был в этом убежден. Однако сейчас, когда они стояли друг перед другом нагие и промокшие – дождь унес с собой их различное прошлое и теперь их ожидало непонятное, но общее будущее – Андрей, казалось, понял, что именно означает понятие «близость».

Мы настолько отданы друг другу... никаких секретов больше. На равных, зная, что каждый заглядывает глубоко в собственное «я». То, что они узнавали, отражалось в глазах. *Никакая правда не остается скрытой* – Андрей инстинктивно почувствовал, что такие моменты даны лишь немногим из людей. *И сколько из них отчаивается, ощущая такую близость?*

Андрей понимал, что отныне не сможет прожить и дня без этого чувства.

Он ничего не знал о прошлом Даны. Точнее – он вообще ничего о ней не знал. Он сам держался подальше от этих вопросов, опасаясь, что они приведут его именно к такой ситуации, в которой он находился. Тем не менее, ощущение того, что в эту секунду он знает всё, что ему нужно знать, окатило его, словно волной. Ему было ясно, что всю свою жизнь он провел в поисках этого чувства единения.

Дана медленно приблизилась к нему, отблески свечей играли на её теле, плоском животе, на груди и шее. Двумя ладонями она прикоснулась к лицу Андрея и её пальцы погрузили его в пучину огня. С открытыми глазами, полностью осознавая свой выбор, они соприкоснулись губами...

Они пили друг друга допьяна. Когда они любили друг друга, Андрею казалось, что он утонет в чувстве совершенства, которое он охотно делил с Даной – какая-то бесконечная, непрерывная общая волна, то возносящая их к зениту, то опускающая в бездну, продолжающаяся в бесконечности далеко-далеко от времени и пространства...

Мемориальное кладбище Звёздной Лиги, Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

1 июля 2796 года

— Он выглядит таким старым, — прошептал Андрей. Хотя он и понизил голос настолько, чтобы его могли слышать только стоящие в непосредственной близости друзья, тем не менее, Андрей почувствовал укол вины: за бесчисленные потерянные часы, пропущенные визиты, за отчуждение, которое было иным, хоть и определялось с той же дистанции, что и связь с его отцом.

Крепкое пожатие руки вернуло Андрея к реальности. Он оглянулся и увидел понимающие глаза Даны, заглядывающие прямоком в его душу. Он ответил на пожатие.

— Давай поглядим, как будешь выглядеть *ты*, когда после десятилетий тебе придется прощаться со мной. — её мягкий голос ответил ему без намека на обвинение. Тональность, которую он научился любить больше чего-либо иного на свете.

Несмотря на теплое полуденное солнце, Андрей дрожал. Потеря была слишком велика, чтобы не дать окружающим ничего заметить.

Душный летний ветер принес лёгкое воспоминание о детстве. Он немедленно попытался отмахнуться от возвращающихся вновь и вновь мыслей, однако с тем же успехом он мог бы пытаться игнорировать солнце. Здесь, на огромном церемониальном плацу кладбища, посреди статуй, надгробий и обелисков различных стилей, поясных портретов и небольших капелл, которые расползались вокруг них во все стороны на расстояние как минимум километра, Андрей тосковал по чувству одиночества. В радиусе ста метров от него находились лишь генерал, Николай и Дана, однако ровно через сантиметр уже начиналось людское море и стена людей окружала маленькую группу со всех сторон. Запах человеческих тел, не говоря уже о тяжёлом аромате кладбищенских цветов, подавлял все остальные запахи, почти что делал ненужными все остальные органы чувств.

После того, как Андрей час назад преодолел толпу на пути к последнему эскорту, огромное количество народа едва ли не лишило его дыхания. *Здесь минимум полмиллиона человек.* Андрей снова задрожал. *Столько восхищения. Столько скрытого влияния.*

Мягкая ладонь ухватила за его руку. Он поднял взгляд и увидел, что генерал подошел к могиле.

Несмотря на впечатляющую униформу командующего СОЗЛ, у Андрея сложилось впечатление, что его отец мысленно витает где-то далеко отсюда. У них в последние годы было не много возможностей видаться, однако Андрей Керенский все ещё носил фамилию человека, который был средоточием благоговения и надежды бесчисленных людей. Андрей все ещё помнил многое из своего детства, даже если это были какие-то разрозненные обрывки. Теперь ему казалось, что он единственный, кто понимал, что роскошная униформа надета на пустой оболочке из-под генерала.

Как будто он — всего лишь бледная тень самого себя. Бронированная скорлупа, покинутая живым духом.

Все ещё пристыженный тем, что в такой момент его посещают столь неуважительные мысли, Андрей все же сознавал, что он прав — *чувствовал* свою правоту. Бесконечная грусть, вызванная смертью его матери, на похоронах которой он находился, выросла ещё больше. *Что мы сделали с тобой, отец? Что мы наделали?*

В конце концов, спустя мгновение, в которое атмосфера показалась Андрею ещё более уг-

нетающей, чем до сих пор – как будто можно глазами увидеть воздух – фигура генерала выпрямилась, он идеально отдал честь и на несколько ударов сердца замер в прощальном жесте. Потом генерал расслабился – отдаленное бормотание толпы можно было интерпретировать, как одобрение и признание. Выражение глубочайшего сочувствия.

Андрей оглянулся вокруг и увидел серьёзные, частью удрученные лица, глядящие на генерала. Он незаметно потряс головой. *Всё, что тебе нужно сделать – это отдать приказ, отец. Они сделают для тебя всё, в любую секунду. Новый исход? Так точно! Где мне поставить свою подпись, чтобы снова отказаться от всего? Я только хочу следовать за Вами...*

Андрей знал, что столь слепой верности он сам никогда не смог бы понять – исключая разве что Уиндхэма и его абсолютной преданности Богу. Он наблюдал за тем, как его отец отходит от могилы и без единого слова направляется мимо Николая. *И мимо меня. Как обычно.*

Генерал решительно переставлял ноги: на вид он стоически переносил страшную тяжесть, навалившуюся на него из-за смерти его жены – и все-таки Андрей снова заметил в нем признаки неуверенности. Когда генерал приблизился к толпе, которая благоговейно отступила перед ним, раздвинулась и вновь сомкнулась за его спиной, в очередной раз отрезав его от его младшего сына, Андрею в голову пришла ещё одна мысль.

Ты никогда и никого ни о чем не станешь просить. Уже потому, что ты знаешь, сколь многого ты от них потребовал. Они бы с радостью выполнили любую просьбу, и всё-таки ты не станешь этим пользоваться, не так ли?

Андрей почувствовал около себя чье-то присутствие и его взгляд, словно притянутый магнитом, остановился на Николае. Тот уставился на то место, где толпа, освобожденная теперь от вызванной уважением необходимости держать дистанцию, поглотила генерала. В глазах Николая застыло выражение, которое заставляло думать, что в нем что-то надломилось. Андрей инстинктивно знал, что его брат также почувствовал момент слабости в своем отце. Они оба это увидели и теперь должны были нести тяжесть опасения, что та сила, которую десятилетиями воплощал генерал – десятилетиями, за которые Вселенная не была занята ничем иным, как только попытками уничтожить этого великого человека – эта сила начинает потихоньку улетучиваться.

За каждым великим мужчиной...

Глаза Андрея зачесались и стыд вновь охватил его, словно жерновами, перемалывая те жалкие крохи самоуважения, которые у него ещё оставались.

Я оплакиваю метафизическую смерть моего отца, но что происходит с реальной смертью моей матери? Ничего удивительного, что мой отец не желает больше иметь со мной ничего общего.

– Ты не мог прийти один? Сил не хватило? – эти слова, холодные и отвратительные, хлестнули Андрея, словно плетью.

Выбитый из колеи, всё ещё занятый жалостью к самому себе, Андрей взглянул вверх и уставился в серые глаза, которые, казалось, резали его на части. *Разве они не были раньше голубыми? Это болезнь изменила цвет его глаз или он теперь зависит у него от настроения?* Андрей безмолвно таращился на Николая, пока его разум тщился сформулировать бушующие мысли во внятный ответ.

– Добрый день, сэр, – вмешалась Дана, причем ей удалось придать своему тихому голосу вежливый, но твёрдый оттенок. – Это мне сегодня понадобилась поддержка Андрея. Даже если вы в состоянии сегодня чувствовать лишь вашу собственную боль, но я тоже ощущаю потерю.

Оба брата одинаковым движением обернулись к Дане, чтобы определить, кому из них предназначались эти слова.

Она держала руки сложенными на груди, но вдруг открыла их жестом, охватывающим окружающих зрителей.

– Я и мы все сегодня потеряли мать.

Бормотание стоящих неподалеку – почти одноголосное – стало немного громче и избавило их троих от тягостной необходимости сохранять молчание, которое могло в этот момент

накрыть их с головой. Николай медленно и глубоко втянул воздух – он выглядел так, словно желал оттеснить Дану одним своим присутствием.

Андрей боролся со своими чувствами, презрение к самому себе вновь стало пожирать его. *После всего, что произошло, я, дубина стоеросовая, всё ещё позволяю моему брату напугать меня... и оставляю без защиты ту, которая сроднилась со мной душой.*

– Никого вы не потеряли, – в конце концов ответил Николай и его слова подчеркивались горячим гневом и отчуждением в его глазах. – Может быть, вы сегодня лишились одного из лидеров, но мы оплакиваем нашу собственную плоть и кровь.

– Конечно, – отступилась Дана. её голос снова был наполнен глубоким уважением, однако в нем звучала сила, которую нельзя было перебороть. Сила, которая бросала Николаю вызов, вызвала у него желание сломить любое сопротивление. – Я ни в коем случае не хотела задеть ваших чувств. Но даже если я никогда не знала собственных родителей, боль от того, что они погибли от рук узурпатора, все ещё горит во мне. И теперь, когда вы трое стоите наедине со своим горем, все, кто хорошо к вам относятся, готовы подставить вам плечо, готовы обнять вас. Они все хотят помочь вам перенести боль – если вы позволите им это сделать.

Андрей попытался пошевелить застывшим языком, который мертво заполнял его рот, так что он опасался, что его стошнит. С помощью Даны он далеко продвинулся, однако сейчас он не смог бы противостоять брату без того, чтобы не рухнуть обратно в старый стереотип поведения, почувствовать старые боль и страх.

Словно выброшенная на берег рыба, панически пытающаяся дышать воздухом, для которого её жабры не приспособлены, Андрей с застывшим взглядом открывал и закрывал рот. Дана стояла перед его братом, её тонкая фигура напоминала хрупкий цветок по сравнению с Николаем, который возвышался над ней ледяным гигантом.

Андрей едва не проглотил собственный язык, когда Дана сделала осторожный шаг к Николаю. её глаза были окном, в котором видно было почти неземное сочувствие. Андрей слишком хорошо знал, как в этот момент должен был себя чувствовать Николай.

– Я сочувствую лишь тем, кто не осознает собственного потенциала. Вы, Николай, используете весь свой потенциал и я лишь боюсь за то, что вы оставите позади себя на этом пути.

Не будь Андрей свидетелем этой сцены, он бы не поверил в то, что произошло. Николай не изрек ни одного из своих едких комментариев. Вместо этого Дана и его брат схлестнулись взглядами в мгновенной дуэли, своей интенсивностью не уступающей настоящим поединкам, через которые Андрею довелось пройти. Как это уже часто случалось с тех пор, как он и Дана познакомились, у Андрея появилось ощущение, что они оказались перенесенными в какую-то иную Вселенную, несмотря на сотни тысяч людей, что их окружали...

...и вдруг они втроем оказались одни. У Андрея в прямом смысле слова волосы поднялись дыбом, пока Дана и Николай вели безмолвный диалог. Вокруг него пульсировала энергия, источник и природу которой Андрей, при всем желании, не мог распознать. Казалось, они разговаривают уже долгие часы, дни или даже месяцы – и одновременно всего лишь мгновения, при этом выражение их лиц остается совершенно неизменным.

Когда окончилась вечность – по крайней мере, у Андрея было такое ощущение – Николай первым отвел взгляд и посмотрел на Андрея. Краем глаза он уловил, как Дана кивнула, словно достигла чего-то, что он, наверное, никогда не поймёт.

– Похоже, вы не так уж сильно не отвечаете запросам нашей семьи.

Не проронив больше ни слова, Николай развернулся и быстрыми шагами направился к ожидающей толпе.

Все ещё под впечатлением зрелища, как Николай проиграл спор, Андрей повернулся к Дане, которая следила, как удаляется его брат.

– Как тебе... я не понимаю... что, черт... – Он знал, что выглядит идиотом, но за время, проведенное вместе с Даной, он научился видеть в ней не только любовницу, но и друга. Она смущенно улыбнулась.

– Никаких трюков, Андрей, клянусь. – ответила она, не упуская Николая из поля зрения. – Я

всего лишь выказала ему уважение, которого он достоин... У меня нет страха перед ним или перед тем, кем он может стать.

Замешательство в черепной коробке Андрея едва не взяло над ним верх, запах бесчисленных траурных венков, собранных из местных цветов и трав, лишь усиливал его.

– А кем он может стать? – *Господи, только не ещё одно из этих пророчеств.* Смирится ли он когда-нибудь с той единственной ошибкой, которую они совершили?

В конце концов, Дана взглянула на него и колени Андрея подогнулись, когда он увидел, какая любовь светилась в её глазах.

– Он одинок, ещё более одинок, чем его отец сейчас. Никакой личной дружбы, никакой помощи – только командование подчиненными.

– Что ты хочешь этим сказать? – что-то в её лице заставило Андрея задуматься. *Имела ли она в виду что-то иное?* Эта мысль, как и все его вопросы, исчезла в глубине её глаз.

Дана грустно улыбнулась. Сочувствие отразилось на её лице – как всегда, когда она разговаривала с Андреем таким тоном.

– Твой отец открылся лишь немногим людям и многие годы большинство из них не принадлежало к его семье. Боль и самобичевание, которые следовали за смертью, а часто – и за предательством этих ближайших сподвижников, оставили свои следы. Следы, которые Николай только что осознал. Шрамы, которые он не желает видеть. И он знает, что станет наследником своего отца. Не усеян ли он сам достаточным количеством собственных шрамов, как и все мы? – закончила она сдавленным шёпотом. Андрею показалось, что он слышит отголоски её боли, уходящей корнями во времена оккупации – боли, которую разбудил этот взгляд внутрь.

Он протянул руки и прижал её к себе: его объятия – защита от воспоминаний, преследующих её.

Андрей оглянулся через плечо на Николая, в этот момент исчезающего в толпе. Иначе, чем перед отцом, перед ним люди расступались испуганно. Хотя Андрей видел множество сочувствующих лиц, Николай двигался сквозь людскую массу так, словно его окружала решетка, отталкивая всякого, кто мог оказаться на его пути и высказать ему свои соболезнования.

Хочешь ли ты в самом деле быть одиноким, брат? Есть ли у тебя вообще выбор?

Впервые в жизни Андрей увидел своего брата в новом свете. В свете, который исходил из слов Даны, который заставлял Николая отбрасывать новую тень. Первую отчетливую тень, которую он увидел за своим братом.

Эти очертания, хотя и находились ещё далеко и виделись нечетко, вернули страх.

Военная академия Эдема, Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

8 ноября 2800 года

Ещё не успел замолкнуть звонок, возвещающий об окончании занятий, а студенты уже повскакивали со своих мест и, едва сдерживаясь, заторопились к выходу.

– Для тех, кого это касается: не забудьте сдать ваши последние курсовые для допуска к экзамену, – сказал Андрей достаточно громко, чтобы быть услышанным, несмотря на шум, – Кто не сдаст мне работу до завтра ноль-девять сотен, не будет допущен к выпускному.

Ему ответом был хор голосов, выкрикивающих «Ут!», однако студенты по-прежнему целеустремленно прорывались к двери и к свободе, которую тяжким трудом зарабатывали последние четыре с половиной года. Выражение «ут» заняло за это время свое место в кадетском лексиконе настолько прочно, что Андрей уже почти перестал придавать этому значение.

Почти.

Только Андрей отложил в сторону книгу – «Жестянки и пинки» генерала в отставке Дагмара Ли – выдержки из которой читал вслух студентам, как его взгляд упал на Сэмюэла Хельмера. Сардоническая ухмылка на лице кадета пылала, словно дульное отверстие ППЧ.

Совершенно верно, Сэмюэл. Я имел в виду именно тебя. После стольких лет ты всё ещё носишься со своим высокомерием.

В этот момент Сэмюэл легонько кивнул головой, словно хотел подтвердить мысли Андрея. Потом он повернулся к своим друзьям, спешащим к выходу, чей смех доносился уже от дверей. Судя по тембру, они как раз обсуждали планы на вечер – планы, в которых главную роль играло гигантское количество алкогольных напитков. Прежде всего, конечно – самогона «от Сэмми».

Достучался ли я, в конце концов, до тебя – наперекор страхам, которые я, очевидно, пробудил в тебе за последние годы? Или это всего лишь твоя заявка на поступление в часть моего брата, которая, как тебе кажется, дает тебе право не обращать больше внимания на мои слова?

Андрей улыбнулся, оценив комичность ситуации. *А какая, собственно, разница? Да никакой, по крайней мере – для Сэмюэла. Я сделал все, что мог.*

Андрей помотал головой и стал быстро собирать вещи. Потом несколько замедлил темп движений. Зародившееся в последние недели напряжение становилось патологическим. Ему нужно подумать о своем завтрашнем дне рождения, об одиночестве и холоде, которые распространялись от пустого места в кровати рядом с ним. Он догадывался, что Дана исхитрится передать ему весточку, посланную, скорее всего, за несколько дней, а то и недель загодя с какого-нибудь только что открытого мира в скоплении Керенского. Потому что, несмотря на длительное время, проведенное ими в разлуке с момента досрочной сдачи Даной выпускных экзаменов и её вступления в СОЗЛ, ей всегда удавалось провести с ним на его день рождения хотя бы несколько часов. Однако на этот раз, невзирая на их совместные усилия – *не такие уж маленькие, учитывая тот факт, что я ВСЕГО ЛИШЬ преподаватель академии* – все выглядело так, что побыть вместе не получится.

Андрей попытался отогнать эти мысли пожатием плеч, однако привкус разочарования остался, словно аромат особо противного лекарства на языке – и он невольно скривился.

– Майор Керенский?

Андрей поднял глаза и увидел двоих военных полицейских, воздвигшихся над ним. За их плечами можно было увидеть, как спешащие к выходу студенты, любопытствуя, выворачива-

ют шеи, чтобы незаметно оглянуться. *Такое* и в самом деле не каждый день увидишь.

– Да, – ответил Андрей и приветливо кивнул обоим. Как он с удовольствием заметил, один из полицейских чинов был высок и худ, в то время, как другой – приземист и коренаст.

– Сэр, я – лейтенант Харди, – начал длинный и худой, отдавая несколько преувеличенно четкий салют.

Андрей небрежно вскинул руку в ответном салюте.

– Это мой партнер, лейтенант Тиллмук, – продолжил полисмен, указывая на своего сопровождающего ростом поменьше. Тот также отдал честь и Андрей снова поднял руку.

– Что я могу для вас сделать?

– Сэр, в данный момент мы ведём следствие и надеемся, что вы сможете нам помочь.

– С удовольствием. Пойдём отсюда куда-нибудь? – спросил Андрей и бросил взгляд на дверь, чтобы убедиться, что последний студент покинул аудиторию и закрыл за собой дверь.

– В этом нет необходимости, сэр? У вас найдется для нас время?

– Конечно же. Неплохой тайминг, у меня как раз кончился последний на сегодня урок, – ответил Андрей, потянул за спинку стул, сел и с улыбкой взглянул на обоих полицейских. – Хотя, впрочем, похоже, что это не тайминг. Вы просто точно знали, когда прийти. Садитесь, – предложил он, указывая на передний ряд парт.

– Мы предпочитаем постоять, сэр.

– Как вам будет угодно. Итак, о чем пойдет речь?

– Мы не уполномочены об этом говорить, сэр.

Андрей бесчувственно улыбнулся. *Конечно же.* Он может до конца дней прослужить в СОЗЛ, но некоторые аспекты военной службы по-прежнему будут сводить его с ума.

– О'кей. Итак, спрашивайте.

– Нам бы хотелось узнать, где вы были минувшей ночью, – начал лейтенант Харди. Андрей перевел взгляд с Харди, которого в мыслях немедленно окрестил «Тарапунькой», на лейтенанта Тиллмука, «Штепселя». *Ну просто очень подходит.* Потом опять взглянул на Харди. Нельзя было сказать, чтобы тот выглядел придурком, однако распределение мозговых извилин, похоже, было произведено явно в пользу Тиллмука. *Скорее всего, люди частенько недооценивают его, потому что он толстый и маленький... но эти глаза...* Взгляд в глаза Тиллмука убедил Андрея в том, что этот человек не упустит ни одной, самой незначительной детали вокруг себя.

Андрей вспомнил времена, когда подобная встреча вполне могла совершенно выбить его из колеи, посеять сомнения вплоть до паранойи. Он сардонически улыбнулся.

– Я был в баре «Холмы Нойбл». – *Ха, как минимум кто-то на этой планете интересуется мною.* Улыбка искривилась ещё больше. *Н-да, ещё не все демоны изгнаны...*

– И вы были там с...

– Я что, должен перечислить всех, кто сидел в баре?

– А вы можете это сделать?

Взгляд Андрея упал на приземистого человечка. Культурный, приглушенный тембр голоса подтвердил его первоначальную оценку.

– Нет, скорее всего, хотя я знаю имена большинства из них.

– Хорошая память?

Андрей пожал плечами.

– Ну, так как в последнее время столько частей были сменены, получается, что я там стал кем-то вроде завсегдатая. Я немного знаю о тамошних людях и, конечно же, знаком с большинством из тех, кто там часто бывает.

– Сэр, – прервал его Тарапунька, – вы не могли бы нам сказать, с кем именно вы там находились?

– Конечно. Обычные подозреваемые: Джейсон, Уиндхэм, Раймонд и Карсон.

– Вы говорите о майорах Торинсоне и Сайнце, а также о полковнике Хатибе и генерал-майоре Карсоне?

– Так точно.

– Сэр, как долго они там находились?

Андрей сменил позицию на стуле и услышал, как его позвоночник отчетливо хрустнул. *Стареем, Андрюша?* Скорее всего, как минимум, студенты полагали именно так. *Завтра, значит, тридцать три? Как долго я, собственно, преподаю тут?* Он ухмыльнулся. *Слишком долго.*

– Сэр?

Андрей попытался сконцентрироваться, так как заметил, что ещё не дал собеседникам ответа. *День рождения без Даны, похоже, выбил меня из колеи гораздо сильнее, чем я думал.*

– Прошу прощения, лейтенант. Я думаю, я был там примерно до двадцати трех ноль-ноль.

– Вы, случайно, не знаете, когда точно вы ушли?

– Увы, нет, – ответил Андрей и покачал головой. – У меня не было причин глядеть на часы, когда я ушел оттуда. Особенно потому, что уже и так было поздно. Я помню, что смотрел на них, когда отправился в туалет, тогда было двадцать два ноль-ноль. Полагаю, я ушел где-то через час.

– Это значит, что вы не в курсе, сколько времени там оставался генерал-майор Карсон после вашего ухода? – неожиданно встрял с вопросом Штепсель.

– Как? – удивленно переспросил Андрей. Он выпрямился и вдруг почувствовал себя не таким уж спокойным. Он несколько раз перевел взгляд с одного на другого. – А какое отношение все это имеет к генералу?

Тарапунька бросил на партнера убийственный взгляд. На его лбу угрожающе напряглась вена. В следующий момент она опять исчезла, а на физиономии появилась улыбка.

– Мы лишь задаем общие вопросы. Ничего конкретного.

– А почему же вы тогда не спрашиваете об Уиндхэме или о Раймонде с Джейсоном?

– Я как раз хотел об этом спросить, – отпарировал Тарапунька с лёгким напряжением в голосе. *Словно он себя чувствует вынужденным защищаться.*

Андрей вновь оглядел обоих военных полицейских и медленно покачал головой.

– Хм... почему я вам не верю?

Оба полисмена обменялись взглядами, потом Штепсель кивнул. Тарапунька вновь повернулся к Андрею.

– Сэр, то, что я вам сейчас скажу, не должно выйти за пределы этой комнаты.

– Конечно, нет. Что с Карсоном?

– Сэр, в данный момент мы только проверяем сигнал. Если быть точным, он не связан напрямую с Карсоном.

Андрей откинулся на спинку стула и прокрутил эту формулировку ещё раз в голове. Ещё один короткий обмен взглядами между обоими его визави дал ему представление о том, что теперь должно последовать: старый добрый трюк «хороший полицейский» (Тарапунька) – «плохой полицейский» (Штепсель). *С одной стороны, они хотят мне подкинуть информацию, чтобы посмотреть, как я стану реагировать, а с другой – не хотят, чтобы я подумал, что они готовы служить мне справочной. Что всё это значит?*

– Мы расследуем убийство, которое произошло в минувшую ночь в форте «Брайан-IV».

– А при чем тут я? И почему вы подозреваете Карсона?

– Сэр, в данный момент мы не подозреваем ни вас, ни генерала Карсона. Мы просто пытаемся выяснить, где определенные лица находились в определенное время.

– Но почему я? И почему Карсон? Убийство? Это ещё почему? – голос Андрея все повышался и повышался, одновременно с его возмущением. – Одного из величайших героев СОЗЛ? Который получил командование 149-м? Вы вообще понимаете, кого вы обвиняете? – Андрей резко вскочил и забегал за пультом туда-сюда.

– Сэр, как я уже заметил, в данный момент мы никого не обвиняем и не подозреваем.

– Но из всех людей на Эдеме вы пришли именно ко мне! – Он пронзил обоих взглядами, глубоко вздохнул и попытался осознать ситуацию.

Что здесь творится? Что-то непонятное. Они хотят выяснить место пребывания некоторых людей прошлой ночью? Что, в свою очередь, означает, что речь идет о немногих.

Итак – что я и Карсон имеем общего с этими немногими?

– Мы исходим из того, что круг лиц, с которыми нам придется разговаривать, достаточно узок.

Андрей взглянул на лейтенанта Харди, чьи слова подтвердили его собственные размышления.

Однако насколько велик этот круг – или наоборот, насколько мал? И почему я? Или эти двое – просто мелкие сошки, которые не решаются наехать на генерала, пока в состоянии получить информацию от одного из его друзей? От друга, которого весь мир знает, как Керенского-неудачника?

Не слишком-то дружелюбная улыбка Андрея погасла прежде, чем отобразилась на губах.

Ну вот что, господа хорошие. Вы, значит, решили получить информацию, не пошевелив и пальчиком. А что же именно вас интересует? Только Карсон? Спрашивается – а что же он имеет общего с немногими другими? Он, генерал-майор?

Андрей попытался привести мысли в порядок, совершенно игнорируя презрительные взгляды, которыми наделяли его собеседники, раздраженные его молчанием.

Сколько вообще имеется генерал-майоров? Нет, дело не может быть в этом. Так пришлось бы опрашивать добрую сотню подчиненных, так что они не пришли бы ко мне первому. Значит, они копают именно под Карсона.

Мысль, медленно проникая в его голову, была столь абсурдна, что он едва не расхохотался. *Это даже ещё глупее.* Он снова обернулся к обоим полицейским, чувствуя, что попал в тупик. *Я должен знать, что тут творится.* Андрей резко вдохнул, снова сел на стул и сцепил руки на столешнице.

– Почему вас интересует член Звёздного Ордена? – Андрей напряженно ожидал реакции собеседников. То, что он увидел, почти что принесло ему облегчение. Штепсель не моргнул и глазом, хотя Андрей видел, что он старается не потерять самообладания. Тарапунька, напротив, был поражен, и когда оба вновь обменялись мимолетными взглядами, Андрей понял, что между ними происходит нечто вроде состязания.

Тарапунька облизал губы и после разрешающего кивка партнера осторожно ответил:

– Сэр, у нас есть основания предполагать, что из форта «Брайан-IV» было похищено военное оборудование.

– Что? – Андрей едва не вскочил снова. *Вот это номер.* Такая возможность не только не могла бы прийти ему в голову – по сравнению с иными вариантами, которые он рассматривал, этот был попросту невозможным.

– Я не могу разглашать иные детали, сэр.

– Не можете или не хотите?

– И то, и другое.

Андрей ударил ладонью по столу так сильно, что звук отразился от стен, породив странное эхо:

– Вы же не думаете, что я стану отвечать на ваши вопросы, пока вы меня кормите недоговорками? Я ни секунды не верю в то, что Карсон замешан в убийстве или в похищении военного оборудования. Но если я хочу доказать его невиновность, мне нужна информация.

– Вы считаете его невиновным? – Штепсель успел вбросить вопрос в тираду Андрея и тот, борясь с возмущением, решил, что данное прозвище подходит к толстяку как нельзя лучше.

– Конечно, я так считаю. Почему я должен считать иначе? Он – член Звёздного Ордена! – Андрей ещё не кричал, но был на грани крика. *Почему, чёрт побери, они этого не понимают?*

Глаза Штепселя мгновенно изменили выражение и начали буквально буравить Андрея. Атмосфера напряглась до звона. Андрей чувствовал, что сейчас происходит нечто такое, что ему совсем не нравится. И вдруг его осенило.

Николай?

Вот уже довольно долгое время Андрею удавалось не подозревать за всем и каждым происки своего брата. Понимание Даны, бальзам на его душу, позволил Андрею увидеть Николая в ином свете, несмотря на конфликты, причиной которых тот стал.

Но вся эта история имеет слишком много общего со штучками Николая.

Вся ситуация до жути напоминала Андрею подспудно подготовленную ловушку, которых он научился бояться, которые вновь и вновь грозили уничтожить всё, ради чего он работал так самоотверженно. Порывы урагана сменялись притворными затишьями, пока не начинало казаться, что непогода миновала. И дующие с утроенной силой ветра били в лицо Андрея каждый раз тем более сильно, причем как раз в те моменты, когда он ожидал этого меньше всего.

– Один из бывших подчиненных Карсона был вчера арестован во время демонстрации, которая вышла из-под управления. Это случилось в тот же день, что и убийство. Нас это наводит на подозрения, – культурный голос Штепселя едва не придал информации оттенок нейтральности.

Андрей запнулся, словно пораженный громом, челюсть его отвисла. *Что, черт побери... Как? Какая ещё проклятая демонстрация? Что?..*

– Какая демонстрация? – это было все, что он ухитрился выдать из себя. Андрей изо всех сил старался не допустить в собственные мысли одного вполне определенного воспоминания.

– Демонстрация, призванная явить желание бесчисленных отправленных в отставку солдат сформировать планетарную милицию. Если быть точным, то подобные акции были проведены одновременно на всех пяти мирах Пентагона.

Этими словами Штепсель с удовольствием швырнул в Андрея последний блок информации, однако весь его вид совершенно не соответствовал серьезности положения.

– Да, я что-то такое помню. Однако к чему вы ведете? Что произошло?

– О, никто не был ранен. Но в какой-то определенный момент все это выплеснулось через край и за короткое время было задержано около сотни человек. Самое худшее было предотвращено в последнюю секунду, прежде чем ситуация вышла из-под контроля.

Андрей обеими руками потер лицо, стараясь удержать воспоминания на расстоянии. Ему казалось, что он слышит шёпот Даны, но не понимает ни слова. Потом Андрей взял себя в руки, глубоко вздохнул и вспомнил тот день в баре, несколько лет назад.

– Джилл. Вы арестовали некую Джилл? – несмотря на все усилия, фамилию Андрей вспомнить не мог.

– По-моему, да. Точно, среди задержанных была одна Джилл. – *Совершенно нейтрален.* В голосе Штепселя не было слышно ни единой эмоции. Тем не менее, Андрей чувствовал, как напряжение достигает очередного пика.

Он вспомнил смущение в грустных глазах Джилл. Она производила впечатление почти совершенно уничтоженной.

Ты всё-таки потеряла доверие к нашей новой жизни? Разросся ли Эдем в конце концов до такой степени, что у тебя нашлось время вспомнить, как тихо и незаметно тебя вырвали из твоего прошлого существования? Черт возьми, бедняга Джилл...

Потрясение Андрея ещё более усилилось, когда он перенес эти мысли на миллионы солдат, отсеянных и демобилизованных по результатам отборочных тестов. *Забыли ли они все Мечту?*

Отчаяние Андрея лишь ненадолго удержало его от того, чтобы развернуть в голове новые сценарии. Мало-помалу каждая часть головоломки находила свое место.

– Разрешите мне сформулировать всё это следующим образом: у вас есть доказательства того, что член Звёздного Ордена замешан в этом деле. Так как Джилл служила ранее под командой Карсона и именно в этот день оказалась арестована как участница демонстрации, которая переросла в беспорядки и, таким образом, скорее всего, отлично послужила для отвлечения внимания от форта «Брайан-IV»... И убийство, которое там произошло, служит лишь для того, чтобы скрыть контрабанду оружия... – Андрей поднял глаза и замолчал. Две пары глаз наблюдали за каждым его движением, а Тарапунька едва заметно кивал.

– Это ни в какие ворота не лезет. Прошло минимум десять лет с тех пор, как кто-то из нас общался с ней.

– Так ли это? – спросил Штепсель. Его нейтральный тон раздражал Андрея.

Он открыл было рот, чтобы выдать Штепселю достойную отповедь, однако воспоминание о словах Карсона, сказанных много лет назад, заставило слова застрять у него в глотке.

«Она – из моей части и так будет всегда». На какой-то момент Андрей пребывал в неуверенности, однако потом подумал о годах, проведенных вместе с друзьями. *Годы дружбы. Нет. Этого попросту не может быть.*

– Мне очень жаль, но это просто бред. Карсон никогда в жизни не вяжется в подобную историю.

– Вы дадите мне эти заверения письменно?

Андрей бросил на Штепселя раздраженный взгляд.

– Да пожалуйста. И не стесняйтесь, заходите в любое время и болтайте со мной столько, сколько вам заблагорассудится и о чем хотите. Я всегда отвечу вам то же самое. Карсон и эти приколы? Ни за что!

Прежде, чем Тарапунька ответил, оба солдата обменялись ещё одним многозначительным взглядом.

– О, я уверен, что мы придем ещё раз, чтобы поговорить с вами, сэр. – неравная парочка отдала салют и Андрей устало вернул его.

Оба полицейских исчезли, а Андрей остался сидеть в медленно темнеющей аудитории. В это время года солнце заходило уже довольно рано.

Демонстрация? Убийство? Контрабанда оружия? Это попросту не лезло ни в какие ворота. *Мы что, не переживаем сейчас Золотой Век нашей колонизации?*

Он медленно встал, убрал вещи в письменный стол и покинул аудиторию, закрыв за собой дверь.

Воспоминания, казалось, затуманили его видение настоящего. Воспоминания о Джилл и других в баре, которые потратили месяцы на то, чтобы принять свою новую жизнь в качестве гражданских, мысли о классной комнате, в которой он сам читал лекции о быстрых и жестоких мерах военного времени. Он и сам всегда сомневался в целесообразности подобных концепций, но сейчас его собственные слова вернулись, чтобы преследовать его. *Вступили ли мы уже на тропу без возврата?*

Николай?

Эхо его шагов сопровождало Андрея с этажа на этаж до самого выхода из семинарского здания, пока его мысли мчались по кругу, налетая одна на другую. Он вышел наружу и его окутал холодный вечерний воздух. Андрей запрокинул голову и увидел, как над темнеющим горизонтом зажглись первые звезды. Пошёл лёгкий снег и маленькие снежинки закружились в ночи.

Нет, я отказываюсь верить в то, что Карсон способен на такие идиотские поступки.

Тем не менее, Андрею казалось, что холод заполнил его доверху: надвигающаяся зима одновременно была вестником темного будущего. *Похоже, беззаботное лето кончилось. Одиночество зимы стоит у порога.*

Его охватила дрожь.

*Сектор 4, Новая Москва
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
28 ноября 2800 года.*

Исходящая паром чашка кофе слегка задрожала, когда официантка поставила её на стол, и несколько тёмно-коричневых капель потянулись вниз по внешнему обводу.

– Ой, мамочка... Простите, пожалуйста – пробормотала девушка, вытащила из-за пояса салфетку и торопливо промокнула жидкость прежде, чем та пролилась на брюки или на пол.

– Всё в порядке, – сказал Уиндхэм и из глубины его обширной бороды (*Ну чистый эдемский бобёр!* – *Андрей попросту не мог удержаться*) сверкнула улыбка.

– Отчего, ради всего святого, ты носишь эту штуку? – спросил Андрей после того, как официантка удалилась.

– Потому что я – Божий человек, – ответил Уиндхэм и пододвинул к себе чашку. – От нас ожидают, что мы станем носить бороды. Это позволяет нам выглядеть мистически и благолепно, – он весело улыбнулся. В глазах его светилось дружелюбие.

– А есл я вступлю в ваш орден, мне тоже можно будет отпустить бороду?

– Тогда никто не поверит в то, что ты вступил в церковь во славу Божью. Даже если оставить в стороне тот факт, что ты выглядишь в бороде скорее, как придурок – не то, что я, – заключил священник, любовно поглаживая обеими руками окладистую черную бороду.

– Да ты ведь отрастил её себе только для того, чтобы никто не увидел, что у тебя нет подбородка! – уколол Андрей в ответ, все ещё смеясь над разыгрываемой Уиндхэмом гордыней.

– Ха! Конечно же, у меня есть подбородок. Тебе-то откуда знать? Ты его ещё и не видел никогда.

– Что правда, то правда. Собственно, я его никогда и не стремился увидеть.

Они расхохотались и одновременно, словно по команде, откинулись на спинки стульев.

Уиндхэм заказал крепкий кофе, в то время как Андрей избрал для себя чай-воспоминание со сложным названием «Давным-давно, синей лунной ночью» – деликатес, на котором специализировалось это кафе. Оба напитка уже некоторое время остывали перед ними на столе и теперь пришло время сделать первый глоток.

Андрей вдохнул чудесный аромат горячего чая: смесь жженой корицы, свежих яблок и цветов Аркадии. Он сделал первый глоток и едва не обжёг себе губы – чай был ещё довольно горяч – но всё же задержал жидкость на мгновение во рту, закрыл глаза и постарался как можно более полно ощутить вкус и аромат редкого и драгоценного напитка. Запах был настолько интенсивен, что Андрей почувствовал, как в голове его взорвался kaleidoscope красок, пробуждающих воспоминания – он больше не старался их избежать, они обогатили его опытом.

Открыв наконец-то снова глаза, на улице он увидел толпу, которая с флагами и плакатами шла мимо кафе. Прекрасный аромат и хорошее настроение немедленно улетучились. Вкус у него во рту превратился в кислятину, а ощущения уюта как не бывало.

Эффект от чая-воспоминания никогда не держится долго. Сегодня – почти рекорд. Андрей различил среди демонстрантов группу студентов. Плакаты, которые они несли с собой, провозглашали: «Единство и Федерация!». Их содержание было понятно – в отличие от невразумительного скандирования, сопровождавшего демонстрацию.

– Как они только до этого докатились? – тихо спросил Андрей, опасаясь, что кто-нибудь услышит его слова – и неважно, носил ли он униформу СОЗЛ или нет.

– Да ну, они просто сбрасывают излишки энергии.

– Тем не менее, до сих пор генерал ничего не сделал, чтобы хоть как-то отреагировать на это. – Он повернулся к Уиндхэму и попытался подавить нахлынувшие мысли. *Моя умершая мать, его умершая жена.* Андрей тяжело оперся на металлическую столешницу и ещё более понизил голос:

– Нам что, снова предстоит пережить события, похожие на то, что творилось на «Принце Евгении»?

– Я думаю, нет, – ответ Уиндхэма прозвучал почти поспешно. В глазах священника отразилось сомнение, – Прежде всего, они желают заявить о себе. Дать генералу понять, что пришло время избрать гражданское правительство.

– У нас есть гражданские представители.

– Так-то оно так, но они обязаны подчиняться военным – неважно, насколько осторожно действует твой отец.

Оба старательно избегали уточнять, как велика осторожность генерала.

– Но этот слоган с плаката – «Единство и Федерация»... с этим солнечным флагом... слишком уж напоминает кое-что. Собственно, это можно трактовать совершенно однозначно.

Теперь пришла очередь Уиндхэма понизить голос:

– Федеративные Солнца.

– Именно. – Андрей взглянул на чашку с чаем-воспоминанием, которая все ещё стояла перед ним на столе, и внезапно почувствовал, что совершенно потерял интерес к лёгкому галлюциногенному воздействию этого напитка. Он проклял самого себя за то, что снова поддался этому искушению вместо того, чтобы встать лицом к лицу со своей проблемой – одиночеством. *Тот факт, что с момента перевода Даны мы не видимся месяцами, я в самом деле не должен так тяжело воспринимать. Может, Николай даже прав...*

– Андрей, что у тебя сейчас в голове творится? – прервал Уиндхэм его мысли.

Андрей чувствовал себя так, словно его вырвали из транса. *В последнее время это случается всё чаще.* Он глянул на Уиндхэма, потом перевел взгляд снова на улицу.

– Мне это все не нравится. Именно эти националистические идейки развалили Звёздную Лигу. Может, мой отец и решил закрыть на это глаза, но я этого делать не собираюсь. И кое-кто ещё – тоже не собирается. Неужели Звёздная Лига в изгнании тоже стоит на пороге распада из-за этой проклятой мелочности? Неужели мы так быстро повторим прошлое?

В ответ на провокационные вопросы Андрея Уиндхэм только качал головой, но жест этот не выглядел слишком уж убедительным.

– Нет, ты все-таки сгущаешь краски. Все не так уж плохо.

В Андрее рос гнев. В присутствии Уиндхэма такое с ним случалось редко.

– Ты был когда-нибудь в Секторе-три?

– Катай-город? – ответил Уиндхэм. Данное кварталу прозвище явно развлекало его, одновременно облегчая задачу приведения царящих там порядков в общий ряд с остальной цивилизацией.

Гнев вновь вскипел в Андрее и от его удара ладонью по столу подпрыгнули чашки.

– Не смейся над названиями. В них слишком много правды. Ты же видел тамошние граффити.

– Ну и что? Граффити есть в каждом секторе. У нас уже такой уровень благосостояния, что наши подростки не должны больше день-деньской помогать на стройках. Может, прикажешь опять ввести такие порядки?

Несмотря на комичность такого предположения, Андрею меньше всего на свете хотелось смеяться.

– Нет, речь идет о гораздо большем. Я видел китайские иероглифы, которые они рисуют на стенах. Там стоит: «Он провалился». И ты отлично понимаешь, кто этот «он».

Уиндхэм ущипнул бороду и потряс головой. Опять выражение его глаз обличало его же слова:

– Глупые выходки маленьких детишек. В большинстве случаев они сами не знают, чего хотят.

Андрей поднял руку в защитном жесте, а другой указал на проходящих по улице мужчин, женщин и детей всех возрастов. В толпе преобладали люди европеоидной наружности. Андрей и Уиндхэм знали, что речь идет в основном о колонистах, которые раньше жили в Федеративных Солнцах. *Подданные Хэнса Дэвиона.*

– Эти люди там, снаружи, не похожи на глупых маленьких детишек.

Неожиданно новый звук прервал их беседу. За криками и завываниями множества голосов, за скандированием трудно было в первый момент заметить разницу. Однако шум усиливался. Шум, какой издает толпа людей в панике.

Андрей немедленно встревожился, однако попытался совладать с чувствами. То же самое отразилось на лице Уиндхэма.

Ну и вопли. Словно орут сотни глоток. Или тысячи. Из бокового переулочка, который Андрей со своего места едва мог разглядеть, в переполненную демонстрантами улицу ринулся новый человеческий поток. На секунду всем показалось, что речь идет ещё об одной группе, поддерживающей демонстрацию. Однако сразу стало ясно, что это не так. Даже на таком расстоянии Андрей смог различить иероглифы – новые демонстранты были из Сектора-три. Из Катай-города.

– Только не это! – шепнул Андрей, но ужас оборвал его речь. *Как полиция допустила, чтобы две демонстрации столкнулись?*

Позже Андрей совершенно не мог сказать, был ли это несчастный случай или чей-то умысел. Так или иначе, в непосредственной близости от того места, где оба людских потока столкнулись между собой, вдруг лопнула огромная витрина. Потом послышался специфический звук, который издают кулаки, врезаясь в челюсти.

Словно внезапно налетевший ураган, до сих пор более-менее мирная демонстрация в одно мгновение превратилась в побоище. Те, кто оказался поблизости, также ударились в панику. К чести демонстрантов, Андрею пришлось признать, что большинство из них немедленно взяли ноги в руки – или, по крайней мере, попытались это сделать, используя для бегства соседние улицы и пряча плакаты и головные повязки по сумкам и карманам.

– Я всего лишь прогуливался, всего лишь хотел купить бутылку молока, газету... лёгкий, расслабляющий марш. Эти и подобные отговорки слетят в последующие дни со многих нервно дергающихся губ, пока полиция будет пытаться понять, каким образом все это вылилось в массовую драку.

Старые раны Андрея снова заныли.

В следующие мгновения он мог лишь в тупом оцепенении наблюдать за тем, как людей охватывает древнейшая из эмоций – чистая ненависть. Совершенно безоружные и отрезанные от всех путей отступления, которые вели бы обратно в академию, Андрей и Уиндхэм встали и посмотрели на официантку в другом углу кафе. При виде дерущейся толпы у самых дверей заведения девушка уронила поднос с кофейными чашками и, словно замороженная, глядела теперь на улицу с выражением отчаяния на лице. Хотя драка только начиналась, но все могло измениться в одно мгновение. *И тогда два человека в форме СОЗЛ – символы того, против чего демонстрируют эти люди – и юная красотка-официантка могут пережить далеко не лучший день в своей жизни.*

Андрей сглотнул, почувствовав, что горло пересохло от страха. Тем не менее, он решительно ответил на кивок Уиндхэма. Оба направились к застывшей официантке и немногим посетителям, оставшимся в кафе.

– О'кей, пожалуйста, все встаньте и пройдите к задней двери, – Уиндхэм лишь немного повысил голос, однако сказывались годы командного опыта. Кроме того, ему, без сомнения, помогала борода, а также уверенный стиль поведения. Люди поспешно вставали и переходили в заднюю часть кофейни.

– Быстро, мы должны выстроить столы снаружи перед витриной, – сказал Андрей, после-

довал за Уиндхэмом наружу и ухватился за спешно покинутый столик. Одним движением он очистил его от чашек.

— Вам не кажется, что вы несколько преувеличиваете? Я знаю, это все может выйти из-под контроля. Но полиция скоро будет здесь. Не стоит без надобности пугать людей.

Андрей поднял глаза и увидел владельца кафе, который вышел на улицу из своего офиса и без толку болтался поблизости. Голос маленького, но весьма объемистого человечка дрожал.

Андрей молча глядел на него, пока тот не заткнулся.

— Мы в одном шаге от уличного побоища, — ответил он, неосознанно используя тот самый тон, которым разговаривал в аудитории, — И независимо от того, что послужило его причиной, непохоже на то, чтобы события развивались в ином направлении. Вам не кажется, что мы не можем тут просто торчать и надеяться, что с нами ничего не случится? Я предлагаю принять некоторые меры предосторожности. Вы со мной не согласны? — закончил он достаточно громко, чтобы его через открытые двери слышали посетители кафе. Он хотел дать им понять, что принял решение и за них. Кивки большинства подтвердили их молчаливое соглашение и в скором времени столы были очищены и выстроены столешницами перед витриной. Ещё двумя столами заблокировали дверь.

Не успел последний стол занять свое место, как от бокового окна послышался звук разбиваемого стекла. Осколки разлетелись за столами, которые защищали окна. Некоторые гости завизжали, иные ограничились презрительными взглядами в сторону рвущего на себе волосы хозяина. В воздухе повис безмолвный упрек: «Это можно было предвидеть».

Андрей внутренне расхохотался. *Как просто их убедить, что это была ИХ идея...*

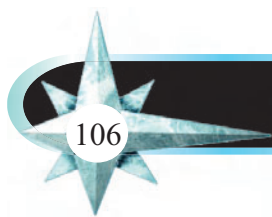
Однако реальность вновь грубо ворвалась в его сознание. *А разве снаружи не происходит то же самое? Сколько из них были просто втянуты в эти события, в полной уверенности, что осуществляют собственные мечты?*

И снова тёмный призрак Николая воздвигся над Андреем. Он отчаянно цеплялся за остатки спокойствия, которое подарила ему Дана, и за новый образ своего брата, который он пытался выстроить в последние годы. Всё это было немедленно забыто, как только Андрей вспомнил о событиях на «Принце Евгении».

Как ты мог распоряжаться судьбой миллионов людей, да ещё таким отвратительным способом? А вот это ты тоже предусмотрел, Никки? Ты все ещё думаешь, что это приемлемый путь спасения общества? Путь, который снова позволяет людям убивать друг друга на улицах?

Где-то со звоном лопнуло ещё одно стекло. Крики становились все громче. Под грохот камней, которые толпа швыряла в неудачно припаркованные хOVERкары, Андрей принял решение, которое должен был принять уже давным-давно. С улицы слышались первые крики боли и ужаса.

Я должен буду бороться со своим братом. Невзирая на последствия. До конца.

Правительственный комплекс Звёздной Лиги

Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

1 января 2801 года

Андрей хотел было уже ворваться в помещение, но нервы подвели и он замешкался.

Зачем я здесь вообще? Эти слова постоянно возникали в его мыслях, однако ответа на этот вопрос он не знал. Усталость не способствовала исполнению данного самому себе обещания и шаги его всё более замедлялись. И всё-таки, убежденный событиями последних месяцев в своей правоте, он шёл по коридорам здания правительства.

Несмотря на отчуждение, возникшее между ним и отцом, Андрей достаточно часто бывал здесь, чтобы неплохо ориентироваться в министерском комплексе. Тем не менее, каждый раз, когда он попадал сюда, его охватывало некое замешательство: миллионы граждан, разбросанные по дюжине планет, управлялись отсюда – и всё-таки здание наводило не благоговение, а банальную скуку.

Я видел рестораны, обладающие большей индивидуальностью, чем этот сарай. Может быть, все наши трудности из-за этого? Люди ожидают от здания центрального правительства величественности, оно должно впечатлять и восхищать. Должно быть иконой из мрамора и благородных пород дерева, украшенным картинами и прочими произведениями искусства. А это – полная противоположность тому, чего граждане ожидают от своих лидеров.

Как долго генерал был учреждением, как долго он воплощал дух этого здания... Однако теперь, когда жизнь постепенно уходила из него и он всё менее интересовался проблемами гражданского населения, все вдруг увидели в нем всего лишь старика. *Маленькая, старенькая хижина...* Люди постепенно начинали спрашивать себя, как это они вообще ухитрились поверить в Мечту.

Андрей боялся за судьбу общества и колонистов. *И моего отца.* Беспорядки и последовавшие за ними репрессии всё ещё беспокоили его, однако всё больше утверждали его в принятом решении.

Сапоги Андрея вызывали глухое эхо, идущее от стен пустого коридора. Дойдя до конца, он повернул налево и остановился. Ещё раз сконцентрировался перед неизбежной конфронтацией, которая должна была произойти – он знал, что выбора нет.

Долгие недели Андрею не удавалось заставить Николая поговорить с ним. Никто из знакомых не мог сказать ему, где находится его брат. Его подчиненные из 146-го также исчезли.

Андрей глубоко вдохнул, чтобы успокоить колотящееся сердце. Сухой воздух и запах моющего средства защекотал нос, так что он чихнул. Звук прозвучал в спартански обставленном коридоре, как взрыв бомбы – он мигом вычистил тени и утерянные надежды из мыслей Андрея. Его сердце стучало так, словно он вынужден был бороться за свою жизнь.

Запах старости. Запах забвения. Запах человека, чьи дни подходят к концу.

Андрей опасался, что страх перед собственным отцом заставит его замешкаться, так что он собрал все силы, поднял руку и постучал в горчично-жёлтую деревянную дверь.

Эдемский ясень? Вполне возможно. Цвет похож, только структура какая-то странная. Может быть...

– Дурак! – громко выругал он самого себя, поймав свой разум на попытке избежать предстоящего скандала.

– Войдите! – старческий голос прозвучал тихо и откуда-то снизу, как бы из-под двери, почти что отражая желание молодого Керенского куда-нибудь спрятаться. Тем не менее, его звук заставил Андрея замереть и он едва не кинулся инстинктивно в бега. Он боялся увидеть старую развалину, которая попросту не могла быть тем самым *генералом*. Это не мог быть тот человек, который завоевал Республику Пограничных Миров и уничтожил страшную диктатуру Стефана Амариса, чья *Мечта* увлекла миллионы людей, сорвала их с насиженных мест и повела в неизвестность, чтобы основать новое общество в двух тысячах световых лет от колыбели человечества, Терры.

Перед внутренним взором Андрея проплывали одна за другой картины недавнего прошлого, вырастая, словно сорняки из-под земли. Их было много и остановить этот поток было совершенно невозможно: он знал, что если попытается отвлечься от каких-то воспоминаний, на их место тут же придут иные, ещё более страшные. Разорванный и истоптанный плакат, на котором ещё можно разобрать слово «Единство». Булочная с разбитой витриной и перемешанные с осколками стекла пирожные на тротуаре. Девушка в изорванной блузке с обильно кровоточащей раной на голове...

Её глаза выражают только ужас, они затуманены и их заливают кровь в то время, как она пытается руками прикрыть наготу, а на плечах её остались одни кровавые ошметки...

В обморочном состоянии Андрей открыл дверь и вошел в кабинет.

Затхло.

Запах ударил Андрея в нос, прежде чем он успел закрыть за собой дверь. Он вздохнул ещё раз, стараясь придти в чувство перед предстоящим боем, и обернулся. Если бы запах не отвлек его от мыслей, он бы, наверное, несмотря на всю свою решимость, попросту сбежал.

Старый. Нет, не просто старый. Древний. Никакое другое слово не описывало лучше то состояние, в котором находился генерал. *Ничто не подходит к моему отцу лучше. Неужели прошло всего пять лет?*

Он вспомнил, как удалился генерал с церемонии погребения его с Николаем матери – усталая, но несгибаемая поступь старого рабочего коня, чей последний день на службе ещё очень далек.

Время всё же победило тебя, отец. А теперь, похоже, оно попросту забыло тебя, побежденного. Стоящего одной ногой в могиле и ждущего лишь того момента, когда ты сможешь занять свое место рядом с женой, которая покинула тебя годы назад.

Боль, которую ощутил Андрей от этих мыслей, жгла его изнутри так, что слёзы навернулись на глаза. Он не смог сделать ничего иного, кроме как вытянуться по стойке «смирно» и отдать честь. *Лучший салют в моей жизни.*

– Сэр.

Звук получился, как от камня, брошенного в пруд – только никаких кругов на воде не было. Долгие секунды перетекали в бесконечные минуты, пока Андрей ожидал, глядя прямо перед собой на невыразительную противоположную стену, занятый лишь тем, что изгонял из мыслей все новые и новые картины. Жизнь, полная сожалений и оскорбленных чувств, грозила затянуть его в бездонную черную пучину.

Отцовские глаза устало отыскивали его взгляд.

– Андрей.

После всех мучений и чёрных мыслей, выпавших на его долю в этот день, это было для Андрея почти что слишком – губы, с которых сорвалось это слово, похоже, почти забыли, как произносить его имя.

– Сэр, – выдавил из себя Андрей.

Древний старик медленно встал. Бесконечно долгое движение подтачивало решимость Андрея, умаляло его потребность узнать, что происходит. *И что произойдёт. Где Николай?*

Новый глубокий вздох. *Успокойся. Одно за другим.*

В конце концов, генерал встал, выпрямился и медленно обошел письменный стол.

Что случилось? Куда подевался великий генерал? Где мой отец? Последний вопрос раска-

ленным углём жёг Андрея, оставляя повсюду ожоги.

Когда генерал приблизился к нему на расстояние вытянутой руки, так что Андрею показалось, что он больше не в состоянии выдерживать старческий запах в помещении, ему пришлось прервать молчание:

– Сэр, я просил об аудиенции. У меня накопилось множество вопросов...

– Я знаю, зачем ты здесь, – оборвал его генерал на полуслове.

В голове Андрея стучало от напряжения – он никак не мог соотнести стоящего перед ним человека с тем, которого он знал раньше. *Какой-то сказочный кобольд, который позволил столбеневишему наблюдателю поглядеть на себя.*

– Ты пришёл, чтобы защищать дело колонистов. Ты пришёл сказать мне, что я должен сделать для них то-то и то-то.

Горечь в голосе отца ударила Андрея сильнее, чем это сделала бы звонкая пощечина.

– Ты далеко не первый, Андрей, и уж точно – не последний. Я жил, чтобы похоронить свои устремления. Я жил, чтобы положить в гроб мечты и желания. Что мне осталось? Только трескучий огонь, пожирающий мою душу... – закончил генерал с сухим хихиканьем, которое отозвалось эхом в тесном кабинете, словно в пещере. – Ужель не сделал я довольно? Когда я обрету покой?

Андрей попытался прочистить сдавленное горло. Его глаза застилали слёзы. *Отец цитирует Пушкина, чтобы самому уйти от ответа? Цитата заставила Андрея пошатнуться. Как будто передо мной – какой-то чужак, который пытается копировать генерала... моего отца, который меня воспитал.* Андрей боролся со своими чувствами, однако в конце концов открыл рот для ответа. *Борись подобным с подобным.*

– И снова сердце возгорелось к любви, о Боже, помоги – я не могу иначе...

Генерал вздрогнул, словно пробуждаясь от кошмара, однако когда он заглянул Андрею в глаза, он нашел в них лишь тьму.

– Когда я обрету покой, Андрей?

В душе Андрея закипело раздражение. Разочарование, питаемое поражениями, которые его отец – *и Николай!* – вечно наносили ему на протяжении всей жизни, разжигаемое памятью о событиях, свидетелем которых Андрей стал всего лишь месяц назад, заставило Андрея впервые в жизни – по крайней мере, ему так казалось – с горячностью бросить в лицо отцу:

– Когда ты умрёшь, отец. Когда ты умрёшь. Но ты ещё не мёртв. Груз ответственности, груз жизни бросает тело в пучину страха и беспокойства, однако он очищает человека, делает его полноценным. Жизнь, о которой стоит вспомнить – хорошая жизнь.

Отец Андрея тяжело оперся о столешницу, словно пытался что-то вспомнить, и кивнул:

– Не Пушкин. Слишком судьбоносно. Слишком полно надежды. А ты знаешь, что Пушкин говорил о надеждах.

– Пушкин как философ, конечно же, во многом опередил свое время, однако слишком часто он находил себя в жизненных горестях. У жизни – свой собственный ритм. Он причиняет боль. Но к этому привыкаешь. А радости её, несмотря на все заботы... ради них стоит жить, отец. – Имя матери жгло ему язык, но Андрей удержался, понимая, что может зайти слишком далеко. Он смотрел на то, как отец отворачивается и пожимает плечами, словно его сын всё-таки произнес неназванное имя.

Как долго может скорбеть человек? При мысли о том, что он может когда-нибудь потерять Дану, Андрея прошиб холодный пот. Столетия скорби, которые пожрут меня.

Но чувство ответственности, полученное от человека, который, кажется, больше не жил... Андрей сделал новую попытку.

– Где Николай?

– Почему именно я должен это знать?

– Ты его непосредственный командир.

– Где-то на манёврах. Кажется. – последние слова едва слышно слетели с губ генерала, и все-таки Андрею было больно их услышать. Он снова подумал о том, что его отец почти при-

соединился уже к его матери. *Ты никогда и не возвращался с её похорон, не так ли, отец?*

Андрей сглотнул, после чего отдал ещё один образцовый воинский салют.

– Сэр, я прошу перевести меня в боевую часть.

Несмотря на ощущение реальности ситуации, Андрей всё не мог избавиться от мысли, что где-то за сценой Николай дергает за ниточки. *Он должен понять, во что превратился Николай. Я должен ему это показать.* Даже если эта демонстрация вот уже годы, как была до боли необходима, Андрею конфронтация с братом казалась все более угрожающей. *Пришло время, чтобы всё прояснить.*

– Ага, – последовал ответ и сгорбленный старик повернулся, чтобы взглянуть на Андрея. Выражение лёгкой растерянности в глазах отца стерло последние его воспоминания о великом генерале. Генерал *никогда* не производил впечатления растерянного.

– Я прошу немедленного перевода в боевую часть.

– Как?

– Я ещё не забыл *о своей* ответственности, – в Андрее снова вскипел гнев, заставив его слова прозвучать гораздо более эмоционально, чем хотелось. *И опять это чувство, словно он попросту впитывает мои слова – они его совершенно не трогают.*

– А ты что, не на активной службе?

Андрей сжимал зубы до тех пор, пока боль едва не разорвала челюсти. Немедленно заболела голова. Он медленно обернулся к отцу и с ужасом понял, что тот ничего не помнит. Ничего из своей работы. *Он попросту не помнит о годах, которые я провел в изгнании в академии.*

– В боевую... часть... сэр! – Это были единственные слова, которые Андрей смог протолкнуть сквозь сцепленные зубы. Он снова почувствовал, что вот-вот взорвётся и превратится в кучку пепла на полу.

Какое-то время старик просто стоял и смотрел на Андрея, потом взмахнул правой рукой, словно отгораживался от вопроса.

– Поговори с моим адъютантом, он все сделает.

– Я получу собственное подразделение, сэр?

– Всё, что хочешь.

– Сэр! – пролаял Андрей, ещё раз отдал салют и развернулся к двери. Ему казалось, что этим движением он стряхнул с себя остатки уважения к генералу – *к человеку, когда-то был моим отцом.* Достигнув выхода, он вновь услышал голос отца:

– Цитата?

Андрей остановился, ухватившись вспотевшей рукой за металлическую ручку двери, за которой расстилась неожиданная свобода, и взглянул назад.

– Сэр?

– Ты мне ещё не сказал, чьи это были слова.

Если Андрей в своей жизни и глядел на кого-нибудь когда-нибудь ошарашенно, то именно в этот момент. Редко он был настолько уверен в том, что собеседник сошел с ума.

– Ну? Кого ты мне процитировал?

Андрей снова повернулся и, выходя, без всяких эмоций ответил:

– Тебя, отец.

Неподалеку от Новой Москвы

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

15 февраля 2801 года

Холодный воздух заставил Андрея передёрнуться, но он отогнал неприятное ощущение. Широкими шагами он пересек плац, торопясь поскорее вернуться в кокпит своего «Экстерминатора». Хотя манёвры продолжались уже две недели, запах нафталина и застоявшегося воздуха всё ещё витал в его машине. Каждый раз Андрей чувствовал, что этот запах напоминает ему, как долго его мех простоял законсервированным в ангаре, как долго он не сидел за управлением. Андрей снова вздрогнул, сознавая, что виной тому не холодный воздух, а опасение быть вновь отлученным от работы мехвоина.

– Андрей! – он глянул вперед и увидел генерал-майора Карсона, который скорым шагом направлялся к нему.

– Сэр! – Андрей шагнул к нему навстречу в суете походного лагеря и отдал салют. Завывание проезжающего мимо ховера на мгновение заглушило любые другие слова. Тяжёлые шаги боевых мехов неподалеку заставляли дрожать землю так, что, казалось, эта вибрация щекочет ступни.

Широкоплечий друг и командир Андрея ответил на военное приветствие гораздо свободнее и помахал рукой, как бы намекая на ненужность всех этих формальностей меж друзьями.

– Я хотел тебя ещё раз поблагодарить за поддержку во время допроса. Очень здорово ощущать себя свободным от подозрений.

– Само собой, сэр. Я всего лишь помог своему командиру. Мне-то с самого начала ясно было, что герой Звёздной Лиги не может быть замешан в контрабанде оружия, сэр.

– Нет, не было, – говоря это, Карсон подошел ещё ближе, словно хотел посвятить Андрея в какую-то тайну. – Мне все равно, что ты об этом думаешь: твои слова для меня многое означают. И мне хочется верить, что это именно твоя дружба со мной повлияла на твои показания. Естественно, в хорошем смысле.

Впервые за много лет Андрей почувствовал некоторое оцепенение. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Карсон прервал его:

– Нет, – сказал он, делая быстрый жест рукой, – Я ничего от тебя не желаю слышать, кроме «пожалуйста». Вы так не полагаете, майор?

Хотя в голосе Карсона и слышался отчетливый подтекст, Андрей почувствовал легкость, вызвавшую на его губах улыбку.

– Пожалуйста.

Карсон ответил дружеским тычком в плечо, который сделал бы честь даже Джес. *Без пяти минут перелом ключицы.* Андрей всерьез усомнился, что стукнувшая его рука состоит из плоти и крови. *Больше похоже на сталебетон.*

– Отлично, – продолжил Карсон. – Мне кажется, теперь самое время тебе поговорить с твоим посетителем.

– Э... сэр?

– Генерал-майор Керенский ожидает тебя в моей командирской палатке.

Более удивленным Андрей вряд ли смог бы быть. Он неделями пытался отыскать Николая. *А теперь, совершенно неожиданно, он появляется из ничего, без предупреждения... Как это понимать?*

Карсон поймал взгляд Андрея и дружелюбно кивнул.

– Андрей, если есть что-то, что я могу сделать для тебя – только скажи.

Какой-то момент Андрею хотелось списать слова Карсона в разряд общих фраз, однако тот задержал его взгляд, ухватив его за плечо. В глазах друга Андрей прочёл подтверждение того, что его слова ни в коем случае не были простой вежливостью. Годы их дружбы, к которой Андрей так и не привык, ощущались даже в им самим выбранной изоляции. Он слишком долго полагал себя в полном одиночестве – за исключением разве что Даны. Но теперь, в этот неожиданный момент дружеской близости, Андрей понял, что дружба, которую он заключил в первые тяжёлые годы колонизации, оказалась сильнее брони любого меха. *Мои друзья напоминают о себе как раз тогда, когда нужны мне больше всего.*

Карсон – Андрей все ещё не мог решиться назвать вышестоящего офицера по имени – и Уиндхэм, Джейсон и Раймонд, даже Стивен: друзья, которых Андрей слишком долго не замечал.

– Спасибо, – ответил он, протянул руку и тоже положил её на плечо Карсона. *Господи, словно за дуб ухватился.* Карсон ещё раз дружески кивнул и оставил Андрея в одиночестве. Тот направился к командирской палатке, всё ещё размышляя об этом разговоре.

Андрей достиг палатки прежде, чем смог привести мысли в порядок, откинул полог и вошел со словами:

– Сэр, майор Керенский по вашему приказанию явился.

Вместо привычного парализующего страха, охватывающего его при каждой встрече с Николаем, на этот раз Андрей почувствовал нечто совершенно новое, непривычное. *Почти... предвкушение.* Словно жизнь в последнюю пару лет готовила его именно к этой конфронтации – до сегодняшнего дня, когда Андрей наконец-то лицом к лицу встретился со своей Немезидой. *Может быть, теперь я в конце концов оборву ниточки, которые мой брат прицепил ко мне годы назад.*

Ничего не выражающие глаза его брата глубоко впали в глазницы. Холодность Николая в который раз заставила Андрея покрыться потом, однако это едва чувствовалось ввиду его собственной холодной решимости – маленькая победа, однако любой, самый незначительный шаг вперед создавал возможность для следующего шага. Мысленно Андрей уже нашел свое место. Он гордо вздернул подбородок – безмолвный вызов Николаю.

В глазах брата, однако, ничто не шевельнулось. Ничего нельзя было прочесть на его лице и Андрей снова вспомнил слова Даны, хотя разговор между нею и Николаем состоялся более пяти лет назад. Андрей мог презирать Николая за его махинации, но последняя встреча с отцом и мысль о разрыве тесных семейных уз... *может быть, Николай вообще не может иначе.* «Узы, полнящие силой, если с ними мы близки, и ведущие в могилу, если рвем их на куски». *Старый добрый Пушкин.*

– Ты меня искал?

Этот ах-какой-холодный тон...

– Никакого «здравствуй, брат»? Мы не виделись столько лет... – Андрей покачал головой и попытался отклеить язык от гортани. – И где же твоя братская любовь, Никки? Где? – Внешне Андрей выглядел спокойным и уверенным, однако внутренне он весь содрогался от мыслей о годах унижения и страха. Теперь его пугала собственная смелость по отношению к Николаю.

В глазах Николая что-то неуловимо изменилось, но прежде, чем Андрей смог разобраться в этом, выражение снова исчезло. Он не был уверен, было ли это движение глаз реакцией на залетевшую ненароком пылинку либо, как Андрей подозревал, ответом на вызов, прозвучавший в его голосе.

– Я очень занят, Андрей. На самом деле, мне здесь вообще не следовало быть, однако... настойчивость твоих поисков меня изумила. Я решил, что речь идет о чем-то в самом деле важном. Но я приехал ненадолго и должен встретиться ещё кое с кем. Итак, что тебе нужно?

– Я хотел взглянуть тебе в глаза и понять, увижу ли я в них правду.

– Правду? О чем?

– О том, стоишь ли ты за последними бунтами.

– Что?! – изумление явно проступило на лице Николая и на какой-то момент фасад его невозмутимости зашатался. Особо холодный порыв ветра прорвался сквозь стены палатки, хотя они и были крепко притянуты к земле, и Андрей покрылся гусиной кожей, так что на руках шевельнулись волосы.

– Бунты. Твоих рук дело? – Андрей сконцентрировался, попытался пробить вновь надетую Николаем маску невозмутимости. Ему хотелось сорвать завесу, постоянно окружающую его брата. Долгие противостояния с Николаем дали ему в руки необходимые для этого инструменты. Впервые в жизни Андрей почувствовал настоящее чувство, скрывающееся под маской брата. *Гнев.*

– Ты ищешь меня несколько месяцев подряд, чтобы спросить, не устроил ли я какие-нибудь беспорядки? Ты в самом деле считаешь, что мне больше совершенно нечем заняться? – Николай покачал головой – Андрей, тебе надо было оставаться в Академии. Такие идиотские мысли могут стоить многим солдатам под твоей командой жизни.

Последнее замечание оказало своё воздействие на Андрея. *И это говорит человек, отправивший меня в изгнание.* Андрей резко вдохнул через нос в попытке остудить собственный гнев. *Гнев не поможет мне против Николая.*

– У меня есть право задать этот вопрос.

Николай склонил голову набок, словно отыскивая в памяти необходимую информацию – движение, которое настолько напомнило Андрею отца, что он едва сдержался, чтобы не сорваться на Николая. Потом его брат медленно покачал головой и сухая, не несущая ни капли веселья улыбка искривила его губы. *Господи, словно из могильного склепа выбрался.*

Однако ещё более Андрея потрясло иное сходство Николая с отцом. *Такая же пустота. Что ты с собой сделал, Николай?*

Андрей внезапно вспомнил о бесконечных разговорах о Николае, которые он вел с Даной, и его охватило новое чувство.

Жалость. Сочувствие.

– Андрей. С тех пор прошло уже четырнадцать лет. Я сделал тогда то, что должно было быть сделано. Не больше.

Новая волна гнева накатила на Андрея, угрожая уничтожить едва появившееся сочувствие. Новый глубокий вдох немного успокоил натянутые нервы и помог успокоиться.

– Пятнадцать.

– Что? – переспросил сбитый с толку Николай.

– Чуть больше пятнадцати лет. Не четырнадцать.

– Четырнадцать, пятнадцать... Андрей, это не играет никакой роли. Всё в прошлом. Ты что – думаешь, если я однажды пошел этим путем, так я теперь всегда буду им пользоваться? У меня теперь – совсем другие проблемы, я не вожусь с гражданскими. Не говоря уже о том, что моя успешная стратегия того времени теперь вряд ли применима. Совершенно другие обстоятельства. Мы здесь не громоздимся друг у друга на головах, как тогда на кораблях... результатом был бы совершенный хаос. Неуправляемый. Я ненавижу ситуации, которые нельзя просчитать.

Андрей беспомощно уставился на Николая, пытаясь что-либо понять. Как могут они – *такие разные* – быть братьями? *Как мог Николай так далеко уйти от любого проявления человечности?* Он снова услышал слова Даны. *Его человечность глубоко спрятана, опущена до уровня, на котором он в состоянии её вынести. Он должен принимать решения, которые принесут солдатам – и точно так же гражданским – верную смерть, но у него нет способности твоего отца влезть в шкуру этих людей, посочувствовать им и, тем не менее, выжить.*

Могло ли это быть главной причиной? Несмотря на бесчисленные ночные дискуссии с Даной, Андрей все ещё не был полностью убежден её оценкой его брата – мыслью о том, что Николай попросту решил идти путем, отличным от того, которым шел генерал. Путем, который, тем не менее, должен был сделать из него великого лидера. *Может быть...*

Неожиданная мысль прервала раздумья Андрея.

– Ты ведь о чем-то умалчиваешь, так? К чему ты ведешь?

Словно пойманный на месте преступления вор, Андрей ушел в себя. Идеальная выправка Николая вкупе с его, казалось, непоколебимой уверенностью в себе сбивала Андрея с толку, усложняла его осторожную попытку разговорить брата. Старое ощущение неполноценности скребло его сознание. Андрей на мгновение задержал дыхание и взглянул внутренним взором сам на себя. Он почувствовал неуверенность, однако внезапно вспомнил безмятежную ухмылку Карсона. Как сильно – *и как хорошо* – она отличалась от бесчувственной улыбки его брата! Андрею пришла на ум поговорка Раймонда: «Мы построены не по одним и тем же чертежам, так что нам не обязательно идти одним и тем же путем».

Пользуясь возникшей паузой, Андрей начал расхаживать взад-вперед – размеры палатки позволяли это. Теперь его шаги утяжелились, каждый шаг – символ его стремления к самоутверждению. *Мой собственный путь*. После нескольких кругов по палатке Андрей сообразил, что Николай так и не ответил ему. Оглянувшись на Николая, он увидел, что тот холодными глазами следит за ним.

Пытайся-пытайся меня порезать взглядом на пластинки. Не получится! Андрей нахмурился и продолжил мерить шагами палатку. *Я выдержал схватку с отцом – почему я должен спасовать перед тобой?*

– Что ты от меня скрываешь?

Новая заминка, словно Николай взвешивал варианты. В конце концов, он ответил:

– Гражданские – не единственная группа, которая в последнее время начала распадаться на разные фракции. – Николай открыл рот, словно хотел ещё что-то добавить, однако явно передумал и вызывающе взглянул на Андрея.

Шаги Андрея замедлились и он в конце концов остановился перед братом. Его разум лихорадочно пытался осмыслить полученную информацию и уложить её в голове в общий контекст. В то же время он старался рассмотреть различные интерпретации того, что сказал Николай.

– Военные части, которые крадут оружие из форта «Брайан»? Они начали преследовать собственные цели?

– Мы не можем этого доказать.

– Но ты в это веришь?

Николай снова замешкался и отвел глаза. Когда он вновь взглянул на Андрея, на его губах играла улыбка:

– Ут.

Несмотря на тяжёлую ситуацию, Андрей улыбнулся в ответ. Он выиграл этот бой, *но война ещё не выиграна*. Тем не менее, ситуация взволновала его почти так же, как первая ночь с Даной. *Мы – по-прежнему братья*.

– Почему?

– Не могу сказать.

– Отец, – отреагировал Андрей и оба обменялись страдальческими взглядами, тут же опустив глаза. Андрей снова начал бродить по палатке – ещё и потому, что его движения на холодном воздухе, проникающем сквозь полог палатки, не давали ему замерзнуть.

– Может быть. А может быть, и нет, – Андрей замедлил шаги, заметив новое выражение на лице Николая. Он вспомнил отцовское выражение лица – подобное он видел много лет назад. Андрей остановился и затаил дыхание. В единый момент – *словно в прозрении* – образ Николая, который он выстроил в своих мыслях, изменился совершенно. Появился совершенно новый – образ лидера.

– Может быть, Мечта отца просто не применяется так, как предполагалось.

– Э?

Горящий взгляд Николая упал на него, Андрей едва не сделал шаг назад – не столько из страха, сколько из чистейшего почтения перед новой, бесконечной силой личности своего брата. Это был лишь мимолетный отголосок того, что Дана пыталась объяснить Андрею о Николае: образ человека, стоящего на пороге уготованной ему роли – роли абсолютного лидера. *Образ предводителя, которым станет мой брат*.

– Политическая власть растет из стволов винтовок и орудий, – в конце концов, промолвил Николай.

– Как? – Андрею показалось, что он стоит перед экзаменатором. – Это что, цитата? Кто-то из русских? – Как Андрей ни старался, он не мог вспомнить автора цитаты, хотя и усиленно занимался в прошедшие годы русской историей. Раньше Николай давал ему в этом отношении сто очков вперед, но теперь?

– Китаец. Мао Дзе Дун.

Андрей напряг память, однако смог вспомнить о Мао Дзе Дуне лишь несколько общих сведений.

– Извини, Николай, но ты же понимаешь – старая терранская история. И как это связано с тем, о чём мы сейчас говорили?

– Звёздная Лига предприняла титанические усилия для того, чтобы прекратить войны между людьми навсегда. Она развивалась под влиянием иллюзии собственной цивилизованности. И всё-таки – как ты всегда подчеркивал – это величайшее, самое мирное общество, которое когда-либо создавало человечество, с самого начала базировалось на военной основе. Именно поэтому более двухсот лет то и дело возникали малые очаги пожаров, причем каждый раз общество прибегало именно к тем средствам, которые когда-то позволили ему появиться. И какой же мы из этого делаем вывод?

Андрей не мог поверить, что его брат делится с ним собственными воззрениями. *Сколько раз мы ругались на эту тему?*

– Что люди ищут конфликты – да попросту создают их.

– Именно. И вместо того, чтобы отрицать нашу воинственную натуру, мы должны признать её. Так же, как наше общество.

Андрей решительно помотал головой и снова зашагал по палатке, чтобы согреться.

– К чему ты ведешь? Чрезвычайное положение? Военная юстиция?

Николай тоже покачал головой, явно разочарованный недостатком провидческой силы в брате – той силы, которую Андрей видел в его глазах.

– Нет, Андрей. Это ни в коем случае не решит проблему. Нам нужно что-то весомое. Что-то более решительное, большее, чем то, что у нас до сих пор было. Война стоит на нашем пороге, Андрей, и для того, чтобы она началась, ей не нужен я.

– Нет. Должен быть какой-то другой выход. – *Только не снова. Господи, только не кровопролитие...*

– Может быть, если бы великий генерал вернулся... может быть... – голос Николая был полон сомнений.

Их взгляды встретились и каждый понял, что они думают об одном и том же.

– Когда? – в конце концов, спросил Андрей. Редко одно-единственное слово звучало так безнадежно.

– Может быть, завтра. Может, в следующем году. Я не всезнающ. Кто это может сказать? Я – не могу. Но я могу точно сказать тебе, что это произойдет и мы должны быть готовы. Готовы спасти то, что можно спасти.

Оба снова глядели друг другу глубоко в глаза. Андрей почувствовал, как из глубины его души поднимается, вызревает решение, которое вырывает его из пучины безразличия, в которой он до сих пор тонул. Хотя у него и оставались сомнения, Андрей сделал выбор: он верит брату – брату и вождю, которым Николай однажды станет.

Андрей понимал, что одного-единственного разговора не может быть достаточно, чтобы преодолеть все преграды, которые возникли между ним и братом на протяжении многих лет. Он всё ещё сомневался, что Николай действительно уважает его. Однако улыбка, которую они разделили, была большим, чем он мог ожидать. Она давала ему надежду.

Андрей попытался отвлечься от последних мыслей, которые возникли, когда он решил последовать за братом. Однако это не удалось.

Кто ещё это должен сделать? Здесь нет никого, кроме тебя, Николай.

*Новая Москва
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
5 мая 2801 года*

Улица сияла водопадами великолепных красок. Демонстрация, проходящая у ног «Экстерминатора», на правом плече которого сидел Андрей, полностью противоречила тем приказам, которые он получил.

Подобные вещи нельзя симулировать. Не в таких масштабах.

Особенно ярко раскрашенная машина всплыла в поле зрения со Стефани-стрит и продолжила свой путь по бульвару Новой Земли. Она двигалась медленно, словно эдемский бегемот – впрочем, всего лишь четвероногий, настоящий монстр. Половина платформы была занята гигантской прозрачной цистерной, заполненной водой, остальная часть была оформлена в виде песчаного берега. Были даже установлены пальмы, почти что не отличающиеся от настоящих. Сопровождали машину девушки в купальных костюмах. Русалки махали руками толпе, а парочка даже плавала в цистерне и ныряла ко дну с небольшими дыхательными аппаратами. Ныряльщицы под настроение также приветствовали окружающих сквозь прозрачные стены цистерны.

– Охрана, внимание. Сейчас может быть опасно, – заскрипел голос в микрокоммуникаторе, который Андрей прикрепил к уху. – Цистерна может пересечь вашу позицию со скоростью десять кэмэ в час и поцарапать лак на ноге вашего меха.

Андрей устало улыбнулся.

– Капитан Виммер, – ответил он, – нам с вами что, так надо начинать этот разговор заново? – То, что он втайне считал её правой, не играло никакой роли. У них имелся приказ.

– Сэр, я всего лишь обращаю ваше внимание на угрожающий потенциал, который заключен в праздничном параде Синко-де-Майо. Как эти дэвионисты только осмелились? Они празднуют нечто, что никого, кроме них самих, не интересует.

Андрей сделал несколько глубоких вдохов. Он с удивлением вынужден был признать, что капитану удалось высказать свои мысли совершенно нейтральным тоном, хотя он и почувствовал за ними сарказм. Андрей недостаточно долго знал Виммер, чтобы понять – пытается ли она таким образом устроить начальнику проверку или подобные выходки ей просто свойственны. *Надо спросить де Лореля. Он должен знать.*

Андрей немного изменил позицию и почувствовал, что его левая ягодица затекла. *Сколько это будет ещё продолжаться? Они маршируют уже четыре часа.*

– Знаете, капитан Виммер, мне почти начало казаться, что вы правы, – ответил он наконец, – Эти почтенные граждане Эдема вряд ли задумали какую-нибудь гадость. В конце концов, в этом секторе не было восстаний уже почти четыре недели... а кроме того, таких же почтенных граждан из так называемого Катай-города нигде не видно. Исходя из этого, я прошу вас связаться с генерал-майором Карсоном и сообщить ему, что вы не согласны с его приказом охранять этот парад. Просто потому, что я совершенно уверен – его ваше мнение безумно интересует.

Вот так, Виммер. Я тоже так умею. Андрей снова изменил позицию и почувствовал щекотку в отсиженной левой ноге – туда возвращалась кровь. Толпа снова зашумела, когда следующая машина, размерами даже больше той, которая изображала пляж, показалась из-за угла. *Это что, в самом деле здание там, на трейлере?*

– Эээ... никак нет, сэр. Благодарю вас. Я полагаю, генерал в данный момент слишком занят, чтобы выслушать меня сию минуту.

Андрей ожидал, зная, что для Виммер тема далеко не исчерпана.

– Во всяком случае, не немедленно, – продолжала она, *как и ожидалось*.

Андрей улыбнулся. Прошло не более двух недель с того момента, как он возглавил этих людей – и вот, он уже в состоянии предсказать реакцию некоторых из них. Его довольная улыбка грозила расплыться по всему лицу, однако она немедленно угасла, превратившись в бледное свое подобие. *Что-то здесь не так*. Парад проходил просто слишком гладко. Люди были слишком беззаботны. *Само по себе это не повод для беспокойства, но что-то не так...*

Коротким нажатием тумблера на шейном микрофоне Андрей переключился на другой канал.

– Де Лорель? – позвал он. *Если уж я считаю, что знаю своих подчиненных, так надо этим воспользоваться*.

– Сэр? – последовал немедленный ответ.

Андрей на секунду заблудился взглядом в толпе – не менее десяти тысяч человек, наверное. Людская масса заполнила бульвар Новой Земли на протяжении десяти кварталов и провожала парад приветственными криками. Поток марширующих людей и машин, на которых громоздились конструкции одна выше другой. На некоторых из них с важными минами восседали какие-то люди, машущие толпе руками. Всему этому не было ни конца, ни края. Всё выглядело вполне мирно. Можно было подумать, что люди были счастливы тем, что впервые за последние недели не случилось никаких бунтов и не было никаких полицейских облав.

Солнце опустилось уже за спину Андрея и тень от «Экстерминатора» упала на улицу, словно тёмное предчувствие – подспудный, но от этого не менее беспокоящий знак: что-то идёт совсем не так. *Чего ради целое звено мехов должно охранять собрание в этом секторе?* Беззаботность людей вдруг показалась Андрею подозрительной. Он замечал мимолетные взгляды, словно люди пытались заставить себя забыть о металлических гигантах у себя за спиной. *Они отчаянно стараются быть счастливыми. Стараются игнорировать тот хаос, который уже начал пожирать их рай*.

– Сэр?

Андрей смущенно встрепенулся.

– Прошу прощения, де Лорель, но что-то здесь не так.

Он знал, что у любого другого его подчиненного эта фраза вызвала бы лишь изумленное «Э?». Но не у де Лореля. В последние недели этот человек выказал весьма развитую способность отделять факты от эмоций.

– Я уже тоже стал удивляться, сэр. Где капелланцы? Извините за выражение, шеф, но нравится нам это или нет – они себя сами так называют и это как раз то, во что они все больше и больше превращаются – в капелланцев. Вряд ли они оставили бы без внимания этот парад. Во всяком случае, не после выступления дэвионистов во время празднования китайского Нового Года пару дней назад.

Андрей закрыл глаза и кивнул. *Именно так. Именно это я и говорил Виммер – и всё равно забыл. Проклятье!*

– Всем постам, здесь командир. – монотонный голос оборвал разговор и болтовня на общем канале немедленно смолкла. – Ожидайте указаний.

Что, чёрт побери...? Словно стена, на толпу под ногами Андрея рухнула тень. Он оглянулся через плечо и увидел грозовой фронт, поглотивший солнце. Андрей поёжился – температура моментально упала на несколько градусов. Впрочем, он понимал, что дрожать его заставило не это, а тёмное предчувствие.

Что случилось? Машинально Андрей поднялся, спустил ноги в люк и забрался в кокпит, задраив вход за собой. Пока он устраивался в командирском кресле, коммуникатор снова со скрежетом ожил:

– Всем частям немедленно вернуться на базу. Отдельные группы получают приказы сразу по

окончании общей передачи. Это не учения. Конец.

Через несколько ударов сердца эфир взорвался вопросами и болтовней на общем канале части – его люди все одновременно желали знать, что происходит.

– Майор, – послышался голос Виммер, – переключитесь на канал 34,3 мегагерц. – В нормальной ситуации, пожалуй, никто бы не заметил этого, но лёгкая дрожь в голосе, сопровождавшая её слова, немедленно оборвала хаос в эфире. Обычно Виммер ничто не могло выбить из колеи.

Против собственной воли – отчаяние угрожало задушить его – Андрей протянул руку и переключил приемник на указанную частоту. Сначала он услышал несколько невразумительных обрывков фраз, за которыми последовала длинная пауза, наполненная статическими шорохами. Вдруг эфир наполнил глубокий, сильный голос:

– Мы проснулись. Видение, ради которого мы пролили столько крови, Мечта, из-за которой мы покинули родную Галактику, рухнула – уничтоженная человеком, который привёл нас сюда. Но хотя Керенский и предал Мечту, она продолжает жить в нас. Мы снова вынуждены подхватить упавшее знамя и устремиться с ним дальше – мощно и нестигаемо. Настоящим мы объявляем о своей независимости от коррумпированной Звёздной Лиги в изгнании, от безумного Керенского и его алчущей власти клики. Новая Гегемония Капеллы объявляет о своем рождении! Пусть никто не посмеет встать на нашем пути, потому что наша молодая нация готова защищать себя. Да здравствует народ Капеллы!

Никогда доселе не испытанное отчаяние охватило Андрея. Поток картин, одна другой страшнее, затопил его воспоминания. *Бесконечный поток крови, насилия и страданий.*

Оборванные люди, кишашие в сгоревших остовах домов на Новой Земле.

Неясные картины солдат СОЗЛ, уничтожающих друг друга.

Гаснущие глаза, последнее выражение которых – принятие приговора, приводимого Андреем в исполнение. *Убийство, которое я совершил.*

Всё повторится.

Значит, Николай все-таки был прав. Будет ли насилие и дальше так влиять на нашу жизнь, что нам придётся построить новое общество, чтобы избежать судьбы? Чтобы положить конец убийствам, мы вынуждены убивать. Не может быть, чтобы это было единственным решением! Или это в самом деле так?

Сразу после передачи в эфире снова зазвучал совершенно невнятный хор голосов, заглушивший речь, которая через некоторое время стала повторяться.

– Назад на общий канал, – пролаял Андрей и изменил настройку своего приемника. Он глухо вдохнул воздух и начал инициализацию «Экстерминатора».

– Вы слышали приказ. Мы ждём новых указаний. Ребята, эти скоты говорят, что Мечта живёт в них дальше. Но я говорю вам: Мечта живёт и в нас! – *Как минимум, я на это надеюсь.*

– Солдаты. Докажем это.

*Временный командный пост
Неподалеку от Новой Москвы
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
14 мая 2801 года*

Угнетенную атмосферу временного командного пункта едва можно было вынести. Андрей наблюдал за многочисленным собранием солдат, пришедших сюда на штабное совещание. Здесь были представлены почти все офицерские звания: от майора до, собственно, командующего генерала – и все они толпились в ужасной тесноте. В данный момент все замерли, внимательно вслушиваясь в искаженный голос, доносившийся из небольшого динамика. Радиопереговоры создавали картину текущей ситуации, которую каждый слишком хорошо помнил из прошлого.

Эта боль ещё далеко не забыта. Взгляд Андрея был устремлен на генерала, как он ни сопротивлялся этому. Хотя его отец в данных обстоятельствах выглядел почти как прежде – по крайней мере, если сравнивать с прошедшими месяцами – но Андрей заметил тень на его лице. *Словно тебя держит на ногах лишь воспоминание о былой мощи. Наверное, ты бы с большим удовольствием оказался в своем кабинете в правительственном комплексе. Понимаешь ли ты всю глубину этого отличия? А другие – они это понимают?*

Андрей вновь оглядел командную палатку и заметил в глазах некоторых офицеров разочарование тем, как долго его отец тянул с решением принять крутые меры относительно этой так называемой Гегемонии Капеллы, недавно захватившей форт «Брайан-IV». Когда генерал всё-таки, скрепя сердце, собрался атаковать, принятые им меры можно было в лучшем случае назвать половинчатыми. Они не были похожи на развернутую военную операцию. *У нас до сих пор даже нет данных телеметрии от мехов!* Несмотря на это, ни на одном из лиц Андрей не нашел признаков сомнений – многие были окрылены надеждой уже просто потому, что генерал вновь оказался среди них.

Полные надежд лица причиняли Андрею наибольшую боль – сам он не испытывал ни малейшего подъема от того, что генерал вернулся. Он попытался снова сконцентрироваться на голосах впереди себя – он находился слишком далеко от установленного в центре палатки голотанка, на котором отображались движения частей.

– Эдмондс, как дела на фланге?

– Все в порядке, генерал. Почти что слишком просто. Они попросту ничего не делают.

– Хорошо, я хочу, чтобы вы провели ещё пару ударов на обоих флангах. Они нам вчера и так достаточно наподдали. Лучше всего где-нибудь здесь, так?

– Так точно, сэр!

Андрей видел, как некоторые офицеры согласно кивали, когда генерал Аарон де Шевилье отдавал приказы своим людям.

– Ну что ж, поджарьте их там. Эти почтенные граждане, конечно, застали нас врасплох, но Бог мне свидетель: «Брайан-Четвертый» мы им ни за что не оставим.

Пока хор голосов выражал одобрение, Андрей мог лишь покачать головой. Большинство солдат СОЗЛ называло сепаратистов исключительно «каппи». *Но если тебе через плечо заглядывают репортеры – это значит, ты должен быть политкорректным даже в такой ситуации.* Андрей попытался отогнать горечь, охватившую его от таких мыслей, однако у него это не получилось.

«Политическая власть растёт из стволов винтовок и орудий». Слова Николая звучали в его голове, как Андрей ни старался забыть о них.

– О'кей, сэр. Похоже, у нас гости. «Дельта» докладывает о спорадическом беспокоящем огне на левом фланге. Ничего такого, к чему мы бы не были готовы.

– Скажите парням из «Дельты», пусть держат головы пониже. Даже если это единичные огневые точки, пусть держатся цели. Мы штурмуем форт и вышвырнем их оттуда.

– Сэр, есть, сэр!

Андрей оглядел собравшихся. Вот они стоят – гордость генерала, лучшие из тех, кто служит в реформированных СОЗЛ. И всё-таки, на их лицах явно читается озабоченность. *Потому что мы уже более двадцати лет не предпринимали крупномасштабных наступлений. Военные манёвры – лишь полдела. Теория без практики мертва. Кант.*

А сейчас мы воюем против собственного народа.

Эта мысль затронула в Андрее некую струну и ему показалось, что он завибрировал всем своим существом. *Как мы допустили такое?*

В динамике затрещали статические помехи.

– Сэр, наблюдаю повышенную активность в секторе 23. Похоже, что...

Андрей, как и другие офицеры, подался вперед, когда передача была заглушена мощной канонадой.

– Майор, повторите. Прием.

– Мы под сильным огнем. Похоже, каппи отыскивали ключ к складу вибробомб. Они накрыли часть роты «Бета» и гвоздят их мобильной артиллерией. Кажется, мы их нашли.

Андрей внутренне выругался, наблюдая за тем, как некоторые высокие чины смутились, услышав грубоватый комментарий. *Ах, вы опасаетесь плохих отзывов в вечерних новостях, господа? Витаете ли вы так же в облаках, как генерал?*

Из динамика невнятно зазвучало сразу несколько голосов.

– Оставайтесь на своей позиции.

– Майор Хикс, 33-ему и 14-му – срочный отход в сектор 22. Пара наших ребят там попала в переделку.

– Есть, сэр!

Прошло десять минут и Андрею уже стало казаться, что он больше не выдержит. Единственный взгляд на застывшие лица дал ему знать, что такое чувство возникло не у него одного. Короткие радиопереговоры, постоянно прерываемые сильным огнем – от треска ППЧ до глухих взрывов обедненного урана, покидающего ствол автопушки – звучали в давящей тишине командной палатки неестественно громко. Симфония насилия доносилась с поля боя, вступить на которое давно не терпелось многим из присутствующих – желание, о котором они теперь горько сожалели.

– Генерал, я регистрирую несколько странных аномалий.

– Что?

– Не могу знать. Сигнал идет сквозь помехи, но на нашем левом фланге что-то затевается.

– Количество?

– Невозможно определить, сигналы наслаиваются друг на друга.

– Что?

– Сэр, не могу...

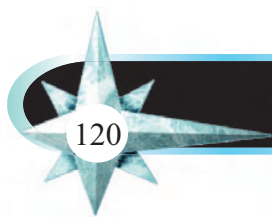
К тому моменту, как передача вновь прервалась, все присутствующие в палатке были уже на ногах. Несколько взрывов оборвали слова наблюдателя.

– Майор? Майор! Мне нужно...

Атмосфера, казалось, потрескивала от напряжения. Приказ де Шевалье утонул в оглушающем грохоте.

Несколько других солдат включились на других каналах – их голоса сопровождались мелодиями войны. Только голоса генерала де Шевалье больше не было слышно.

В конце концов, после того, как угрожающая тишина – несмотря на страшный шум в эфире

– не оказалась развеяна голосом де Шевалье, заговорил генерал Керенский.

– Генерал де Шевалье, ответьте оперативному центру.

Интонация его отца заставила Андрея удивиться. *Никакой поспешности.* Генерал мог с тем же успехом сказать: «Ну, как у вас прошёл день?». Шуршание униформ заполнило палатку, пока присутствующие нервно ожидали реакции. Привкус во рту был настолько отвратителен, что Андрей испугался, как бы его не стошнило.

Прошло ещё полминуты и генерал повторил:

– Генерал де Шевалье, отвечайте!

– Центр, здесь майор Болсон, – в конце концов зазвучал голос в эфире. Подавленный тембр подтвердил худшие опасения Андрея. *Господи Боже мой, что нам теперь делать?*

– Центр, генерал де Шевалье... генерал... Мне кажется, он... мёртв. Генерал мёртв, сэр.

Андрей внимательно следил за отцом, когда тот вновь взял и поднёс микрофон ко рту. *Ни малейшего замешательства.*

– Майор Болсон, я вас не понял. Повторите.

– Центр, де Шевалье убит. В данный момент я являюсь старшим по званию офицером здесь и прошу немедленной поддержки. Тут такой ад, которого свет не видел.

– Сомневаюсь, майор. Но я, похоже, вас неправильно понял. Вы можете подтвердить свои слова?

Опять этот нейтральный тон. Как будто он в совершенно спокойной обстановке объясняет подчиненному, что тот сделал неправильно и как ему все исправить.

– Черт побери, центр! Он его меха ничего не осталось! *Его просто нет*, понимаете вы? Какого вам ещё подтверждения? Понятия не имею, как им это удалось, но вся местность выглядит так, словно Амарис лично перепахал его ракетометом «Эрроу-IV». От командной роты почти ничего не осталось. Это было незаметно, но они, должно быть, отметили генерала системой захвата цели. Я клянусь вам – как минимум половина залпа угодила в его «Вархаммер». Там... попросту больше ничего нет.

Тишина разлилась по палатке, словно долгая зимняя ночь по кладбищу. Когда холод пробрал его до костей, Андрей, и без того мёрзший, обхватил себя руками. Серое лицо отца едва не сломало его окончательно.

Сгорбленный старик почти незаметно начал меняться. Казалось, масса тела генерала увеличилась, он вдруг стал выглядеть более прямым и массивным, чем до сих пор, отметины, оставленные на нем временем облетали с него, словно вторая кожа. Голубые глаза Керенского, выражавшие до сих пор лишь безразличие, сверкали все ярче, пока не засияли подобно прожектору меха. Огонь, все более и более затухавший в последние несколько лет, возгорелся вдруг с невиданной доселе мощью. Впервые за долгое время Андрей увидел в глазах своего отца генеральское выражение.

– Центр, что мне делать? – Андрей и большинство других офицеров смешались, когда тишину вдруг нарушила передача. Метаморфоза, происходящая с генералом, заморозила их всех.

– Вы будете делать то, чему вас обучали, солдат. Удерживайте вашу позицию и подавляйте любое сопротивление. Подкрепление в пути.

Голос генерала не имел более ни малейшего сходства с тем, который Андрей привык слышать от своего отца.

Это не мой отец. Не великий генерал.

Это не был состарившийся человек, обживший тело его отца. На сердце у Андрея потяжелело, когда он обнаружил в отце сходство с Николаем в его худшей ипостаси. *Настолько невероятно бесчувственный.* Он несколько раз сглотнул, однако не смог избавиться от горького привкуса страха.

Генерал медленно опустил микрофон и обернулся к окружающим его солдатам. Он заглянул каждому в глаза, кивнул, убеждаясь во внимании и лояльности каждого. Когда их взгляды встретились, Андрей попытался отыскать в глазах генерала признаки его отцовской привязанности к нему. К своему разочарованию, не нашел. Как будто отец перестал существовать в

этом человеке.

Его место занял гнев.

Андрей с испугом сообразил, что раньше такой всплеск чувств отца казался ему чуждым. *Сначала смерть его жены, едва не сведшая его с ума. Потом – бесконечные проблемы колонистов, которые не давали ему вздохнуть свободно, даже когда ему очень требовался заслуженный покой. Как будто достойный когда-то восхищения человек со смертью своего старейшего друга генерала де Шевалье оборвал все нити, связывавшие его с прошлым.*

– Солдаты. Я признаю, что сделал ошибку. Мне казалось, я сделал свою часть дела и могу, наконец, переложить ответственность, которую нес столько лет, на других. Похоже, я ошибся.

Несмотря на горькие мысли, признание генерала немного улучшило настроение Андрея. *Неужели он меня услышал? Неужели великий генерал вернулся?* Андрей попытался избавиться от сомнений, которые он испытывал, глядя на чужое лицо и слыша чужой голос своего отца.

– Эти люди обвиняют меня в том, что я отступился от Мечты. Но мы не поднимали оружия и не убивали тех, кто всего лишь выполнял свой долг. Один раз я уже был вынужден смотреть на то, как распадается Звёздная Лига, стал свидетелем, как правители Великих Домов предали память мужчин и женщин, отдавших свои жизни в битве против узурпатора. Как они уничтожили союз и кинулись воевать друг против друга, – генерал вновь оглядел собравшихся. Несгибаемость и вновь обретенная мощь в его голосе тронули сердце каждого.

– Никогда больше! – эти слова могли сдвинуть горы.

Генерал-майор Тиллэм сделал шаг вперед:

– Сэр, каковы будут ваши приказы? – в голосе его звучало восхищение, которое всегда успокаивало Андрея. Когда он наблюдал поклонение, сфокусированное на одной личности, ему становилось не по себе, какой бы замечательной эта личность ни была.

– Немедленно мобилизовать все подразделения. Подготовьте и распространите открытое обращение, разъясняющее всем другим мирам Пентагона и колонистам, живущим на них, обстоятельства убийства военнослужащих СОЗЛ. Я сформулирую личное обращение, в котором сошлюсь на генеральную директиву 137, ещё сегодня пополудни. До четырнадцати-ноль-ноль у меня на столе должны лежать планы полной блокады так называемого городского сектора Катай. И вот ещё что: генерал, мы должны позаботиться о форте Брайана. Сломите всякое сопротивление.

Хор утвердительных голосов ответил генералу, однако один-единственный протест перекрыл все подтверждения. К его ужасу, все присутствующие повернулись к Андрею – только сейчас он понял, что громкое «нет!» выкрикнул именно он.

Генерал сфокусировал на нем сверкающий взгляд и когда он начал говорить, то казалось, его слова вылетают прямо из ада:

– Что вы сказали, солдат?

Андрею хотелось спрятаться от этого взгляда, но он собрал всю свою вновь завоеванную силу. Он подумал о Дане и своих друзьях, перед его внутренним взором встал подполковник Суркаи. *Ответственность.*

– Почему вы хотите блокировать Катай? – к удивлению Андрея, его голос даже не дрожал.

– Сектор представляет угрозу безопасности нашего города. Мы не должны позволять им держать нож у нас за спиной.

– Генерал, то, что некоторые гражданские в этом секторе замешаны в бунте, ещё не значит, что все тамошнее население – ренегаты. Я уверен: многие из тех, кто там живет, так же возмущены происходящим, как и мы.

– И почему же они тогда не возмутились, не дали о себе знать?

Андрей открыл было рот, однако ничего не ответил. *В самом деле, почему нет?*

– Вот именно, майор.

– Но это же не приведет ни к чему, кроме дальнейших бунтов и беспорядков! – попытался Андрей зайти с другой стороны. *Это же чистейшее безумие!*

– Все граждане будут поставлены в известность о наших действиях. Однако сначала мы

должны восстановить собственную безопасность и безопасность жителей этого города, прежде чем мы позаботимся об иных планетах. Никаких репрессий не будет.

Андрей почти физически почувствовал недоговоренную последнюю часть фразы.

– Никаких репрессий, пока эти люди оставляют вам выбор.

Колючие глаза пробуравили Андрея и, казалось, вывернули его наизнанку.

– Конечно же.

– Но тогда мы говорим о совершенно гипотетической возможности. Конечно, против введения чрезвычайного положения будут устраивать демонстрации протеста. Получается, мы движемся к неизбежной катастрофе! – Последние слова Андрей произнес повышенным тоном. *Проклятье, я не могу иначе!* Он огляделся вокруг себя, отчаянно надеясь увидеть поддержку, однако был горько разочарован.

Генерал глядел на своего сына так, словно видел перед собой особо отвратительного жука, который только что вылез из-под камешка.

– Я думаю, мои приказы были вполне однозначны, майор. Если вы чувствуете себя не в состоянии выполнить задание, вы можете быть освобождены от своих обязанностей.

Слова отца сокрушили последнее сопротивление и Андрей едва не рухнул на колени. Он вздохнул ещё глубже, хотя ноздри его дрожали. *Кто ты такой, черт тебя побери?*

– Вы не можете этого сделать со мной, сэр.

– Не могу? Охрана! – ответил генерал, повысив голос настолько, что стоящие перед входом охранники должны были его слышать. Старик вновь сфокусировал взгляд на своем сыне, подняв брови, словно хотел дать Андрею последний шанс самостоятельно распорядиться своей судьбой.

Я не могу в этом участвовать. Я просто не могу. На моих руках и так слишком много крови. Андрей опустил взгляд. Когда он через некоторое время опять взглянул на генерала, он уже знал: большая часть его отца исчезла, умерла под гнетом страданий, долгой и тяжёлой жизни, отнявшей у генерала всё. Ещё Андрей понял, что у него нет ни малейшего шанса остановить кровопролитие.

Но он не даст превратить себя в оружие – операция состоится без его участия. На этот раз он пойдёт своим путем – так, как ему это уже удалось сделать в отношении Николая.

Может быть, мне удастся спасти Николая, но отца...

– Нет.

Генерал кивнул и жестом направил охранников к Андрею. Потом, не удостоив своего сына ни взглядом, он обернулся и принялся раздавать дальнейшие приказы.

Андрей очень старался, но не мог сдержать слёз. Два винтовочных ствола прижались к его спине, подталкивая его к выходу.

Тюрьма.

*Военная тюрьма СОЗЛ
Неподалеку от Новой Москвы
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
11 июня 2801 года*

Андрей проснулся и испугался. Сначала ему показалось, что рука призрака из страны снов все ещё сжимает его затылок. Его пробрала дрожь. Он медленно поднялся, оторвав плечи от кровати, и старые пружины заскрипели, казалось, на всю тюрьму.

Андрей настороженно прислушался, пытаясь услышать шорох, разбудивший его. Но кроме сонного бормотания его сокамерников и громкого храпа доставленного накануне в пятую камеру арестанта, слышна была лишь тихая музыка из комнаты охранников. Ничего необычного. Музыка практически не воспринималась слухом – это была *ощущаемая* мелодия, едва заметное давление на барабанные перепонки. Слишком тихая, чтобы мозг воспринимал её, как реальность.

Иногда Андрей задавался вопросом – не является ли это особо изощренной формой пытки? *Слишком тихо, чтобы по-настоящему слышать, но достаточно громко, чтобы постоянно мешать!*

Прошедший день был точно так же безынтересно вычеркнут из жизни, как и многие дни до него. Пустые разговоры арестантов, полагающих, что знают всё обо всем на свете и не знающих ничего, давно уже перестали быть достаточно интересными, чтобы скоротать время. Многие из заключенных относились к категории людей, постоянно стремящихся дать знать всем окружающим, на какую пустую тему они опять не в состоянии сказать ничего толкового.

Этот день был даже особенно скучным, потому что в камеры не просочилась вообще ни одна новость. Никаких новых, страшных сообщений о жертвах среди гражданского населения или растущих потерь армии. Никаких пугающих рассказов солдат, которые сами присутствовали в местах событий и, таким образом, могли хоть немного рассказать о бунтах, облавах и массированных репрессиях.

Что происходило в том бурлящем котле, который уже на всех пяти мирах Пентагона излился настоящей войной? Против военных поднялось всё гражданское население. Ещё болеестораживающими были вести, которые обсуждались исключительно лишь в самых тёмных закоулках мех-ангаров – и даже там только вполголоса и за шумом разных приборов и инструментов: в рядах СОЗЛ появились первые дезертиры и даже, говорят, целые подразделения перешли на сторону бунтовщиков.

Андрей встряхнул головой, чтобы избавиться от отвратительных мыслей. *Всего лишь реакция тела, которое в ожидании освежающего сна до утра было разбужено всего лишь через час. Ещё нет даже полуночи.*

Тихо и осторожно Андрей выбрался из койки. Когда его голые ступни коснулись холодного бетона пола, он непроизвольно вдохнул, издав в общей тишине неестественно громкий шум. Но даже он не пробился сквозь истощение и апатию. Он тихонько прокрался к решетке. Неожиданный лёгкий шорох заставил его прижаться к правой стене и пробираться дальше уже вдоль неё, пока он не смог бросить осторожный взгляд в коридор с левой стороны.

Андрей несколько раз сморгнул, не будучи уверен – не обманулся ли он в темноте. Он потер вспотевшие руки – грязь, приставшая к ладоням во время работы в ремонтных доках, навер-

ное, никогда не отчистится до конца – и напряженно продолжил наблюдать.

Узкий луч света продвигался по коридору вдоль камер. Как Андрей ни старался, он не смог прийти к выводу об источнике и цели этого светлого пятнышка. Луч, казалось, плыл сам по себе в непроглядной тьме. Светлячок, пославший вперёд свой магический фонарик, а сам оставшийся невидимым.

Может, я ещё сплю? Он прикусил язык так, что слёзы навернулись на глаза и ему пришлось проморгаться от солёной влаги. Но луч света все приближался и приближался. На секунду Андрей ощутил страх, желание убежать – но взял себя в руки. Слишком много жутких ночей он оставил позади с тех пор, как решил следовать собственным путем. Слишком много часов он провел, собирая крупницы информации, проникающие из внешнего мира сквозь стены камеры, слишком долго ремонтировал машины и прочее военное снаряжение, поступающее в рабочие цеха тюрьмы каждый день со следами от оружия всё большего калибра. А может, Андрей просто слишком устал, чтобы в самом деле испугаться.

Он прижался к стенке камеры и распластался по ней, несмотря на тончайшую материю тюремной робы, закрыл глаза и стал ждать, в то время как луч продолжал свое движение по коридору.

Ожидание не продлилось долго. Это был всего лишь блик, но он в самом деле пробился сквозь сомкнутые веки Андрея. Он открыл глаза и прищурился – луч был направлен прямо ему в лицо. Перед глазами заплескали яркие пятна.

– Привет, Андрей.

– Что...? – затуманенный разум Андрея пытался обработать информацию: бесхозный луч-бродяга только что назвал его по имени.

– Может быть, с тобой тут и обходились не слишком хорошо, но я тебе вот что скажу: снаружи дела обстоят ещё хуже. Гораздо хуже. Пора тебе отсюда выбираться. Ты нужен.

– Как?

– Ты не сошел с ума, просто устал. Давай, Андрей. Время убираться отсюда.

Андрей медленно встал, сморгнул прочь последние пятна и увидел, наконец, расплывающиеся в тени очертания стоящего перед решеткой человека. Он поднял руку, заслоня глаза от света, всё ещё мешающего ему нормально видеть.

– Как насчет того, чтобы сначала убрать фонарик? – усталость заставила звучать его голос совершенно чужеродно. *Это что, я так говорю?*

– Андрей, они не могли тебя здесь сломать. Только не тебя. Что случилось?

Этот голос. Что-то такое звучало в этом голосе... Он снова затряс головой, пытаясь избавиться от свинцовой тяжести и разобраться в абсурдной ситуации.

– Чего тебе надо от меня? Да убери ты свет, наконец!

Луч задрожал, словно его собеседник, охваченный чувствами, затрясся всем телом. В конце концов, фонарь опустился. Андрей проморгался, в то время, как призрак, плотно оседлавший его затылок, вдруг неожиданно испарился. Вокруг шеи Андрея, словно миомеры, сомкнулись пальцы и сдавили так, что он закашлялся, пытаясь вдохнуть. *Тёмное предчувствие того, что меня ожидает. Не сейчас. После столько дней и после всего, что произошло... я изменился.*

Силуэт медленно приобретал чёткие очертания. Человек был одет в чёрный комбинезон спецназа, отдаленно напоминающий форму космического гвардейца. Он медленно поднял руку, снимая ноктовизор и маску, из-под которой полился водопад рыжих волос.

– НЕТ!

Андрей полагал, что вынес уже достаточно шоков, страха и боли, чтобы быть готовым ко всему. Узнавание ударило его, словно сапогом в живот. Воздух разом вылетел из лёгких, а звук от него лишь подчеркнул взорвавшуюся какофонию чувств.

Андрей уставился в бирюзово-зелёные глаза.

– Привет, Андрей.

Он попытался ответить, но язык не повиновался ему – этот орган ощущался, словно мёртвый пёс, третий день валяющийся на солнцепеке, раздутый и отвратительный.

Она сделала шаг к Андрею и бирюзовые глаза пробудили в нем воспоминания, грозящие разорвать его на части. Он чувствовал себя, словно возбужденный подросток, плящущийся на взрослую женщину – женщину, которая его предала, которая заставила его пойти путем, в конце которого его ожидала смерть тысяч людей. Это был путь, отправивший его в изгнание, в ссылку в стенах академии. И, быть может, приведший в конце концов – сюда. Казалось, он вернулся к истокам своего существования.

А что значит это всё для тебя? И вообще – значит ли хоть что-нибудь?

– Джес Коул, – наконец, с трудом выдавил он.

– А, так ты, значит, помнишь, как меня зовут? А я-то боялась, что ты забыл мое имя. Ты меня забыл? – улыбка горела на её губах, словно большой лазер меха. По крайней мере, Андрей чувствовал себя так, словно сейчас сгорит дотла и превратится в пепел.

– Да.

Улыбка стала ещё шире и Андрею показалось, что её всё ещё поразительная красота заставляет бледнеть луч фонарика.

– Что такое? Никакого «ут»? – она осторожно рассмеялась. Андрею показалось, будто зачирикала птичка. – Я тебе не верю, Андрей. Ты ни за что не смог бы меня забыть, правда? Я права?

Он хотел отвернуться, но не смог – её глаза и его собственные воспоминания крепко удерживали его. Как минимум, ему удалось удержать при себе все варианты ответов, готовые сорваться с языка. Чувство одержанной, пусть и небольшой, но все же победы, согрело его.

– Ах, вот как! Несгибаемый, молчаливый герой. Такие парни мне тоже нравятся. – Она пожала плечами, словно желая добавить, что ей нравятся парни вообще – так сказать, под настроение.

В Андрее вскипел гнев.

– Ладно, это неважно. Пора сматываться отсюда. – она протянула руку к дверям камеры. Андрей, словно освободившись от магических пут, воспротивился:

– Нет.

– Что? – изумленно переспросила она, не прерывая, впрочем, движения – она как раз вставляла магнитную карточку в механизм, отпирающий камеру.

– Я не пойду с тобой.

Кликанье, с которым открылась дверь, эхом отразился от дальнего конца коридора. Андрей знал, что как минимум один заключенный, Джимми Зет, проснётся от этого звука. Над ним все смеялись: считалось, что его в состоянии разбудить даже мышьяк за стенами тюрьмы.

– Ясное дело, пойдёшь.

– Нет, не пойду.

Она открыла дверь и Андрей мысленно возблагодарил неважно какого Бога за то, что шарниры оказались хорошо смазанными. Джес стояла перед ним, словно ожидающий ангел. *Скорее, как демон, Джес. Куда как скорее. Демон, пришедший по мою душу.*

– И что ты собираешься делать? Торчать тут?

– А почему бы и нет?

– Ах, Андрей. Я знала, что ты так отреагируешь. Столько времени прошло, а ты все тащишь эту историю на себе, словно крест. Если ты когда-нибудь ударишься в религию – ты, наверное, с превеликим удовольствием будешь день-деньской заниматься самобичеванием. Ты это, собственно, делаешь и сейчас – может быть, когда-нибудь ты обретишь своего рода искупление грехов. Похоже, в себе самом ты его всё ещё не обрел.

Ее слова проникли в разум Андрея, словно отточенные мясницкие крючья, вырывая на пути клочья мяса и заставляя течь потоки крови. Гнев его вскипел так, как никогда ранее, и все воспоминания, которые он, казалось, подавил в себе, ярко горели в нем.

– Ты позволила им меня предать.

– Да неужто? Разве мои действия не спасли больше жизней, чем погубили? – Она покачала головой, словно учительница, огорченная тупостью ученика. – Ты что, до сих пор этого не по-

нял? Мир не делится на чёрное и белое. Черт возьми, даже оттенков серого не хватает, чтобы его описать! Он переливается всеми растреклятыми цветами паршивой радуги!

Ярость в её голосе заставила Андрея прижаться к стене. Джес превратилась в личность, совершенно не вписывающуюся в его воспоминания о ней. *Но кто она тогда? Кто ты, чёрт тебя побери?*

– Значит, так: ты можешь свалить отсюда со мной вместе или сгнить тут, в этой камере. Мне на это совершенно наплевать. Мне этой ночью нужно ещё кое-что успеть, а ты ломаешь мне всё расписание.

Андрей продолжал таращиться на неё, пытаясь услышать в этой гневной тираде отголосок её давнего острословия. Ничего похожего. Новый взгляд на положение вещей пробивал себе путь в его сознании, сокрушая все преграды, воздвигаемые разумом – неприятная оценка собственного положения, которая, тем не менее, странным образом приглушала терзающую его боль тем больше, чем дольше он над этим раздумывал. *Ты всегда была такой, правда? Ты только очень хорошо это скрывала.*

– Ты работала всё это время с Николаем? Это он тебя послал?

– Да госсссподи! – взорвалась она. её голос хотя и напоминал лёгкий шелест, но прозвучал он куда громче всех остальных шумов.

Ну уж сейчас-то точно должен проснуться Джимми Зет. Что он сделает? Прекрати немедленно отвлекаться!

– Андрей, ты вообще-то не замечаешь, насколько ты самовлюблен? Вечно все крутится вокруг тебя. «Ах, кто же я такой?» – зарыдала она наигранно, – «Ах, я несчастный, падший Керенский, изгнанный дьявольскими кознями моего брата»...

Это была явная провокация. Андрей угрюмо набычился.

– Это правда, Андрей. Я наблюдала за тобой всё это время, я следила за тем, как ты купаешься в жалости к себе. Я постоянно видела, как ты пытаешься свалить на других вину за всё, что происходит с тобой, только бы не признать, что сам виноват. Николай тобой манипулировал? Да, в самом деле. *Чёрт побери*, да он ничего другого не делал! И я бы сделала то же самое, если бы полагала, что это вытащит нас из того дерьма, в которое нас завел твой папаша! Только вот что, Андрей: манипуляции – это такая игра, в которой участвуют двое. И ты... ты позволял собой манипулировать. Твое хныканье, твои подавленные взгляды, твоя самолично избранная изоляция... можешь называть это, как тебе угодно, но я называю это слабостью.

Она неожиданно улыбнулась и в следующий момент сквозь горькую мину на её лице прорвался её старый, суховатый юмор. Такого резкого изменения настроения Андрей выдержать уже не мог.

– Признаюсь, я изумилась, когда ты вдруг восстал против своего отца. Даже дал себя запихать в каталажку. А теперь это – я имею в виду, способность принимать собственные решения. Ты выступил от своего имени, как бы ни было это не к месту в той ситуации.

Андрей попытался скрыть горечь:

– Ага, значит, отец разболтал это всем?

– Нет, черт возьми. Господи, ну почему, стоит мне подумать, что ты что-то понял, ты тут же вякаешь что-то идиотское? Конечно, он этого никому не рассказал. Ты что, считаешь, что у него нет никаких более срочных дел, как только рассказывать байки о своем сынишке, пока вокруг затевается гражданская война? Бред собачий! Я сама все видела. Я там была.

– Ты была в палатке? – Впервые с начала разговора Андрей заговорил почти так же громко, как Джес. Его бас отозвался глухим эхом от голых стен камеры.

Она кивнула и скроила мину, означающую: «Моё терпение на исходе!».

– Невозможно ничего изменить, если не быть в центре событий. И если ты при этом замараешь себе ручки, то ты все равно ляжешь спать с мыслью о том, что если бы не ты – все было бы гораздо хуже. Все остальные будут толпиться вокруг и замечательно себя чувствовать, рассуждая о том, какие они справедливые и честные и как ты всё неправильно делаешь. Но разговоры ничего не стоят, Андрей. Разговоры – дешёвка. Делать *что-то* – вот единственное, что считается.

Андрей попытался отвлечься от чувств, которые испытал, когда увидел Джес. Он вдруг вспомнил недавний разговор с Николаем – и теперь присутствие Джес породило в нем сомнения в брате: сомнения в том, что Николай отрицал. *Ты опять обманул меня, Николай? Опять?*

Презрение к себе овладело Андреем, когда последние защитные бастионы, годами возводимые им в сознании, рухнули от внезапного появления Джес. Однако из глубины его «я» послышался спокойный голос, придавший ему сил – голос Даны, изгоняющий отвратительные мысли и успокаивающий боль. Он принял правильное решение: остался верен сам себе, несмотря на призраки прошлого, преследующие его. Отныне он желал принимать только те решения, которые сам считал верными.

– Я не пойду с тобой.

– Вот дерьмо! Андрей! – она сделала паузу, потом подошла на шаг к нему. – Генерал мертв. И я здесь не по приказу Николая. Я сюда сама явилась. Ты нужен Николаю.

Эта короткая пауза и то, что она сказала, заставили Андрея сомневаться в том, явилась ли Джес сюда только для того, чтобы манипулировать им. Он улыбнулся, но улыбка немедленно застыла холодной гримасой на губах:

– Я не верю. Тебе придется убедиться в том, что меня теперь не так просто уболтать, как раньше.

Она сердито помотала головой, из-за чего её огненные локоны зашевелились, словно у нервной Медузы Горгоны.

– Нет, Андрей. Это правда.

Андрей саркастично усмехнулся.

– Ну, конечно же. Ясное дело. Какой-то банде убийц удалось пройти сквозь все бесчисленные подразделения и посты охраны, которыми, скорее всего, окружен сейчас мой отец. Стаду доморощенных террористов удалось то, что не смогли сделать полсотни лет жесточайших боев против целых звёздных империй. Я... тебе... не... верю. – Он выталкивал слова по одному из сжатых губ, словно наносил Джес удары мечом – один за другим, мстя за раны, которые она нанесла ему когда-то.

Хотя он не мог определить в скудном свете, правдивы или нет были её чувства, голос её звучал убедительно. На мгновение она опустила голову и замолчала. Потом ответила:

– Он умер от инфаркта. Сегодня. Незадолго до полудня.

Андрей застыл, когда информация просочилась в его сознание. Был ли траур Джес наигранным или нет – его внешние проявления не имели никакого значения. Выбор слов был тем, что определяло разницу. *Из всех возможностей умереть, какие были у отца...*

Из всех лживых историй, которые она могла ему скормить, на рассказ об инфаркте он рассчитывал меньше всего. Андрей сопротивлялся, однако понимал, что она сказала правду. Он чувствовал это. Великий генерал не мог пасть в сражении, потому что никто и никогда не смог бы его победить.

Только его собственное тело. Его сердце.

Вместо бури гнева, которую ожидал Андрей, он почувствовал, как глубоко в его душе открылся источник, уносящий прочь горечь, накапливавшуюся за годы отчуждения, враждебность к отцу, о котором он думал, что тот попросту *должен быть*. Новое воспоминание пришло к нему – о вопросе, который он задал на похоронах матери: *что мы сделали с тобой, отец?*

И снова горечь и обида волной поднялись в нем: обида не на отца, а на себя. *Опять презрение к себе.* Он покинул отца в неудачный момент – в тот момент, когда он, может быть, ещё мог его спасти. Может, он смог бы смягчить его гнев, остановить войну, которая теперь уничтожала Звёздную Лигу в изгнании.

– Николай, – хотя это слово прошептал Андрей, но мысли, которые роились у него в голове, были мыслями Даны. Несмотря на все, что с ним произошло, несмотря на появление Джес и все подозрения о том, что тут не обошлось без его брата – Андрей, тем не менее, понимал: Джес права.

И Дана. И даже Николай. Моя жизнь – мой выбор. Только тот, кто присутствует при свершении событий, может оказывать на них влияние.

Может быть, с течением времени ему даже удастся спасти своего брата. Андрей поднял глаза и сделал несколько шагов к Джес. На секунду его нога застыла над порогом камеры: символичность его последнего свидания с Николаем не ускользнула от него. *Ещё один решительный шаг, сделать который я решил сам.*

– Куда мы пойдём? – спросил он Джес.

Андрей не мог избавиться от одной-единственной мысли. *Почему все годы моего обучения должны приносить столько боли?*

27

Новая Москва

Норафф, Эдем

Миры Пентагона

18 июня 2801 года

Рычаги и переключатели под руками Андрея казались ему живыми.

– Майор, мои приборы показывают нарастающую активность по всей линии фронта, концентрация на наш левый фланг, – вышла на связь капитан Виммер.

Несколько мгновений Андрей не воспринимал сообщения, все ещё не в силах поверить, что он вновь сидит в кокпите своего меха. Будучи преподавателем Академии, он практически никогда не оказывался в рубке боевого гиганта. Потом он ненадолго снова стал мехвоином – лишь для того, чтобы опять лишиться этого звания, на этот раз в результате интернирования. *Словно несчастная любовь. Туда-сюда, вперед-назад...* Однако – как в тяжёлом браке – если всё было в порядке, как сейчас... *ТЬФУ-ТЬФУ-ТЬФУ... я попросту не желаю больше никем быть. Никем и нигде. Только здесь.* Андрей встряхнулся и ответил:

– Принял, – взгляд на дополнительный экран подтвердил, что Виммер права. Орбитальная съёмка формировала трехмерное изображение Новой Москвы, которое компьютер переводил в двухмерный вариант, пригодный для монитора, так что Андрей имел довольно точное представление об окружающем его городе и его жителях. *Вернее сказать – где враг концентрирует наибольшие группы.*

Вообще-то, Андрею вовсе не хотелось называть бунтующих гражданских «врагами». Но его разум делал то, что нужно для выживания.

– Ваши приказы?

– Избегайте контакта, дьявол разрази, так долго, как только возможно, – на этот раз Андрей ответил немедленно.

– Особенно долго не получится, сэр. Мы уже сталкивались с подобным.

Андрей постарался убрать раздражение из голоса:

– Я это понимаю, капитан, – он покрепче взялся за рычаги управления, чтобы избавиться

от своих страхов. *Словно рукопожатие хорошего друга.* Когда Андрей вновь взглянул на передний экран, тот всё показывал, казалось, нескончаемый людской поток – беженцы, несущие свой скарб на плечах, уныло текли меж ног его меха, огибая бронетранспортеры, отданные под его команду. Река, впадающая в ворота аэродрома, откуда открывалась обманчивая безопасность открытого моря. Андрей грустно усмехнулся. *Если вообще хоть где-нибудь есть эта безопасность.*

– Как бы там ни было, попытаемся завершить эвакуацию с минимальным контактом с противником, – передал Андрей капитану Виммер, – У нас тут полно гражданских, которые только и мечтают отсюда убраться. А мы здесь, чтобы помочь им осуществить это желание. И бунтовщики это знают.

– Непохоже на то. И вообще, беда не приходит одна. Пожалуйста, сэр.

– У вас есть ваши приказы, – Андрей едва не спросил, интересуют ли капитана эти приказы вообще. С тех пор, как он получил свое подразделение назад, прошло так мало времени. Слишком мало, чтобы его подчиненные смирились с распоряжением Николая – принять его, Андрея.

И все это, не поворчав? После всего, что произошло, Андрей не слишком-то много знал о том, как изменилась ситуация с тех пор, как его интернировали. Если отвлечься от слухов, то картину последних напряженных дней можно было осознать, лишь лично присутствуя на месте.

Андрей осматривал окружающее его мех пространство. Дома, несущие на себе следы войны, окружали тесные, кривые улочки. Во многих местах обрушившиеся камни и мусор образовали кучи, а большинство уличных фонарей валялись на земле или были полностью уничтожены. *И везде мусор. Человеческий, всякий... везде.* То тут, то там за почерневшими окнами возникали наблюдатели, бросая вниз быстрые взгляды. Зависть, скорбь, ненависть читались в них. Эти здания вообще-то считались очищенными, вид квартир за опустошенными фронтонами показывал всю глубину безнадежности, в которую впало общество, готовое уничтожить само себя.

Конец великой Мечты.

Причем здесь всё было не так уж плохо, если сравнивать с другими местами. Тот же Катай-город... Андрей непроизвольно вздрогнул, вспомнив изборожденную воронками пустыню. Он до сих пор изумлялся тому, что хоть кто-то из гражданских выжил в этой кровавой бане.

Хотя его тех уверял, что герметизация кокпита действует безукоризненно, Андрею все время казалось, что он чувствует отвратительный сладковатый запах горелой плоти. Ему постоянно казалось, что он весь покрыт чёрной, липкой кровью, словно второй кожей – сбивающее с толку, отвратительное ощущение, которое в самые неподходящие моменты заставляло его ощущать сильнейшую тошноту.

– Так точно, сэр, – с задержкой услышал он ответ.

Андрей с облегчением вздохнул в надежде, что отогнал ненадолго демонов из прошлого. Его собственная неуверенность огорчала его, но он знал, что это всего лишь симптом той реальности, которая его окружала. СОЗЛ попали под сильнейшее давление – может быть, ещё более сильное, чем во времена освобождения Терры. Именно так оценивали нынешнее положение почти все солдаты – как едва осознаваемое отражение их угнетенного состояния. *Слишком много раз откопированное и переданное голоизображение, показываемое устаревшим проектором на грязном экране. Нечёткое и, видит Бог, такое уставшее...*

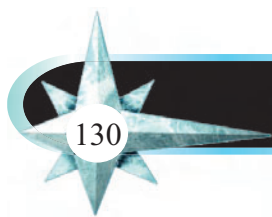
Как минимум, сам Андрей ощущал это именно так и полагал, что и все остальные до какой-то степени разделяли это ощущение.

А ты чувствовал то же самое, отец?

Андрей поспешно затолкал эти мысли в глубину сознания... *по крайней мере, до тех пор, пока этот бой не кончится.*

– Вот ещё что, сэр: хорошо, что вы вернулись. Солдаты вроде вас нужны нам сейчас, как никогда.

Прежде, чем Андрей смог ответить, она отключила связь. Благодарный ей за моральную поддержку, причин которой не мог понять, он переключился на следующий канал:

– Старший сержант Скоттс?

Вначале из динамиков доносился лишь шорох статистических разрядов, потом он услышал отдаленный, но вполне различимый ответ:

– Здесь Скоттс. Прием.

– Мы засекли целую кучу Плохих Парней, они двигаются прямо на вас.

– Принято, сэр. Мои разведчики уже отходят. Они доносят о массивном передвижении частей. Всё или ничего, сэр.

Андрей попытался поворотами головы расслабить напряженный затылок и скорчил гримасу, так как не смог освободить отдающие болью узлы в плечах. *Проклятый нейрошлем.*

– Я понимаю, сержант. Но мы вяжемся в драчку, только если у нас не будет другого выхода, – фразу «У нас тут и без того забот хватает» Андрею не надо было добавлять. – Наша задача – вывести этих людей отсюда и удерживать аэродром столько времени, сколько потребуется, чтобы они все спокойно улетели, – Андрей знал, что говорит сейчас, словно мелочный, чернильный бюрократ, но что ему оставалось? *Слишком часто резня начиналась с затёкшего или слишком нервного пальца на спусковом крючке.*

– А если они станут слишком сильно давить?

Об этом Андрею даже думать не хотелось.

Когда по бронестеклу кокпита неожиданно забарабанил град, он от неожиданности испуганно подался назад, однако сразу улыбнулся. Однако зазвучавший вдруг тревожный сигнал сближения дал ему понять, что осадки эти включали в себя гораздо более смертоносную компоненту. *Автоматный огонь? Откуда, к дьяволу?*

Толпа под ногами Андрея взорвалась криками и начала рассеиваться. Словно речные водовороты, отдельные группы искали путь к отступлению, кидаясь в разные стороны. Паника распространялась с ужасающей скоростью.

Нагнувшись к переднему углу пилотского кресла, Андрей взглянул прямо вниз. Его собственные люди в мгновение ока оказались прижатыми к бронетранспортерам, танкам и ногам мехов толпой, которая панически пыталась убежать от обстрела.

– Что там, к чертовой матери, творится? Виммер!

– Я не совсем уверена, но похоже на то, что...

– Нет! – заорал Андрей. Крик вырвался из его лёгких, словно кусок плоти, оторвавшийся от костей. Пальцы рук до боли напряглись, когда он вцепился под влиянием адреналинового шока в рычаги.

Прямо между ногами «Экстерминатора» стоял человек, к спине которого был привязан ребёнок, и, как сумасшедший, палил длинными очередями из автомата. Сначала он стрелял только вверх, по машине над собой, однако, поняв бесполезность своих действий, повернул оружие на окружающих его солдат.

Он скрывался в толпе беженцев. С сиротой на спине – это вряд ли его собственный ребёнок! – в качестве живого щита. Чтобы добиться своих поганых целей. Через убийство.

Приказ «не открывать огонь» застыл на губах Андрея, он не мог заставить себя его произнести. Он попросту не мог запретить своим людям защищать себя. На мгновение он почувствовал, как разрывается на части, однако в следующий момент осознал, в чём заключается его ответственность. Он глубоко вздохнул – воспоминания о сладковатой вони от всё ещё дымящихся трупов в Катай-городе жгли его лёгкие – и открыл общий канал.

– Вырубите его. Немедленно.

Почти одновременно засверкали три ствола: два – ручного оружия, третий принадлежал крупнокалиберной автопушке с одного из БТРов. Несмотря на беженцев и хаос вокруг, все три солдата попали в цель. Андрей вынужден был смотреть, как очереди разорвали ребёнка и заставили стрелявшего плясать, словно марионетку на веревочках в руках сумасшедшего кукловода, прежде чем он упал на землю.

К несчастью, снаряды 50-го калибра, вылетевшие из башенного орудия БТРа, не могли быть остановлены телом террориста. Они прошли цель навывлет, ударили в группу, находившуюся

за спиной маньяка и прежде, чем артиллеристы остановили огонь, убили двоих и ранили около десятка человек.

Толпа вновь пришла в движение, однако теперь люди бежали от солдат, которые поспешили на помощь к раненым. Даже с высоты «Экстерминатора» Андрей мог видеть панический страх и опустошение на их лицах. Он медленно погрузился обратно в командное кресло.

Именно это и должно было произойти. Так всё просто... и вот уже люди, которых мы вообще-то хотели эвакуировать с Эдема, бегут от своих защитников. Наверное, теперь они уже боятся нас даже больше, чем этих ненормальных «полевых командиров», которые уже контролируют большую часть Новой Москвы.

Несмотря на всё произошедшее, Андрей не до конца потерял надежду. *Это может стать последней песчинкой на весах.* Он знал: лицо человека с ребёнком за плечами, жутко освещенное вспышками автоматного огня, будет преследовать его до конца дней – ещё одно свидетельство способности людей совершать поступки один отвратительней другого.

Он выполнит свой долг и эвакуирует столько гражданских, сколько возможно. Но в этот момент Мечта умерла и в Андрее...

... а новая Мечта стала принимать конкретные очертания.

28

Командный бункер СОЗЛ
Неподалеку от Новой Москвы
Норафф, Эдем
Миры Пентагона
1 сентября 2801 года

– Извини, Николай, но ты попросту слишком молод, – сказал генерал-майор Тиллэм. Его звонкий голос проникал в самые дальние уголки огромного зала собраний и достигал всех присутствующих.

Андрей поразился безмятежности, которую демонстрировал генерал. *Он по натуре такой или каждое утро репетирует перед зеркалом?* Сердце Андрея ёкнуло, когда он увидел, как окружающие его офицеры согласно кивают.

– Я рад, что ты собрал нас всех сюда, но сейчас мне хочется всего лишь принять горячий душ и съесть что-нибудь более-менее приличное. После этого мы можем всерьёз заняться планированием, – с этими словами начальник дивизиона медленно покинул помещение, сопровождаемый всеми, кто принял Тиллэма в качестве своего командира в текущем конфликте.

Почему бы и нет? Он подавлял восстание успешнее всех остальных.

Андрей полуобернулся, чтобы взглянуть на то, как последние лизоблюды покидают зал – глупо говорить так о генерале, но это к нему подходит – и сделал шаг к небольшой группе оставшихся офицеров.

Наверное, так получилось потому, что мы всё время пытались эвакуировать гражданских, в отличие от большинства остальных дивизионов. Андрей едва не высказал эти мысли вслух, однако сдержался. Это привело бы только к тому, что он оказался бы интернирован во второй раз – и неважно, что Тиллэм не был непосредственным его командиром.

Андрей сосредоточил внимание на центре помещения, где по стойке «смирно» стоял Николай, устремив глаза прямо перед собой. *Словно противостоит урагану.*

– Сэр, эти люди попросту не знают, о чем говорят, – Андрей не мог иначе.

Николай медленно повернул голову к своему брату, но в тусклом свете, льющемся с потолка, выражения его глаз было невозможно увидеть, они прятались в глубокой тени. Тем не менее, Андрей немедленно понял, что зашел слишком далеко. Николай всегда презирал сострадание.

– Ты ожидал чего-то другого? – отрубил он, подтверждая догадку Андрея, – В конце концов, не я был тем человеком, который настаивал на этой встрече.

– Вы должны стать новым командующим СОЗЛ, – включилась в разговор заместительница Николая, генерал-лейтенант Тамра Викерс, – Новым лидером Звёздной Лиги в изгнании. Люди нуждаются в вас.

Николай повернул голову и взглянул на неё, не торопясь с ответом. Андрей понял: если бы не давняя близкая дружба с его братом, Тамра получила бы такую же отповедь, как он сам. После длительной паузы Николай взял слово:

– Некоторых людей, движимых завистью и жадностью, прячущихся за неверно понимаемым патриотизмом и лживой справедливостью, изменить невозможно. Такие люди сжигают своё болезненное существование годами безнадежных битв, как и все остальные безумцы, – эти слова рухнули на окружающих, словно авиабомба: тяжело и смертоносно. Пока эхо, казалось, ещё разносилось по залу, Николай также покинул помещение и оставил своих подчиненных наедине с самими собой.

Андрей увидел несколько шокированных лиц, однако никто, похоже, не разделял его мыслей о той сцене, свидетелями которой они стали. Даже если речь Николая прозвучала жестче, чем всё, что он говорил до сих пор, Андрей понимал, что его брат уже долгое время *именно так* и думает. И как бы это Андрея ни пугало, но он и сам начинал думать точно так же.

– Андрей, – услышал он знакомый голос, повернулся на звук и ошеломлен: к нему направлялся генерал-майор Карсон. Несмотря на долгие годы дружбы, гигантская фигура этого человека по-прежнему внушала ему трепет.

– Сэр! – приветствовал он Карсона и отдал честь.

По лицу его друга промелькнуло подобие улыбки.

– Андрей, сколько лет я должен тебе повторять: пока рядом нет всяких там разных важных особ, ты можешь засунуть свое «сэр» куда подальше.

Андрей расслабился и тоже улыбнулся. Учитывая напряжение проваленной встречи, не пришедшей единства во мнениях по поводу кандидатуры нового главнокомандующего СОЗЛ, учитывая страхи последних месяцев, он был страшно рад тому, что Карсон, похоже, совершенно не изменился.

– Я думал, ты ушел так же, как и остальные.

– Да? А с чего бы это мне уходить? – Карсон вопросительно поднял бровь.

У Андрея внезапно пересохло в горле, он с трудом сглотнул. Что он должен был на это ответить? По его мнению, вряд ли кто-нибудь из комдивов захотел бы присоединиться к Николаю – и уж тем более после того, как его брат предложил идею второго Исхода. *В конце концов, одного подобного путешествия на всю жизнь достаточно, не так ли?* Андрей не мог отмахнуться от этих горьких слов, сказанных одним из подчиненных Тиллэма. Он оглянулся вокруг и понял, что штаб 149-го дивизиона Карсона почти в полном составе присутствовал в зале. Он облизнул пересохшие губы и ответил:

– Я бы не хотел показаться неуважительным, сэр, но, эээ... похоже, другие комдивы не горят желанием следовать за Николаем, – Андрей ещё раз оглядел собравшихся и заметил лица своих давних друзей – Уиндхэма, Джейсона и даже Раймонда. Сила, подаренная ими, стала

вливаться в него, заставляя выпрямиться и почувствовать себя увереннее.

– Сэр, последуете ли *Вы* за ним?

Карсон поднял свою огромную лапищу и поскреб подбородок, словно только что обнаружил на нем трехдневную щетину – недвусмысленное свидетельство того, что он провел вне копиты своего меха не так уж много времени.

– Ут, – это было единственное, что ответил генерал-майор. Он громко расхохотался, потешаясь над словами Андрея, могущими служить примером для академического учебника правил обращения к вышестоящим офицерам.

Андрей подавил желание потупить и засмеялся. Впервые за очень долгое время на его лице появилась широкая улыбка.

– Но почему? – выдавил он в конце концов из себя.

– Это и в самом деле хороший вопрос: почему, собственно? – перебил вдруг голос из-за спины. Андрей обернулся и чуть было не упал, узнав высокого голубоглазого блондина.

– Сэр! – приветствовал он новоприбывшего и вытянулся по стойке «смирно».

– Андрей, я согласен с Карсоном, – ответил Стивен Маккенна, – ты должен, наконец, оставить всю эту лажу с формальностями. Можно подумать, мы в армии или что-то в этом роде.

На этот раз засмеялись все присутствующие, хотя мысли в голове Андрея по-прежнему неслись галопом в разные стороны.

– Минуточку. Если вы здесь... где тогда... – он оборвал сам себя, не желая допускать даже тени надежды, чтобы не разочароваться.

Улыбка Маккенны несколько побледнела.

– Извини, Андрей. Я сейчас не знаю точно, где находится Дана. Многие разведгруппы уже вернулись, но кое-какие попросту забрались слишком далеко, у нас нет с ними постоянной связи. Даже до того, как вся эта история тут приключилась, были команды, с которыми мы потеряли контакт ещё год назад, – он пожал плечами, словно показывая, что это в порядке вещей, ничего из ряда вон выходящего.

Сердце Андрея колотилось в груди, словно отбойный молоток. Ему пришлось закрыть глаза, чтобы привести мысли в порядок. Упущенный шанс увидеть Дану после почти двухлетней разлуки вызвал в нем волну меланхолии.

На его плечо сзади легла тёплая рука.

– Извини, Андрей. Для большинства из нас это тоже страшно долго.

Поддержка Карсона помогла, но сознание того, что он не единственный, кто чувствует себя плохо, лишь ухудшила его состояние. *Мы все несём в себе тени воспоминаний и боли.*

Он встряхнулся и развернулся таким образом, чтобы видеть обоих одновременно.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Когда Карсон взглянул на Андрея, время, казалось, замерло на месте. Краем глаз Андрей заметил, что другие офицеры также общались небольшими группами, их слова – как оазисы в пустыне молчания.

– Да-да, эээ... Карсон... что ты там ответил? – попытался пошутить Маккенна.

– Хм, Николай тут довольно мощно выразился, нет? – начал Карсон и Андрей едва подавил вскрик.

Мощно – это ещё слабо сказано...

– С другой стороны, – продолжил Карсон, – в отличие от большинства иных командиров, Николай старается помочь гражданским. Он не устраивает попросту отстрел одного бунтовщика за другим, пока вокруг никого не остается, а пытается действовать по плану. И это отличает его от остальной банды сдуревших бабуинов, – последнюю фразу Карсон сказал гораздо тише, несмотря на отсутствие в комнате помянутых «бабуинов» – командиров других дивизионов.

– Ну, и что это означает для нас? – не дал ему уклониться от темы Маккенна.

Андрей переводил взгляд с одного на другого. В конце концов, на краю его сознания забрезжила догадка. Он изменил позицию, почувствовав, как болят уставшие от долгого стояния ноги. *Столько интриг и дискуссий – и все впустую. Может ли быть так, что...*

– Для нас это значит, что мы – дважды идиоты.

– Именно.

– Эээ... сэр? – Андрей ничего не понимал.

Оба принялись разглядывать Андрея, словно критически оценивая кусок мяса для шашлыка или обсуждая задние ноги скаковой лошади. Молчание прервал Карсон:

– Да чёрт меня подери, Андрей. Я Николая на дух не переношу. И никогда не переносил. Он холоден, он отстранен и на мой вкус – слишком задирает нос. Но он уважает своих подчиненных, – Карсон сделал паузу и заглянул глубоко в глаза Андрею и Маккенне. Потом он продолжил: – У него есть план и этот план подразумевает нечто большее, чем выкосить под корень всё, что не рухнет по команде «лежать-бояться». И между прочим – ты-то сам тоже следуешь за ним.

Замешательство затмило надежду Андрея:

– Да, сэр, конечно.

– Для меня этого достаточно. Дело верное.

– Не понял?

– Этот здоровенный тупица пытается объяснить, что мы последуем за тобой точно так же, как и за Николаем.

У Андрея сперло дыхание. В глазах помутилось и на него навалились воспоминания всей его жизни. Ошибки и непонимание. Его одиночество и отчаяние, рожденные страхом остаться вечной тенью отца и брата...

– Как... – выдавил, наконец, Андрей.

– Слушай, ты похож на кролика под проливным дождём, – ответил Карсон и прыснул. – Я всё время пытаюсь тебе это сказать, но ты же не слышишь. На свете в самом деле есть люди, которые считают тебя как минимум таким же хорошим вождем, как и Николая. Дьявол, да я бы не удивился, если бы узнал, что большинство твоих кадетов после выпуска именно поэтому пошли за Николаем. Николай просто... ну, ты понял.

Андрей, наконец, отдышался. Хотя ему с трудом удавалось поверить словам Карсона, но последняя фраза при всем желании не могла быть интерпретирована иначе. Его брат бросал тень на всех, кто оказывался вблизи от него.

– Я переговорил со своим штабом, Андрей, – продолжил Карсон, – 149-й в полной готовности. Мы следуем за Николаем.

– Так же, как и большинство кораблей космического флота, – добавил Маккенна.

Андрей проглотил комок в горле. Теперь он понимал, что привести в исполнение план Николая, оказывается, вполне возможно. *Эвакуировать столько гражданских, сколько можно, и основать где-нибудь далеко новую, жизнеспособную колонию.* Теперь, с дополнительной огневой мощью 149-го и космических сил... *может получиться.*

У Андрея словно гора с плеч свалилась. За Николаем пошли люди. *Ради меня.* Несмотря на оставшиеся трудности в исполнении их задумки, Андрей чувствовал, что его вечные сомнения в самом себе наконец-то начали исчезать. *Как минимум, некоторые из них.* Он не смог сдержать сардонической улыбки. *Когда я начну уже доверять сам себе, не выдержав прежде боя с собственным «я»?*

Однако теперь они стояли на пороге войны.

И Андрей был готов драться.

*Леса Банлан, неподалеку от Весты
Полуостров Адского Пламени, Эдем
Миры Пентагона
31 декабря 2801 года*

Перед Андреем встала гигантская стена огня. Огненное море разлилось на многие километры, гневные оранжевые, тёмно-красные и ярко-жёлтые языки пламени пожирали всё, до чего могли дотянуться, и выбрасывали в воздух облака густого чёрного дыма. Не заботясь о том, что тем быстрее уничтожает предпосылки к собственному существованию, чем сильнее бушует, лесной пожар кидался в разные стороны, словно голодный демон, стремящийся пожрать все вокруг.

Находясь в относительной безопасности своего «Экстерминатора» Андрей всё же задрожал от вида адского природного катаклизма. Так как скорость ветра достигала 60 километров в час, а солнце нещадно палило со стороны гор на горизонте, смертный приговор лесам Банлан был вынесен, как только разгорелся первый пожар. *Достаточно одного-единственного неточного выстрела, не говоря уже о той огневой мощи, которую мы тут собрали...*

Даже поспешно заключенное соглашение о прекращении огня сроком на один час уже не могло ничего спасти. Расчистка лесополос, предпринятая для того, чтобы предотвратить дальнейшее распространение пожара – по крайней мере, в том регионе, где они находились – увенчалась примерно таким же успехом, как плевки против ветра.

В тот момент, когда пожар достиг просеки, огненный демон, казалось, учетверил свои старания. Ветер раздувал огонь до самых высоких древесных вершин и те немедленно превращались в факелы. Словно осадные катапульты времен терранского средневековья, горящие кроны деревьев выплёвывали огненные шары далеко за пределы расчищенного пространства. Всё было безнадежно.

Уж скорее, мы останемся живыми до завтра, чем подавим этот пожар. А наши шансы выжить – исчезающе малы...

– Я засекла движение со стороны сектора-три. Похоже, авангард их основной группировки, – доложила капитан Виммер. – Полагаю, они идут сюда, чтобы закончить свое дело.

Похоронный голос её подчиненной отражал общее ощущение катастрофы, засевшее в голове у Андрея. Сообщение уязвило его куда больше, чем уничтожение леса со всей его уникальной флорой и фауной. После всего, что им пришлось выдержать... *какая разница – парой деревьев и зверей больше или меньше?* Но это осознание собственной гибели в голосе Виммер...

Андрей так крепко сжал зубы, что у него перед глазами заплескали белые точки.

– Ещё пять минут.

– Это больше, чем у нас есть в запасе, сэр.

– Проклятье, я сам это знаю. Но если нам не удастся защитить корабли в Весте, пока они не поднимутся – значит, всё было напрасно!

В динамике воцарилась тишина. Андрей оглядывал жалкие остатки своей группы. Он невольно задумался о потерях, понесенных во время бесконечного отступления и арьергардных боев последних месяцев. Они пытались эвакуировать как можно больше людей, согласившихся последовать за Николаем в новый Исход. За это они заплатили по самой высокой ставке и ситуация сегодня сложилась так, что им, похоже, приходит конец.

На пульте мигало несколько предупреждающих огоньков. *Приближение объекта, попытка захвата цели.* Первые снаряды ударили неподалеку от их позиций.

Андрей резко втянул воздух, однако не смог до конца изгнать чувство потерянности. Он медленно потянул за рычаги управления и убрал «Экстерминатор» из-под огня. Хотя до сих пор в него ни разу не попали, Андрей чувствовал психологическое давление, окутывавшее, словно свинцовым покрывалом, остатки его людей. Большинство его товарищей попросту оставались там, где стояли, даже не отвечая. *Так много битв, так много смертей... и теперь, когда мы вышли на последний бой...* они оказались сами себе величайшими врагами.

Выживем?

Энергетические лучи прошили воздух – кипящие линии разрушения, внутри которых фотоны танцевали свой безумный танец – и вгрызлись в броню, пробивая навывлет и её, и тела пилотов. Предупредительный сигнал бесстрастно информировал Андрея о том, что бронированное покрытие на правой стороне груди пробито, однако противоракетные снаряды, которые обычно там находились и могли доставить Андрею немалую головную боль, закончились ещё несколько недель назад. То же самое относилось почти ко всему требующему боеприпасов оружию в рядах лоялистов Керенского. *У нас было слишком много времени, чтобы эвакуировать гражданских, и слишком мало, чтобы защитить свои коммуникации.*

В непосредственной близости от меха Андрея взорвался пехотный транспортер, выбросив гигантский огненный шар и опрокинув несколько находившихся неподалеку машин.

Неожиданно из дрожащего от лесного пожара воздуха вынырнула группа мехов и танков, ведомая «Хайлендером». На его груди неестественно ярко, словно подсвеченная прожектором, блистала эмблема Звёздной Лиги.

– Нет! – закричал Андрей, пытаясь справиться с отчаянием. Первый масштабный бой между двумя дивизионами СОЗЛ должен был вот-вот начаться. *Не хочу! Если нам суждено умереть вот так – я хочу погибнуть первым!*

Андрей выжал рычаг скорости «Экстерминатора» до предела и реактор резко взвыл, вырабатывая гигантское количество энергии. Он бросал машину в разные стороны и её и без того перетруженные ноги угрожающе трещали. Таким образом ему удалось избежать трех ферроникелевых снарядов, пущенных в него «Хайлендером» из пушки Гаусса. Одновременно он вышел на оптимальное для его единственного бортового оружия расстояние. Четыре средних лазера пробуравили глубокие борозды в броне противника.

Андрей опять втянул в себя воздух, когда ещё одна сирена предупредила его о приближении новой опасности. Вектор передвижения и скорость сближения с очередным врагом позволяли сделать один-единственный фатальный вывод: *Два аэрокосмических истребителя. Наши птички или чужие?*

Оба истребителя в мгновение ока пролетели мимо. Прямо над становящимся все более хаотичным и непроглядным полем боя пилоты сбросили бомбовые кассеты – так, словно им было совершенно наплевать, в кого они попадут. Обе стороны получили примерно одинаковые повреждения.

– Кто, чёрт побери, это был? – спросил Андрей по общему каналу.

– Не уверена, – ответила капитан Виммер через секунду. – Моя опознавательная система так или иначе сдохла.

Так же, как и почти всё тут.

«Хайлендер» и «Экстерминатор» заплясали один около другого в танце смерти так, словно речь шла о дуэли один на один. Оба пилота понимали: живым с поля боя уйдет только один из них. Но несмотря на свои способности и превосходящую скорость «Экстерминатора», у Андрея с самого начала не было сомнений в том, кто именно из них двоих выживет. Исход боя был решен в тот момент, когда «Хайлендер» появился из дыма.

Снаряд размером с дыню из пушки Гаусса его соперника врезался в правое плечо машины Андрея, разнёс в пыль чувствительные сервомоторы, изорвал пучки миомеров плечевых связок и, в конце концов, вырвал несколько важнейших соединительных элементов и основной амортизатор. Пока Андрей безуспешно боролся за то, чтобы удержать мех на ногах, остаточная энергия выстрела отделила правую руку от корпуса «Экстерминатора».

Андрей едва не свалился в обморок, когда он в результате жёсткого падения своей машины на землю сильно ударился головой о боковую поручень командного кресла. Из носа и рта потекла кровь и он отчаянно старался остаться в сознании. Правую щиколотку пронзила острая боль и он понял, что ранением головы его потери не завершились. Но у него попросту не было времени разбираться. В центре апокалиптического вихря из взрывающихся снарядов автопушек, шипящих молний ППЧ и бесчисленных лазерных лучей вновь появился «Хайлендер», направляясь прямо на него – пока не заполнил собой весь передний экран.

Андрей выдохнул, переполненный чувством отстраненности от происходящего, а «Хайлендер» медленно поднял ногу. *Я сделал всё, что смог, Никки.* Доли секунды спустя, когда гигантская нога уже медленно опускалась, ещё одна мысль вспыхнула у него в мозгу. *Отец.*

Неожиданно слева показалась рука ещё одного меха. Она заканчивалась стволом пушки Гаусса и была направлена в голову «Хайлендера». Прозвучал глухой взрыв, когда неизвестный пилот – спаситель Андрея – произвел выстрел.

Огромный цельнометаллический шар на скорости, вдвое превышающую скорость звука, покинул ствол и врезался в голову «Хайлендера». Сила удара попросту снесла напрочь всю пилотскую кабину.

Охваченный потрескивающими потоками энергии, «Хайлендер» завалился направо, в сторону от лежащего на земле «Экстерминатора». Андрей мог дышать лишь с большим трудом, горячий воздух жёг его лёгкие и он чувствовал, как глаза его вылезают из орбит.

Что?! Его разум отказывался понять, что он в последнюю секунду избежал смерти. Андрей медленно поднял взгляд на новоприбывшую машину. Перед ним стоял тяжело поврежденный «Экскалибур». *Но у меня в команде вообще нет пилотов на «Экскалибурах»!* Андрей неспешно оглядел машину, посмотрел на правую сторону груди, где едва можно было различить знак полковой принадлежности.

Один из них! Это один из них!

– Майор, вы живы? – голос капитана Виммер пробился к нему сквозь пелену апатии. Шок – а с ним и боль – навалились на Андрея и он завопил. Когда он посмотрел вниз, то увидел, что осколки брони пробили оболочку кокпита и пригвоздили его ногу к креслу. Боль билась на краю его сознания, но Андрей сконцентрировался и взглянул на общий радар. Перебежчик и потеря предводителя убедили авангард их преследователей в том, что им лучше всего убраться куда подальше.

Гордость и отчаяние смешались в совершенно невообразимый коктейль, когда Андрей понял, сколь малое количество его людей оставалось в строю.

– Я в порядке. Сейчас попробую подняться. *Нет смысла их беспокоить по пустякам. Скоро всё кончится.* В этот момент Андрей заметил настоящий водопад новых радарных отметок – основные силы их противника успевали на поле боя раньше, чем они смогли бы отсюда убраться.

Обеспечили ли мы достаточно времени нашим парням? Наверное, мы об этом уже никогда не узнаем.

– Бета-четыре, здесь центр. Прием.

Андрей застонал и с усилием втянул воздух в свои измученные лёгкие. Боль, охватившую его правый бок, едва можно было выдержать. Связь с центральным командованием была оборвана ещё несколько дней назад – многие полагали, что их штаб-квартиру давно уничтожили. Андрей включил нужный канал.

– Здесь бета-четыре, майор Керенский.

– Ждите. Соединяю.

Тишина, прерываемая только потрескиванием перегретых реле за командным креслом. Андрей поймал себя на том, что с изумлением разглядывает «Экскалибур».

Почему ты это сделал? Почему ты перешел на нашу сторону? Что произошло?

Мысль о том, что придётся благодарить этого мехвоина за спасение своей жизни, заставила Андрея истерично захихикать. Он старался не зайти в сумасшедшем хохоте, опасаясь, что

безумие охватит его точно так же, как бесчисленных жителей миров Пентагона в последнее время.

Не осталось больше ничего, за что стоило бы воевать.

– Майор Керенский?

Андрей закрыл глаза. *Чего тебе ещё, братишка? Вечно тебе надо оставить последнее слово за собой. Не можешь даже дать мне помереть спокойно?*

– Да, сэр?

– Спутниковая съемка показывает, что у вас там полно работы.

Что, чёрт тебя побери...! При всех тех операциях, которые нужно провести для последней эвакуации, у тебя ещё остается время поинтересоваться, что там творится со мной, Николай? Да вам с отцом никогда в жизни не доставало времени позаботиться о каждом отдельном человеке! Андрей сцепил зубы. Наплевать. Больше не имеет значения.

– Посадочные корабли стартовали?

– Ут.

Несмотря на свое плачевное положение, Андрей почувствовал, как в его теле расслабились мускулы, о существовании которых, не говоря уже об их способности напрягаться, он даже не подозревал. Довольный, он откинулся на командное кресло. Его дело сделано, причем даже лучше, чем можно было ожидать. Этого достаточно.

– Хорошо.

– Тем не менее, вы нам нужны.

– Простите, сэр, но я вынужден вас разочаровать. Мы разбиты. Наши друзья даже не стали брать пленных.

– Плохим Парням наплевать на вас и ваших людей, майор Керенский. Если мы их не остановим, им в конце концов достанет времени пробиться к штаб-квартире, прежде чем мы отсюда уберемся.

Ясное дело. Ты бы ни за что не разыскал меня ради меня самого. Впервые эта мысль не вызвала никакой горечи.

– Не представляю, что мы можем для вас сделать. Разве что у вас имеется лишний батальон, который вы можете десантировать на нашу позицию, – Андрей постарался, чтобы сарказм в его голосе не прозвучал слишком открыто, но попытка полностью провалилась. *Хоть бы артерии остались целы, иначе я уже мертв и просто об этом ещё не знаю. Скорее всего, крови я уже тоже потерял достаточно.*

– Как минимум, кое-что в этом роде мы можем для вас устроить.

– Что?!!

– «Минотавр» как раз вышел на позицию. Ещё немного терпения и у вас будет возможность отступить. Отправляйтесь к штаб-квартире и давайте-ка поскорее убираться отсюда.

Чего-чего? Похоже, крыша Андрея медленно тронулась и поехала. Он попытался оказать сопротивление.

Это же никакой не мех. «Минотавр»... прокл... Боевой корабль класса «Иджис»!

– Нет! – Андрей сам не верил в то, что говорил, – Остановите его! Мы же не можем... – темнота почти полностью окружила его.

– Мы сделаем то, что должны сделать, – голос Николая прогремел в эфире в тот самый момент, когда боевой корабль с низкой орбиты открыл огонь из своих гигантских орудий.

Небо запылало. Даже на расстоянии десятков километров задрожала земля, когда «Минотавр» начал обстрел наступающих частей бунтовщиков. Боль в ноге стала невыносимой и Андрей, наконец, провалился в мягкую пустоту обморока.

ЭПИЛОГ

*Форт «Брайан-V»
Полуостров Адского Пламени
Миры Пентагона
29 января 2802 года*

Надвигающийся грозовой фронт отлично подходил к настроению Андрея. Стараясь не хромать из-за боли в ноге, он размеренными шагами направлялся в сторону шаттла, который ожидал поодаль. Только что несколько других посадочных кораблей стартовали со взлетного поля форта «Брайан-V». Он долго следил за ними, наблюдая, как строй созданных человеческими руками летательных аппаратов покидал атмосферу. С ВПП поблизости от приемных боксов шарообразных посадочных кораблей сорвались два АКИ «Аквариус», чтобы сопровождать уходящие суда на их пути к орбите, а оттуда – к прыжковой точке системы. Нельзя было позволить повстанцам повторить такую же трагедию, какую они устроили, сбив «Графаль».

Они это отрицают, но они точно знали, что на борту там были одни лишь гражданские. Настроение Андрея окружало его, словно саван – такое же мрачное, как тучи и приближающаяся ночь.

Когда грохот двигателей затих вдали, звук его шагов показался ему странным. Эхо отражалось от брандмауэра такого мирного космопорта... Андрей оглянулся вокруг: пузырчатый сталебетон посадочных боксов, руины форта, на милях вокруг них – изодранный, выщербленный воронками ландшафт. Ни одного зверька не осталось тут, ни одна птица сюда не залетала.

Опустошенно. Зброшенно. Вымерло.

Описание подходило точь в точь. Оно суммировало все страшные события, происходившие с ним до сих пор. *Что мы наделали?*

Андрей постарался продолжить путь, но несмотря на это намерение и его подавленное настроение, одна мысль разбудила его любопытство. *А почему, собственно, один-единственный малый шаттл должен был ещё приземлиться?* Он видел, как на борт посадочного корабля класса «Юнион» взошли последние мехи. Вообще-то, этот корабль и был его целью. Вокруг него последние солдаты лихорадочно занимались размонтированием и погрузкой штаб-квартиры. Если они этого не сделают сейчас – это не произойдет никогда. И если повстанцы опять атакуют – к ним в руки попадет всё, что оставят лоялисты Керенского.

Господи, как я рад, что мы сваливаем отсюда. Несмотря на последнюю битву, состоявшуюся около месяца назад, Андрей даже злейшему врагу не желал попасть под орбитальную бомбардировку.

Что-то в посадочном корабле показалось ему знакомым и он остановился, чтобы присмотреться повнимательнее. Но мех, который привлек его внимание, уже исчез в тёмном трюме «Юниона». *По-моему, это был «Экскалибур».*

Так как в этом квадрате таких машин была в строю едва дюжина, могло оказаться так, что этот мех пилотировал тот самый мехвоин, который спас Андрею жизнь. После трех недель, проведенных в лазарете, ему оставалось времени лишь на то, чтобы проследить до конца за эвакуацией, так что Андрей вынужден был отказаться от мысли поблагодарить неизвестного спасителя.

Теперь у Андрея появился повод поторопиться, и хотя он понимал, что проведёт всю ночь и большую часть следующего дня, борясь с сильной болью, он все же ускорил шаги. *Потом мы всё равно целыми неделями будем сидеть – или парить – на одном месте.*

Как далеко отсюда находится Страна Мечты? Андрей не мог вспомнить, но он собирался

при первой же возможности спросить об этом у капитана Виммер. *Поприветствует ли нас этот мир так же, как это сделал Эдем? Или планета позволит нам развиваться ровно настолько, насколько потребуются, чтобы мы снова начали проламывать друг другу головы? Или Николаю удастся то, что не получилось у отца?* Он покачал головой, стараясь выбросить из мыслей вопросы, не дававшие ему покоя.

Тем временем Андрей уже мог различить отдельных людей возле шаттла, и сердце его потяжелело. Он попытался стряхнуть это ощущение так, словно бы закрывался рукой от заходящего солнца, но знал: там, у корабля, его ожидает всего один человек.

Ты всё ещё контролируешь меня? Примерно через сорок шагов он смог отчетливо различить силуэт Николая Керенского. Но даже сейчас это чувство не шло ни в какое сравнение с тем, которое вызывал в нем брат раньше. *Андрей, тебе уже, наконец, надоело жалеть самого себя?* Собственный сарказм изводил его, однако улыбка, появившаяся на его губах, породила неплохое ощущение. *Настоящее* ощущение. Он расправил плечи, уверенно поднял голову и поспешил навстречу брату.

Навстречу своему вождю.

– Николай! – окликнул он.

В другое время и в другом месте такая фамильярность стоила бы ему головной боли. Теперь же Николай отреагировал простым кивком:

– Андрей.

Андрей снова замедлил шаги, так как боль в щиколотке ясно напомнила ему, как быстро он прошел последние метры.

– Что привело тебя сюда, Николай? – приветствовал он своего брата.

Николай в конце концов повернулся к нему всем корпусом. Солнце стояло у него за спиной, так что о выражении его лица Андрей мог в лучшем случае только догадываться.

Ты хочешь по-прежнему оставаться недостижимым? Закрытым передо мной? Перед всеми другими? Наверное, да. И наверное, так и надо.

– Я хотел быть последним.

Андрей кивнул. *Да, конечно, ты этого хотел.*

Когда Андрей остановился перед своим братом – его нога весьма недвусмысленно напомнила о себе – он заметил одинокий силуэт, движущийся к ним со стороны «Юниона». Она была одета в комбинезон мехвоина и её высокая, стройная фигура отчетливо вырисовывалась на фоне заходящего солнца. Несмотря на безграничную любовь Андрея к Дане – *Господи всемогущий, когда же я увижу её снова?* – его сердце на мгновение замерло, когда он взглянул на загорелую кожу, узкие губы и прекрасные глаза женщины-воина. Он отвернулся, пристыженный мурашками, пробежавшими по телу, но был вынужден признать, что, несмотря на приличную разницу в возрасте, лицезрел одну из самых красивых женщин, каких когда-либо видел. Но не экзотичная, берущая за душу красота, какой отличалась Дана, тронула его сердце, а прямой, проникающий и привязывающий к себе взгляд. В конце концов, разум Андрея возобладал и он поднял голову.

Её одежда и мокрые от пота волосы заставляли сделать вывод, что она только что покинула кабину меха. *Того самого «Экскалибура»?*

Андрей сделал пару шагов к женщине, вынужденный, несмотря на все старания, прихрамывать. Она бросила сочувственный взгляд на его ногу. *Дурацкая нога!*

– Сэр! – опередила она его. Он остановился и взглянул ей прямо в глаза. Так и стоял, не будучи в состоянии ничего сказать.

Она улыбнулась, отдала салют и встала по стойке «вольно». Теперь Андрей увидел капитанские знаки различия на её плечах. Он также отдал честь и спросил о том единственном, что вертелось у него на языке:

– Это вы – пилот «Экскалибура»?

– Да, это я, – услышав её голос и увидев улыбку, Андрей несколько расслабился. Тем не менее, гулко стучащее сердце и мурашки по спине по-прежнему давали ему совершенно недвус-

мысленные сигналы. *Что со мной, собственно, происходит? Наверное, просто слишком много времени прошло со времени моей последней встречи с Даной. Да, наверное, так.*

– Тогда я, наверное, буду прав, если предположу, что вы были тем пилотом, который пару недель назад спас некий «Экстерминатор» от уничтожения?

Её улыбка стала ещё шире, пока не захватила всё лицо.

– Вполне может быть.

Улыбка Андрея оказалась ещё шире. Он сделал шаг к ней, стараясь забыть о больной ноге, и протянул руку.

– Значит, я должен благодарить именно вас. Вы спасли мне жизнь.

Она пожала ему руку.

– Всегда пожалуйста.

В голове Андрея роился миллион мыслей и все заканчивались вопросительными знаками. Но он решил, что во время предстоящего полета у них будет достаточно времени отыскать ответы. Так что он задал вопрос, который не давал ему покоя больше всего:

– Как вас зовут?

– Сара Мак-Эведи.

– Рад с вами познакомиться, Сара Мак-Эведи. Я Андрей Керенский.

Она засмеялась, словно он отпустил шуточку:

– Конечно, вы – Андрей Керенский, кто же еще?

– Андрей! – прервал разговор новый голос. Андрей развернулся к шаттлу столь резко, что чуть не оступился на раненой ноге. Сердце забухало в груди, словно снаряды орбитальной бомбардировки. На мгновение адреналин помрачил все чувства.

Словно во сне, из шаттла вышла Дана и стала спускаться вниз по ступеням. Хотя Андрей находился в более чем пятнадцати метрах от трапа, он достиг нижней ступеньки раньше, чем это сделала Дана. Их объятия принесли ему боль, о существовании которой он, похоже, успел забыть.

Словно две половинки, вновь обретшие друг друга, они обнялись и слились в единое целое. Дрожа, Андрей всеми силами прижимал Дану, словно отбрасывая от себя все страшные мысли о разлуке и все кошмары, которые он пережил без неё. Её запах наполнил его тысячами воспоминаний, слёзы покатались из его глаз.

Как когда-то давным-давно, мир замер и вечность раскинулась вокруг, когда он обнял свою любимую. её мягкая кожа около его щеки едва позволяла ему вздохнуть.

– Время, – прервал их сухой голос. Словно бы отрываясь от прохладного озера в оазисе после сорока дней странствий в пустыне, Андрей открыл глаза и увидел Николая.

– Чего? – глуповато спросил Андрей. То, что его брат видит его в таком положении, совершенно его не волновало – здесь и сейчас.

Лавина из света и грохота поглотила все остальные слова – «Юнион» запустил двигатели и взлетел. Андрей бросил взгляд через плечо, не понимая, сколько времени прошло с того момента, как появилась Дана. Когда он попытался отыскать взглядом Сару – стыд несколько пощипывал его сознание – он решил, что та, должно быть, успела вернуться в корабль. Откуда-то он знал, что ещё с ней увидится – и засмеялся.

У меня, кажется, развивается такое же чувство предвидения, как у Даны. Он снова обнял её.

После того, как грохот стих настолько, что можно было различать слова, Андрей взглянул на Николая, по-прежнему крепко держась за жену.

– Почему?

В последних лучах солнца, которое светило теперь брату в лицо, Андрею показалось, что он видит – Николай открылся ему более, чем когда-либо. Его жёсткие черты, придающие брату вечно отсутствующее выражение, смягчила настоящая улыбка.

– Военная тайна.

Андрей секунду подождал, потом понял, что больше ничего не дожждётся. Хотя его брат в этом ни за что не признается, Андрею показалось, что по его губам он прочел: «Извини».

В яблочко.

Впервые за всю жизнь Андрей обнаружил в глазах Николая то, чего добивался так долго – *уважение*. Николай с энтузиазмом кивнул.

Андрей закрыл глаза и снова почувствовал, как под веками закипели слёзы. Открыв их вновь, он ответил кивком. Этот момент не мог смыть все, что произошло между ним и братом за годы, но начало было положено.

Андрей не мог придумать, что тут ещё можно добавить, так что он взглянул прямо вниз, в глаза, которые стали зеркалом его души. Дана поцеловала его и у него едва не закружилась голова. Когда она, наконец, выпустила его из объятий, Андрей открыл рот, желая что-то сказать, но Дана положила ему на губы палец. Он медленно кивнул, она улыбнулась – так они разделили мгновение, значение которого могли понять лишь они.

Слов не нужно.

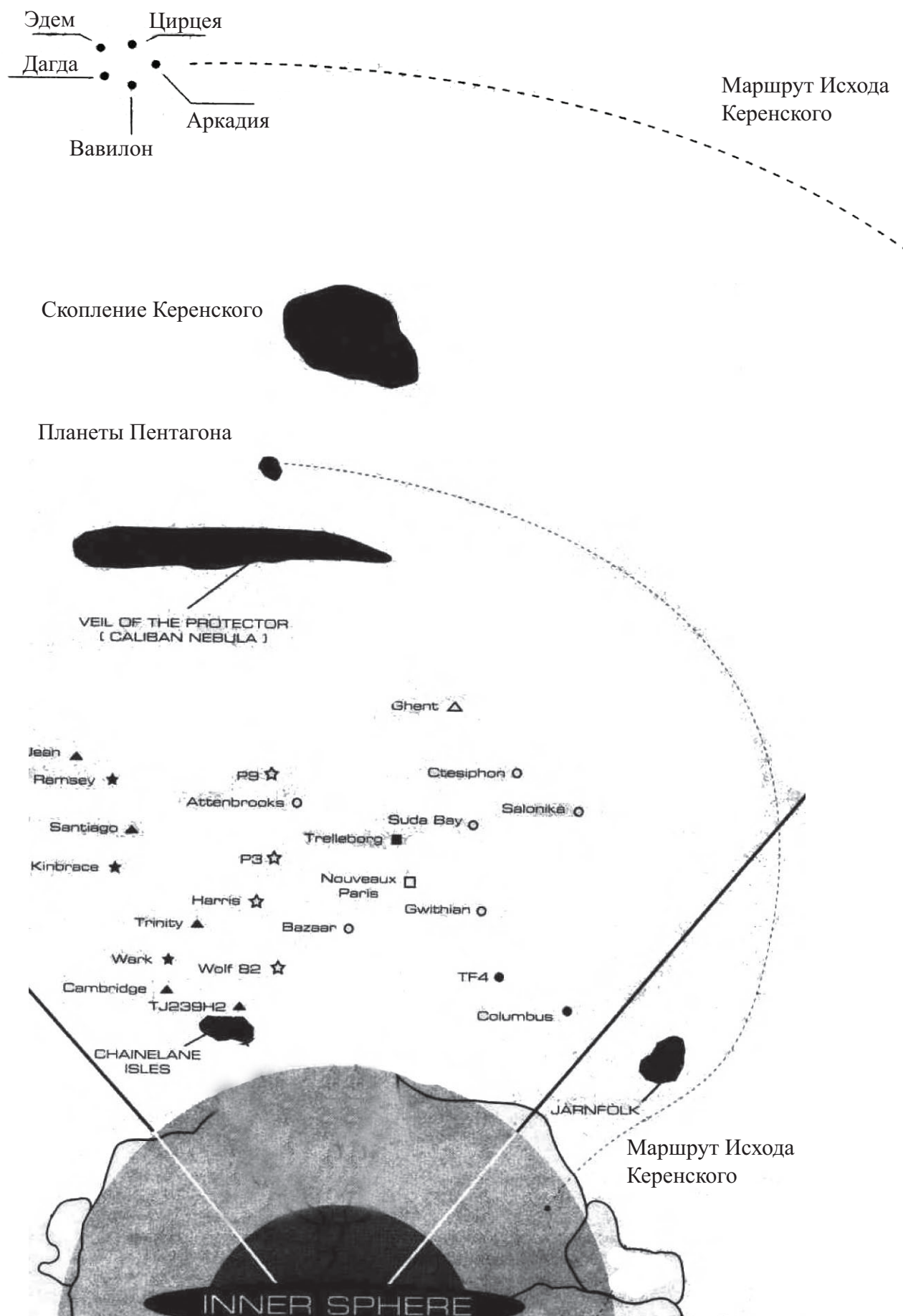
Они обернулись и вступили на трап. Когда Андрей достиг входного люка, он ещё раз обернулся и увидел Николая у подножия корабля. Словно последний страж планеты, Николай стоял, оглядывая выжженный ландшафт, простиравшийся вокруг. Потом он в последний раз заговорил:

– Я вернусь.

Андрея потрясла абсолютная уверенность в голосе брата – он понял, что будет сопровождать Николая. Он крепче ухватился за Дану и она сделала то же самое. Они направились к своим местам, чтобы подготовиться к старту. В сознании Андрея остался лишь один вопрос, который он не мог игнорировать.

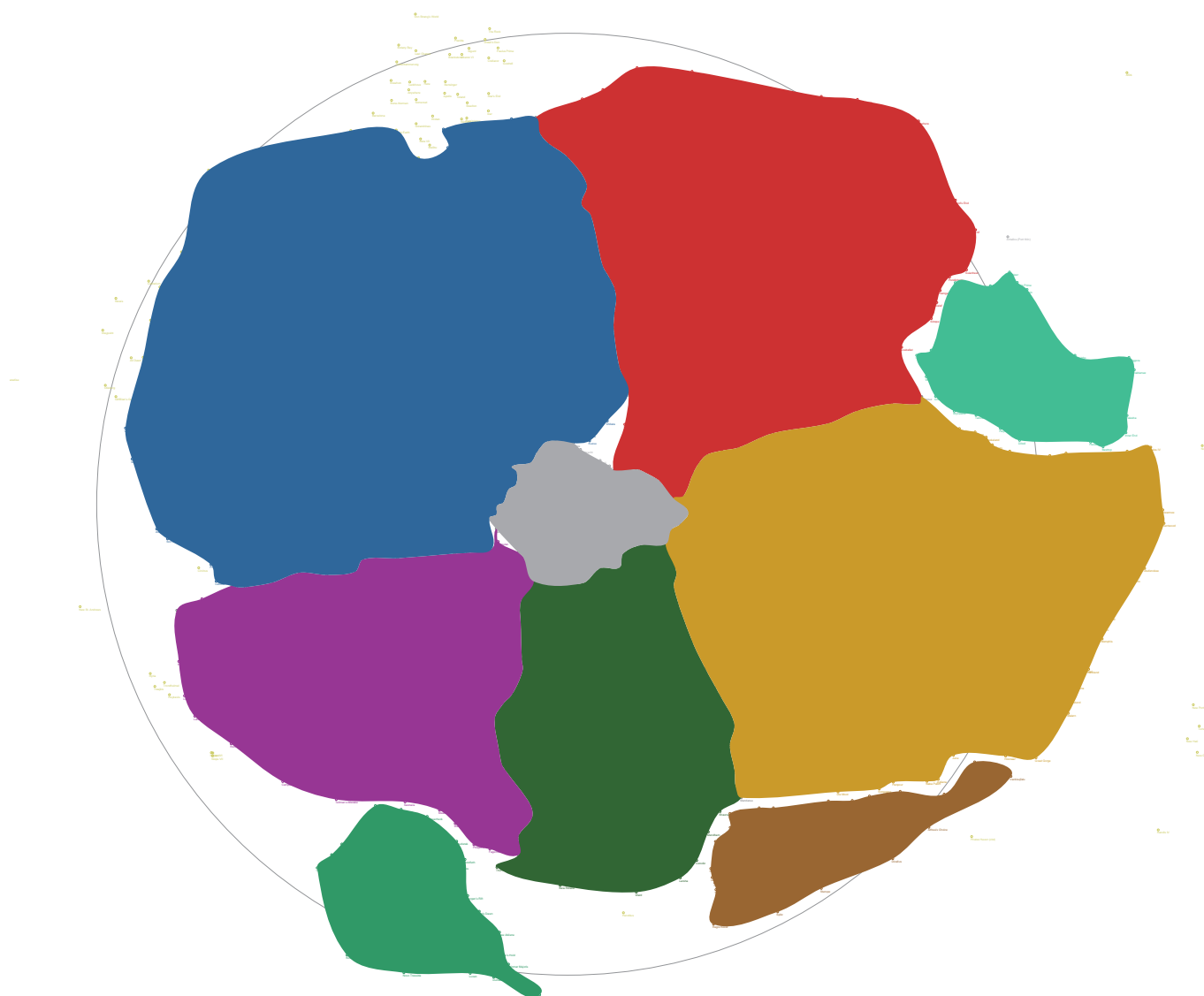
Что будет ждать нас, когда мы вернёмся? И во что превратимся мы сами?

Карта взята из 1709 Field Manual The Clans: Warriors of Kerensky

Внутренняя Сфера 2575 год

0 30 100 250

- Капелланская Конфедерация
- Синдикат Драконов
- Федеративные Солнца
- Лига Свободных Миров
- Лиранское Содружество
- Терранская Гегемония
- Магистрат Канопуса
- Альянс Внешних Миров
- Периферия (все остальное)
- Таурианский Конкордат

Автопушка (Autocannon). Скорострельное, самозарядное оружие, стреляющее высокоскоростными очередями взрывчатых, бронебойных снарядов, или эквивалентными по наносимому повреждению тяжелыми снарядами. Лёгкой считается автопушка с калибром от 30 до 90 мм. Тяжёлая автопушка может иметь калибр от 80 до 120 мм и даже выше. Автопушки бывают 4-х классов: АС/2, АС/5, АС/10 и АС/20. На кораблях устанавливаются флотские варианты - НАС. Помимо стандартных, АС используют ряд специальных боеприпасов: бронебойные для повреждения внутренних компонентов цели, бризантные для уничтожения большого количества брони, кластерные для LB-X АС, шрапнель против пехоты, лёгкие, но взрывоопасные безгильзовые и трассирующие для ночного боя.

Батальон (Battalion). Военная организационная единица Внутренней сферы, которая как правило состоит из 3 рот.

Боевые мехи (или просто мехи) (BattleMechs). Это наиболее мощные военные машины, которые когда-либо создавались людьми. Впервые разработаны терранскими учеными и инженерами. Эти чудовищные устройства, напоминающие формой человеческую фигуру, по скорости, мобильности, огневой мощи и броневому вооружению далеко опережают любой, самый тяжелый танк XX века.

Высота боевого меха колеблется от десяти до двенадцати метров. Вооружение составляют автопушки, лазеры и ракеты. Огневая мощь меха способна подавить огневую мощь любого противостоящего противника, кроме другого меха. Небольшой термоядерный реактор предоставляет боевому роботу практически неисчерпаемые энергетические ресурсы. В силу своих конструктивных особенностей мех легко может быть адаптирован для ведения боевых действий в любых климатических условиях, начиная от выжженных солнцем пустынь и кончая приполярной тундрой.

Взвод. Тактическое военное подразделение, обычно состоит из 50-60 человек командованием лейтенанта или взводного сержанта. Взвод может делиться на две секции.

Внутренняя Сфера. Термин, исходно обозначавший обитаемые миры, присоединившиеся к Звёздной Лиге в 26 столетии. Государства, владения и пиратские группировки, расположенные сразу за пределами Внутренней Сферы, именуются Периферией.

Государства-наследники. После падения Звёздной Лиги члены Верховного Совета, каждый или каждая, претендовали на роль Первого Лорда Звёздной Лиги. Их звёздные империи стали известны как наследные государства и управлялись Лордами-Наследниками. Пять наиглавнейших Великих Домов - Дом Куриты (Синдикат Драконов), Дом Ляо (Капелланская Конфедерация), Дом Штайнера (Лиранское Содружество), Дом Марика (Лига Свободных Миров) и Дом Дэвиона (Федеративные Солнца). Вторжение кланов прервало столетия постоянных войн, которые начались в 2786 году.

Местом ведения этой войны была вся огромная Внутренняя Сфера, которая включала в себя все звездные системы, когда-то занятые Звёздной Лигой. Лорды-Наследники на время забыли о своих различиях во взглядах на власть, с тем чтобы вместе противостоять общему врагу - кланам.

Звёздная Лига (Star League). Звёздная Лига была создана в 2571 году и являла собой попытку мирного объединения главных звездных систем, заселенных к тому времени человечеством. Лига просуществовала почти 200 лет, вплоть до 2751 года, когда вспыхнула гражданская война. Причиной войны послужила начавшаяся борьба за власть между членами тогдашнего правительства, известного как Верховный Совет. Каждый из членов королевского Дома провозгласил себя Верховным Правителем Звездной Лиги, и по прошествии нескольких месяцев война захлестнула всю Внутреннюю Сферу. Этот конфликт продолжается и по сей день, хотя с той поры минуло уже добрых три сотни лет. Эти столетия непрекращающейся кровавой смуты известны сегодня как войны за Наследие.

Лазер (Laser). Использование лазера как боевого оружия основано на его способности концентрировать мощнейший поток теплового излучения на малой площади поверхности. Бортовые лазеры, устанавливаемые на боевых роботах, делятся в зависимости от мощности генери-

руемого теплового потока на малые лазеры (МЛ), средние лазеры (СЛ) и большие лазеры (БЛ). Кроме станковых боевых лазеров, существуют и переносные модификации. Помимо использования лазера как оружия, он находит применение в различных системах локации и наведения. Для этого используются маломощные лазеры.

РБД (SRM). Сокращение от Ракета Ближнего Действия (Short-Range Missile). Неуправляемая (самонаводящаяся у кланов) ракета с взрывчаткой большой мощности. Оружие, применяющееся для поражения цели, находящейся в пределах прямой видимости на расстоянии до 270 метров. SRM подразделяются по количеству пусковых установок: SRM-2, SRM-4 и SRM-6. Помимо обычных бывают самонаводящиеся SRM, которые выстреливают только после захвата цели всеми ракетами, ретро-самонаводящиеся SRM, использующие вражеские самонаводящиеся SRM, чтобы посылать ракеты обратно к противнику, а также мощные, но неточные ракеты смертоносного огня. К SRM-2 существуют зажигательные боеприпасы – инферно. SRM, LRM имеют следующие модификации: для стрельбы под водой торпедами и однозарядные, исключающие вероятность взрыва боеприпасов.

РДД (LRM). Ракеты дальнего действия (Long-Range Missiles) Используются для поражения удалённых объектов и целей вне пределов прямой видимости. LRM обеспечивает поражение цели на расстоянии до 630 метров и несёт боеголовку, в 2 раза менее мощную, чем у SRM. LRM подразделяются по количеству пусковых установок: LRM-5, LRM-10, LRM-15 и LRM-20.

Периферия. Обширные области пространства, частью исследованные, частью - нет, прилегающие к границам Внутренней Сферы. Первоначально Периферия заселялась колонистами с Терры. Во время распада Звёздной Лиги эти области особенно сильно пострадали от технологического, политического и экономического кризиса, охватившего территорию Лиги, что привело к значительному сокращению населения планет Периферии, вплоть до того, что некоторые области практически обезлюдели. В настоящее время Периферия является убежищем пиратских королей, феодалов и людских отбросов Внутренней Сферы.

ППЧ (PPC). Сокращенно от: “протонно-ионный излучатель” – магнитный ускоритель, стреляющий высокоэнергетическими протонами или ионными разрядами. Наиболее эффективное оружие, доступное боевым мехам. Хотя теоретический радиус действия ограничивается линией видимости, технология наводки и фокусирования разрядов ограничивает эффективный радиус до 600 метров, а минимальный 90 метрами, из-за опасения взрыва.

Полк. Военная организационная единица Внутренней Сферы подразделения от двух до четырех батальонов, в каждом от трех до четырех рот. Полком командует полковник.

Посадочные корабли (DropShips). Прыжковые корабли обычно избегают входить внутрь планетных систем и выпрыгивают из гиперпространства в значительном отдалении от планет, являющихся целью путешествия. Для челночных полетов внутри планетных систем используются посадочные корабли. Во время гиперпрыжков дропшипы находятся в специальных отсеках космического корабля. Способные перемещаться лишь в Евклидовом пространстве, ограниченные в скорости, шаттлы, с другой стороны, отличаются очень высокой маневренностью и мощным вооружением в сочетании с высокими аэродинамическими показателями, что дает им возможность совершать посадки на поверхность планет. Перелет от точки выхода прыжкового корабля из гиперпространства до планеты обычно занимает несколько дней или недель, в зависимости от массы и яркости центральной звезды планетной системы.

Прыжковые корабли (“прыгуны”). Транспортные средства для межзвездных перелетов. Впервые разработаны в XXII столетии. Внешний вид: длинный, узкий корпус двигательного отсека, заканчивающийся парусом в виде гигантского зонтика. Диаметр паруса иногда превышает километр. Прозвище “прыгуны” эти корабли получили за свою способность мгновенно перемещаться из одной точки пространства в другую. Выпрыгнув в Евклидово пространство, прыжковый корабль не может покинуть его до тех пор, пока не пополнит запасы энергии.

Гигантский парус прыжкового корабля сделан из особого металла, способного поглощать и накапливать электромагнитное излучение ближайшей звезды. После того как парус накапливает достаточное количество энергии, он передает ее в двигательный отсек, где энергия преобра-

зуется в особое поле Керни-Футиды, искривляющее и свертывающее пространство. Мгновение спустя прыжковый корабль совершает очередной прыжок, покрывая при этом расстояние около тридцати световых лет. Поле, искривляющее пространство, известно под названием гиперпространства. Именно его открытие и проложило человечеству дорогу к звездам.

Прыжковые корабли никогда не садятся на планеты и крайне редко заходят внутрь планетных систем. Межпланетные перелеты осуществляются дроппипами - небольшими судами, находящимися на корабле во время прыжков.

Рота. Тактическое военное подразделение, состоящее из трех копий мехов или, для пехоты, трех взводов, с общей численностью от 50 до 100 чел. Пехотные роты обычно возглавляются капитаном.